INSPIRIA

INSPIRIA

Вперед

Блейк Крауч, Энди Вейер, Вероника Рот, Амор Тоулз, Нора Кейта Джемисин, Пол Тремблэй

Аннотация
Сборник. Вперед
Ковчег. Вероника Рот
Летний мороз. Блейк Крауч
  Глава первая
  Глава вторая
  Глава третья
Аварийная кожа. Н. К. Джемисин
Вы прибыли в конечную точку маршрута. Амор Тоулз
  Вы прибыли в конечную точку маршрута
  Первое знакомство
  Первая «проекция»
  Вторая «проекция»
  Третья «проекция»
  Мы как раз говорили о вас
  «Наполовину полный стакан»
  Мелкие монеты
  Столик на четверых
Последний разговор. Пол Дж. Тремблэй

001
005
007
009
010
011
012
014
018
020
022
023
024
026
028
030
031
032
001
Случайные числа. Энди Вейер

Аннотация

Эксклюзивный сборник повестей ведущих фантастов и мастеров мейнстрима. Шесть образов ближайшего будущего от лауреата премии «Хьюго» Н.К. Джемисин, мастера технотриллера Блейка Крауча, создателя «Марсианина» Энди Вейера, автора «Дивергента» Вероники Рот и других.

Моральные проблемы искусственных интеллектов, квантовые компьютеры и видеоигры, клонирование и генная инженерия, климатический антропогенный апокалипсис – чем совершеннее современная наука, тем более изощренными становятся эти темы, но во главе угла остается человечность и способность сопереживать.

Перед вами сборник футуристических повестей от современных фантастов и мастеров прозы, награжденных престижными премиями. Н. К. Джемисин, Энди Вейер, Блейк Крауч, Амор Тоулз, Вероника Рот и Пол Дж. Тремблей.

Премия «Хьюго» за лучшую повесть.

Бестселлер Amazon.com.

«Этот сборник научной фантастики может похвастаться шестью историями от любимых авторов, каждую из которых можно прочитать не отрываясь». – Paste Magazine

«Мне нравится именно такая тревожность, вызванная технологиями… Счастливого вечера!» – Audible

«Поразительно и пугающе». – Criminal Element

«Привлекательность этих историй заключается не только в том, чтобы понять что происходит на самом деле, и в том горько-сладком чувстве, которое они вызывают». – Kirkus Reviews

Сборник
Вперед

FORWARD: A Collection Edited By Blake Crouch
ARK by Veronica Roth © 2019
SUMMER FROST by Blake Crouch © 2019
EMERGENCY SKIN by N.K. Jemisin © 2019
YOU HAVE ARRIVED AT YOUR DESTINATION by Amor Towles © 2019
THE LAST CONVERSATION by Paul Tremblay © 2019
RANDOMIZE by Andy Weir © 2019
This edition published by arrangement with InkWell Management LLC and Synopsis Literary Agency

© С. Саксин, перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Ковчег. Вероника Рот

Veronica Roth
Ark © 2019

Осталось два месяца

С мороза руки Саманты были все еще красными, кожа обтянула пальцы и высохла. Утром она относила припасы на «Наоми», небольшую рыбацкую шхуну, которую купила на последние деньги, пока деньги не потеряли всякий смысл.

Саманта научилась вязать морские узлы за несколько месяцев до того, как купила шхуну. В первую очередь булинь, беседочный узел, который начинается с петли на канате, а конец протягивается сначала вверх, затем вниз и сквозь нее. Как утверждалось в интернете, самый полезный узел в мире. Интернет исчез через несколько недель после этого, прямо перед самой эвакуацией.

В Библии Ной построил лодку, чтобы спастись от потопа, остаться в живых. «Наоми» не станет спасаться. У нее другая задача.

Саманта уселась на причале и подула на руки, согревая их.

* * *

— Я, — сказал Дэн, отрываясь от экрана компьютера, — был бы не прочь покурить.

Саманта была поглощена изучением образца клеточной ткани. Она рассматривала в мощную лупу крохотные листочки комка торфяного мха, стараясь сопоставить их с картинками на экране компьютера перед ней. Ей нужно было сделать выбор между *Ambuchanania* и *Sphagnum*. Листы *Sphagnum*, говорил ей экран, должны иметь крупные мертвые клетки, перемежающиеся с живыми. Нужно будет посмотреть на образец в микроскоп.

— Ты же ведь не куришь, — сказала Саманта, вставая, чтобы взять предметное стекло.

— Я *больше* не курю, — поправил ее Дэн. — Бросил в двадцать лет.

Взяв чистое стекло, Саманта снова села и потянулась за йодом.

— И вот теперь, когда ты работаешь в замкнутом помещении вместе с другими людьми, тебе вдруг захотелось начать снова?

— Ну ты сама подумай, — сказал Дэн. — Мало

того что курить на кораблях Ковчега запрещено; табака там просто не будет. По крайней мере свежего. Так что разве мы не обязаны попробовать все, что могут нам предложить земные растения, пока у нас есть такая возможность?

С помощью скальпеля Саманта соскоблила образец с крошечного листочка. Раньше у нее дрожали руки, когда она выполняла такие деликатные действия, но теперь, после не поддающегося счету количества образцов от бесконечного множества растений, она к этому привыкла. Саманта окунула образец в йод, дважды нажала на него, чтобы он стал мягким, и накрыла стеклышком. Пропитанный йодом зеленый кусочек расплющился под стеклом.

Саманта положила предметное стекло на столик микроскопа и закрепила его зажимами. Ее рука автоматически потянулась к колесу грубой регулировки, приближая столик к объективу. Прильнув глазом к окуляру, она вдруг поняла, что Дэн ждет ответа.

— Я никогда не курила, — сказала Саманта.

— Что ж, — сказал он, — сейчас лучший момент, чтобы попробовать.

Сегодня утром Дэн побрился, и у него на шее до сих пор был прилеплен кусочек туалетной бу-

маги с красным пятнышком, там, где он зацепил себя бритвой. Широкоплечий, розовощекий, Дэн безостановочно ел с тех самых пор, как с Земли эвакуировали большинство жителей. Впереди будет достаточно времени снова прийти в форму, сидя на голодном пайке на борту космического корабля, несущегося к «Земле часть 2», как любил он говорить.

— Ну да, — неожиданно для самой себя сказала Саманта. — А почему бы и нет?

* * *

Когда ей было семь лет, сильный ветер сорвал все листья с клена, растущего во дворе их дома. Проснувшись, Саманта увидела голые ветки и лужайку, покрытую оранжево-желто-красным ковром. Ее отец все воскресенье сгребал листья в огромную кучу в дальнем конце двора, а затем, когда солнце село, поджег их.

Саманта весь день держалась от отца подальше — неблагоразумно приставать к нему, когда он занят важным делом, точнее, занят вообще чем-либо, — но когда она увидела, что он просто стоит перед кучей листьев, она накинула на себя его старую куртку и присоединилась к нему. Рукава куртки доставали ей до кончиков пальцев,

согревая их, а эластичная манжета снизу гладила колени.

— Не подходи слишком близко! — сказал отец, увидев ее.

Саманта высунула руки из рукавов, чтобы ощутить ладонями тепло костра. Деревья в небольшой рощице за домом также остались без листьев, кроме сосен, отягченных иголками. Год назад отец сказал ей, что каждая зима, которую она увидит, будет одной из последних в истории Земли. После чего вскоре заснул, держа на коленях стакан виски.

Саманта подняла взгляд на силуэты ветвей на фоне раскрашенного сочными красками неба. Ветер переменился, и ей в лицо полетели хлопья пепла, попадая в глаза. Один комок пепла упал Саманте на губы, и она слизнула его языком. У него был вкус горящих листьев, корчащихся в языках пламени, вкус старой поношенной куртки, вкус раскрывающегося в воздухе дыхания.

Вот такой же, думала Саманта, стоя укутавшись за дверью рядом с Дэном, такой же вкус и у сигарет.

* * *

Ее глаз прильнул к холодному окуляру микроскопа. Все было холодным на Шпицбергене, архипелаге к северу от Полярного круга, формально принадлежащем Норвегии. За последние несколько лет, пока обитатели Земли готовились к эвакуации, на Шпицберген хлынули ученые со всего мира, так как именно здесь находилось Всемирное хранилище семян, в котором к моменту известия о грядущем апокалипсисе было собрано уже больше миллиона образцов.

После того как двадцать лет назад был обнаружен астероид Финиш, границы потеряли какое-либо значение. Теперь все были просто землянами.

Глобальное научное сообщество принялось за работу сразу же после открытия Финиша: спасти как можно больше генетического материала с Земли до того, как произойдет катастрофическое столкновение. По всему миру разъехались исследователи, вооруженные новыми технологиями сохранения живых растений и животных, и начали собирать сотни тысяч образцов. В то же время были построены два огромных корабля-хранилища, один в Австралии, другой на Шпицбергене,

получившие названия «Ковчег Флора» и «Ковчег Фауна», — и ученые начали каталогизировать всю информацию, уже полученную и ту, которая должна была поступать до самого конца. В самом начале были разговоры о том, чтобы просто загрузить все образцы на корабли, а изучить их потом. Однако пространство на кораблях было ограниченным, а очень многие образцы повторялись. Как сказал руководитель проекта «Ковчег», лучше получить сто уникальных образцов, чем три сотни дубликатов.

«Ковчегу Флора» и «Ковчегу Фауна» предстояло стартовать через два месяца, в узком окошке времени перед самым столкновением с астероидом. Они присоединятся к остальным беженцам с Земли, направляющимся к «Земле часть 2» (официально известной как «Терра»). Никому из находящихся на борту этих кораблей людей не суждено будет увидеть новую планету, но ее увидят их дети.

Саманта подключилась к проекту «Ковчег» не с самого начала и, если честно, даже не с середины. Она пришла только тогда, когда объявили набор «рабочих Последних дней». Требования были следующие: высшее образование в соответствующей сфере деятельности, отсутствие криминального

прошлого, отсутствие психических заболеваний и отсутствие близких родственников. Чтобы некому было переживать об их гибели, если Финиш объявится слишком рано или ракета не взлетит.

— Сиротки, собираемся! — Этот призыв раздавался из дверей лаборатории каждый день в одно и то же время: 11.45. Выкрикивала его молодая женщина по имени Аверилл, миниатюрная, с узкими плечами, но округлыми бедрами. Еще в раннем детстве она научилась говорить грудным голосом, чтобы перекрывать голоса двух своих братьев, и эта привычка так у нее и осталась.

Ее братья, как и родители, погибли в автомобильной катастрофе, когда Аверилл было восемнадцать лет. Здесь все знали о жизненных трагедиях всех остальных. Разговоры об этом были таким же обычным делом, как и разговоры о погоде.

Перед Аверилл стояла тележка с двумя рядами пакетов с обедом. Эти пакеты нужно было отнести настоящим ученым, работающим в отдельных лабораториях, где они выполняли более тонкую работу, чем простая сверка образцов с изображениями на экране: обеспечивали необходимые условия консервации для сохранения

максимального количества видов.

— Для всех это самое любимое время, — широко улыбнулась Аверилл. — Доставка обеда. Сегодня соревнуются между собой Брендан, Алиса и Саманта.

Оторвавшись от микроскопа, Саманта подошла к тележке. Брендан, по-мальчишески крепкий, и Алиса, с зачесанными за уши сияющими черными волосами, уже стояли там. Аверилл протянула кулак с зажатыми тремя соломинками. Сначала вытянул Брендан, затем Алиса, последней Саманта.

Саманте досталась самая короткая соломинка. Она вздохнула. Практически все ученые размещались в одном здании, их лаборатории вытянулись в длинную цепочку, но для того чтобы добраться до отдаленной теплицы, принадлежащей доктору Нильсу Хагену, требовалось полностью облачаться в арктические доспехи. Сам по себе этот человек был безобидным, но дорога к нему занимала больше часа.

Аверилл вручила ей единственный термопакет, подписанный прописными буквами «ХАГЕН», и Саманта подняла его, приветствуя лабораторных батраков. Те приветственно загудели в ответ, и она отправилась за своей курткой.

* * *

Первое же дыхание ветра заставило Саманту почувствовать все те места, которые она не прикрыла: полоску кожи над щеками и ниже очков-маски, узкий тоннель с одной стороны капюшона, затянутого недостаточно туго. Она потянула вниз рукав куртки, закрывая пятно кожи на запястье, не защищенное рукавицей, и двинулась в путь.

Хаген проводил утро в теплице вместе со своими орхидеями. Все от простых рабочих до руководителя проекта «Ковчег» пытались убедить его перебраться в главное здание к остальным ученым, но он отказывался. А поскольку специалистов, способных выполнять ту работу, которой занимался Хаген, было раз-два и обчелся — а теперь из них вообще никого не осталось, все, кроме него, уже покинули Землю, — его приходилось обслуживать. Впрочем, всю свою работу он выполнял сам, поэтому жаловаться можно было разве что на неудобства.

Все вокруг было белым-бело. Даже островерхие горы вдалеке сквозь снег и туман проглядывали лишь бледными пятнами. Саманта впервые прилетела на Шпицберген на вертолете, вече-

ром, поэтому поселок показался ей паутиной светящихся оранжевых ниточек, тропинок, соединяющих невысокие здания. Земля сияла голубизной — зрелище прекрасное, как полотна Ротко[1], потому что все вокруг было таким пустым, что могло смять человека в крохотный комок, а затем проглотить.

Вокруг не было ни души. Здесь, на Шпицбергене, трудно было поверить в то, что миру скоро настанет конец.

Саманта добралась до теплицы; стеклянные стены отражали белизну, одновременно сверкающие и невидимые. Маленький домик Хагена стоял рядом — бурое пятно у подножия одной из гор, обнимающих небольшой поселок со всех сторон. Саманта открыла наружную дверь, скрипя снегом, и всмотрелась в наполненную теплым влажным воздухом теплицу в поисках Хагена. По большей части ученый сам приходил за своим обедом, так что Саманте даже не приходилось снимать очки. Она сомневалась в том, что он знает ее в лицо, несмотря на то, что последние несколько месяцев она раз в неделю бывала

[1] Примечания: 1

Ротко, Марк (1903–1970) — американский художник, ведущий представитель абстрактного импрессионизма, один из создателей живописи цветового поля.

здесь. Однако сегодня его нигде не было видно.

Саманта сняла рукавицы, очки, капюшон. Развязала шарф, ощутив вкус мокрой шерсти, и расстегнула молнию куртки. Оставив все на земле у входа, она открыла дверь в теплицу.

Влажность тотчас же облепила ей щеки и ресницы. Растения росли в три ряда, с двумя проходами между ними. Куда бы ни обращала свой взгляд Саманта, она видела листья, стебли и цветки практически всех цветов радуги. Кроваво-красная *Cymbidium* с полудюжиной цветков стояла на нижней полке, губы между нижними чашелистиками тронуты белым. Рядом с ней *Oncidium,* с нежными веточками, развернувшимися в крошечные цветки, размером не больше ногтя. А за ними еще более необычные и пестрые орхидеи, чудовищного вида, с разбухшими губами и тонкими лепестками, похожими на иглы.

— Они бывают всех цветов, кроме синего и черного.

Сквозь листья и цветки Саманта разглядела согнутую спину и бледную руку Нильса Хагена, обхватившего цветок орхидеи.

— Но…

Саманта шагнула в теплицу и, забыв про пакет в руке, указала на ближайший цветок, еще одну

Cymbidium, с малиновым центральным стержнем. Она показалась ей практически черной.

— Это просто очень-очень темный пурпур, — покачав головой, возразил Хаген. Он поднял один цветок к свету, и Саманта увидела, что он действительно темно-бордовый, цвета молодого бургундского. — И то же самое верно в отношении так называемой черной *Paphiopedilum*.

— И блистательной *Thelymitra yorkensis*, солнечной орхидеи, — добавила Саманта. Она улыбнулась, увидев недоумение Хагена. — Моя мама их обожала, они всегда росли у нас дома. Наверное, это она подтолкнула меня к занятиям биологией.

— А ваша мать сейчас…

— Ее нет в живых, — ответила Саманта. — Вы же знаете, здесь ни у кого нет в живых близких родственников.

— Ах да. — Хаген наморщил лоб. — Это постоянно вылетает у меня из головы.

Саманта протянула ему пакет с обедом.

— Ваш сандвич с тунцом.

— Я надеялся, вы сначала поможете мне кое с чем.

Хаген оглядел ее с ног до головы, и она отплатила ему тем же. Он был в годах, но еще не старый,

волосы у него были с серебристыми прядями, а лоб пересекали глубокие морщины. Высокого роста, Хаген имел покатые плечи и оставался довольно подтянутым, хотя кожаный ремень брюк перетягивал небольшое брюшко.

— По-моему, у вас для этой работы хватит силы. Просто она требует две пары рук.

— Конечно, — улыбнулась Саманта. — Это лучше, чем весь день щелкать картинки на экране.

— А, так, значит, вы работаете над определением образцов, — сказал Хаген. — В таком случае у вас должно быть хорошее цветовосприятие, иначе бы вас не запихнули в хранилище «Ковчега Флоры» играть в навороченный «Тетрис» с неустановленными образцами.

— Тем лучше, потому что с головоломками у меня всегда были проблемы, — рассмеялась Саманта. — Но я внимательна к деталям. И усидчивая. Очень усидчивая.

— Для ученого это важные качества.

— Я не ученый, — с улыбкой поправила его Саманта. — Я агроном.

— У вас высшее образование, как и у всех остальных, кто в настоящий момент остается на Земле, — сказал Хаген. — И вы принимаете участие в самом последнем научном проекте,

который будет осуществлен на этой планете. Так что вы самая настоящая ученая. А теперь подойдите сюда и помогите мне с этой полкой.

В дальней части теплицы стоял старый деревянный письменный стол, придвинутый вплотную к стене. Прямо над ним висели две полки, одна с книгами, другая пустая, завалившаяся на одну сторону, так как сломалась петля. Горшочки, судя по всему, стоявшие на ней раньше, теперь громоздились на столе, на книгах, тетрадях и бумагах. С краю на столе стояла кружка, разрисованная виноградными лозами. Она была кособокая — несомненно, ручной работы, с впечатавшимися в поверхность вмятинами от пальцев.

— Итак, если вы подержите эту полку — она деревянная и гораздо тяжелее, чем кажется с виду, — сказал Хаген, — я закреплю новую петлю. Снимать полку мне не хочется, потому что было очень трудно повесить ее ровно.

Он говорил с едва заметным акцентом, но медленно, запинаясь, к чему Саманта уже привыкла, общаясь с теми, для кого английский язык не был родным.

Перегнувшись через стол, она взяла полку и прижала ее к стене, одновременно поднимая вверх. Хаген взял отвертку, и когда он открутил

петлю, Саманта обнаружила, что полка действительно тяжелее, чем она ожидала. Удивленно крякнув, она дрожащими руками крепче прижала ее к стене.

— Знаете, — сдавленным от напряжения голосом промолвила она, — возможно, не имеет смысла закреплять полку, которую вам через два месяца придется бросить.

Улыбка Хагена смягчилась.

— Я ее не брошу, — сказал он.

До Саманты доходили слухи о том, что Хаген собирается остаться на Земле после того, как все остальные улетят, но совершенно другое — услышать подтверждение этого от него самого. В том, как ученый произнес это, не было никакой меланхолии; Хаген был чуть ли не влюблен в эту мысль, словно это была старая бродячая кошка, которую он накормил.

Саманта подумала о «Наоми», которая покачивалась на волнах, удерживаемая булинем.

— Что ж, — сказала она, — полагаю, в таком случае хорошо, что мы ее чиним.

Первые оценки показали, что астероид, по расчетам, имеющий в диаметре по меньшей мере пять миль, расплющит территорию размером с Соединенные Штаты. Поднявшиеся от удара в

атмосферу обломки и пыль перекроют дорогу солнечным лучам, и уже это затем уничтожит всю жизнь на планете. Поэтому, рассудила Саманта, человек, запасший достаточно продовольствия, сможет еще продержаться какое-то время, если только астероид не упадет поблизости от него.

Хаген приложил к месту новую петлю и начал ее прикручивать. По мере того как петля закреплялась, от Саманты требовалось все меньше сил, и наконец она смогла отпустить полку и начала расставлять на ней горшочки.

— Вы ничего не имеете против, если я спрошу, почему? — сказала она.

— Вы не будете первой, — ответил Хаген, стряхивая пыль с рук. Он снял очки и положил их на стол. Саманта обратила внимание, что в уголках глаз у него были морщинки, придающие ему такой вид, будто он постоянно смеется, даже когда он серьезный.

— Я не боюсь показаться неоригинальной, — ответила она.

Похоже, ее ответ очаровал ученого. Он хмыкнул.

— На то много причин, — сказал Хаген, — но достаточно всего одной: я просто не могу покинуть свой дом.

Саманта кивнула. Взяв пакет с надписью «ХАГЕН», она поставила его на стол рядом с самодельной кружкой.

— Приятного аппетита, — сказала она.

— Если желаете узнать больше про орхидеи, — сказал Хаген, — подумайте о том, чтобы в следующий раз захватить обед и для себя. — Он склонил голову набок. — Я хочу сказать, если вы любите их так, как их любила ваша мать.

Помахав ему на прощание, Саманта вышла из теплицы и натянула рукавицы.

* * *

«Орхидейный лазарет», как называла его мать Саманты, находился у нее в комнате, вдоль окна. После того как съежившиеся цветки опадали, мать ставила растение на подоконник и оставляла его на непрямом свете до тех пор, пока оно снова не зацветало. Раз в неделю она подкладывала в горшки кубики льда, чтобы талая вода пропитывала землю.

— Зачем ты поддерживаешь чью-то жизнь, — спросила как-то у матери Саманта, — если ее все равно уничтожит Финиш?

Мать пожала плечами.

— Зачем принимать душ, если все равно

испачкаешься? Зачем есть, если все равно проголодаешься? Каждое растение умрет в свое время, Сэм. Но не сейчас.

В детстве Саманта ходила в «орхидейный лазарет» каждый день, стояла в дверях ванной, когда мать делала макияж, и поспешно убегала, прежде чем от рева фена у нее начинало колотиться сердце. Если у Наоми было хорошее настроение, она, закончив заниматься собой, пудрила дочери щеки или подкрашивала тушью ресницы. Однажды она даже повязала Саманте голову своим шарфом, шелковым с фиалками.

Когда Саманта стала старше — достаточно взрослой, чтобы красить губы блестящей розовой помадой, как у Барби, и наносить на веки блестки, — она уже больше не наблюдала за утренним ритуалом матери, но все равно заходила к ней в спальню, чтобы проверить, не высохла ли почва в горшках с орхидеями, открыть гардероб и вдохнуть аромат материнских духов, померить ее туфли, по мере того как ее нога росла, дюйм за дюймом, пока наконец туфли не стали ей впору. А потом, возвращаясь домой из колледжа, Саманта проводила руками по баллону с кислородом, проверяла маску, которую вынуждена была носить ее мать, когда тело начало ей отказывать.

Первая вечеринка была у нее в восьмом классе, когда ей было тринадцать лет, и мать отправилась вместе с ней в магазин за платьем. Саманта стеснялась, что без лифчика ее еще не оформившиеся груди не будут иметь формы, поэтому они отказались от бретелек и обратились к более закрытым моделям. Самым обещающим вариантом оказалось прямое черное платье, хотя девочка, примерив его, и попыталась примять растущие бугорки ниже ключиц, но мать отдернула ее руки, назвав ее глупышкой: иметь красивое тело — это не преступление. И Саманта, стоя в примерочной и глядя на свое отражение в зеркале, думала, что ее тело идет волнами, подобно песчаной пустыне, поднимается барханами, опускается ложбинами, ветер заметает песком изгибы и острые углы.

Но еще лучше платья были сережки. Как сказала мать, они принадлежали бабушке Саманты, которая умерла, когда матери не исполнилось и двадцати, от каких-то невыявленных проблем с сердцем. Сережки представляли собой маленькие серебряные листочки с вставленными в них жемчужинами. Отпуская Саманту в школу вместе с матерью ее подруги Кары, мать предупредила ее относиться к сережкам очень бережно.

Девочке потребовался целый час, чтобы хоть

как-то справиться со страхом перед танцевальной площадкой, но даже и после этого ее движения оставались скованными, она стеснялась крутить бедрами и поднимать ноги от пола. По большей части Саманта и другие девочки подпевали слова знакомых песен, встав в круг и качая головами, отчего блестки с волос незаметно осыпáлись на пол актового зала. Один раз Саманта решилась на медленный танец с Дэвидом Шахом, вместе с которым занималась в хоровой студии. От Дэвида пахло пóтом, но у него была милая застенчивая улыбка, и он пел чистым тенором.

Когда Саманта вечером вернулась домой, она поднесла руки к ушам, чтобы снять сережки, и обнаружила, что правой нет.

Саманта обыскала коридор второго этажа, лестницу, кухню и прихожую, понимая, что сережка, скорее всего, была потеряна еще в школе. Наконец она вся в слезах прибежала к матери и протянула единственную оставшуюся сережку.

Мать помолчала, забрала у нее сережку, затем улыбнулась, погладила девочку по голове и сказала, что это пустяки.

Когда ночью Саманта встала, чтобы попить воды, она увидела в коридоре мать, которая в белом махровом халате ползала на четвереньках,

ища на ковровой дорожке то, что обронила дочь.

Сейчас, возвращаясь в научный комплекс, чтобы продолжить свою работу, Саманта оказалась в редкой на Шпицбергене полосе солнечного света. В ярких лучах снег искрился, подобно осыпавшимся блесткам с волос и жемчужинам, вставленным в серебряные листья.

Осталось две недели

Когда в лаборатории появился цветок, все собрались вокруг.

Образец оказался на столе у Саманты. Это было целое растение: цветок, стебель, листья и корни, помещенное в прозрачный раствор, в котором сохранялись все образцы. По большей части они попадали на Шпицберген уже подписанными учеными, которые собрали их в естественной среде обитания еще много лет назад; однако иногда подписи терялись, или же руководство находило, что они не соответствуют истине. В просторных подземных хранилищах под лабораторией по-прежнему оставались тысячи образцов, многочисленные ряды баночек с растениями, чьи названия быстро забудутся во время длительного космического путешествия. Но Саманта и ее коллеги как раз трудились над тем, чтобы успеть

зафиксировать как можно больше информации.

Этот конкретный цветок был желтый и круглый, с десятками лепестков, оборками окруживших середину. Стебель был мохнатый и светло-зеленый, листья у основания вытянулись длинными гладкими полосками. Какое-то время все молча смотрели, как Саманта печатает первые параметры внешнего осмотра: «желтый, высота 28,2 см, листья: пять, происхождение: Великобритания».

— Похоже на одуванчик, — сказал Дэн, когда Саманта прильнула к экрану с картинкой, которую ей предложила база данных.

— И что? — возразила Аверилл. — И одуванчики тоже нужно занести в каталог.

— Послушайте, мы не успеем разобрать все образцы до отлета, — сказал Дэн, — и лично я предпочел бы сохранить генетический материал какой-нибудь редкой африканской фиалки, чем простой одуванчик. Разве это преступление?

— Нельзя отбирать образцы по собственной прихоти, — возразила Аверилл. — Кому-то дороже африканская фиалка, а кому-то — одуванчик.

— Я не могу принять то, что не существует объективных стандартов красоты и ценности.

— Это не одуванчик, — наконец сказала Са-

манта. Она указала на листья у основания растения. — У одуванчика листья… какие-то *убогие.* А у этого растения они гладкие и красивые. Видите?

— Это официальный ботанический термин? — заглянув ей через плечо, спросил Джош. — «Убогий»?

— Помолчи, — сказала Саманта. — Кажется, я нашла совпадение.

Она прочитала перечень отличительных особенностей растения, которое, как ей казалось, лежало сейчас перед ней. Дойдя до конца, Саманта улыбнулась.

— Это сноудонская ястребинка, — объявила она. — Значится как «редкая».

— О, я слышала о ней, — с ярко выраженным ирландским акцентом произнесла где-то у нее за спиной Алиса. — Считалась практически исчезнувшей вследствие чрезмерного выпаса домашнего скота, но затем какая-то эпидемия выкосила в Уэльсе поголовье овец, и бац! — цветы вернулись.

— Вот видишь! — торжествующе заявила Аверилл. — Это скорее африканская фиалка, а не одуванчик. Я же тебе говорила.

— Ты говорила мне *другое,* — возразил Дэн.

Саманта отнесла растение в тележку, оставив

отпечатки своих пальцев на стеклянной банке.

* * *

Саманта могла обозначать свои детские годы любимыми цветами. Когда ей было пять лет, это был пурпур; в семь — зеленый; а в десять лет ей больше всего нравился темно-синий. Цвет ночного неба сразу после захода солнца, сказала она своей матери, и они вместе снова перекрасили ее спальню. Сверившись с картой звездного неба, мать разместила на стенах светящиеся в темноте звезды, закрепив их кнопками.

Саманта была в темно-синей рубашке, когда отец как-то вечером в июле взял ее с собой в заповедник Уоррен-Филд. Им пришлось оставить машину на стоянке у входа и дальше идти пешком по петляющим дорожкам, прихлопывая комаров. Саманта до сих пор помнила сладковатый медицинский запах репеллента, которым ее обрызгал с ног до головы отец перед тем, как они тронулись, сказав сначала задержать дыхание и зажмуриться.

В дороге они не говорили. Отец не объяснил, зачем они шли в глубь заповедника, в безлунную ночь. Саманта с раннего детства уяснила, что чем больше она разговаривает с отцом, тем с большей

вероятностью он ее чего-нибудь лишит. В основном сладкого, но иногда, бывало, каких-нибудь поездок, которые он ей обещал, — в кафе-мороженое, в зоопарк, в гости к дедушке. А вот молчание, как правило, приносило вознаграждение.

Когда они наконец добрались до просторного поля, Саманта была мокрой от пота. Раздвигая высокую траву, отец прошел в середину поля, так, что по обеим сторонам был виден лишь край леса. После чего начал собирать телескоп, прикручивать линзы, складывая в карман снятые с них колпачки. Он достал телефон, чтобы узнать точные координаты, и Саманта увидела его лицо, озаренное голубым сиянием экрана. Глубокие морщины на лбу, проседь в бороде.

— Я хочу, чтобы ты посмотрела в окуляр, вот сюда, очень внимательно, потому что эта штука промелькнет за одну секунду, — сказал отец. — Я скажу, когда именно.

Саманта прильнула к окуляру и стала ждать, старательно следя за тем, чтобы не навалиться вперед и не сбить настройку телескопа или не отклониться назад и пропустить нужный момент. У нее затекла спина, ноги ныли, но наконец отец сказал:

— Пять… четыре… три… два… один — *сейчас!*

Саманта увидела — полоску света, белое сияние среди звезд.

— Ну что, видела? — спросил отец.

— Да, — подтвердила она. — Что это было?

— Финиш, — объяснил отец. — Тот самый астероид, который вскоре столкнется с Землей. Астероиды обыкновенно выделывают на орбите пару петель, подобно преступнику, бродящему вокруг ювелирного магазина перед тем, как украсть из него бриллианты. Я подумал, тебе нужно посмотреть на него, так как, будем надеяться, когда он в следующий раз подлетит так близко, ты уже будешь жить где-нибудь в другом месте.

От этой мысли Саманта ощутила прилив тепла. Эта редкая штука Финиш пролетела мимо Земли, и папа подарил это мгновение ей, вместо того чтобы воспользоваться самому.

Отец присел на корточки рядом с ней. В темноте невозможно было рассмотреть черты его лица, но Саманта различила широкие скулы и провалы под ними.

— Извини, — пробормотал отец.

Он опустил взгляд на кроссовки дочери. Один шнурок развязался, и отец стал его завязывать, своими толстыми пальцами неловко управляясь с короткими концами, мокрыми от грязи.

— Ничего страшного, — сказала Саманта, хотя и не понимая, за что попросил прощения отец. Страх перед Финишем прочно засел у нее в голове. Приближающийся астероид был первым сюжетом вечерних выпусков новостей, главной темой всех новостных сайтов и обязательным анекдотом любого комика.

Теперь, став взрослой, Саманта понимала, что можно было вести до Финиша и другую жизнь. Жизнь без висящего на холодильнике плана эвакуации, без сумок с предметами первой необходимости, сложенных в кладовке. Жизнь, полную планов на учебу и домашние дела, с детьми и домашними животными, пенсией и поминками. И эта жизнь не была прожита в тени Финиша. А отец, заводя дочь, знал, что такой жизни у нее не будет.

Так что, возможно, он просил прощения в первую очередь за то, что дал Саманте жизнь, сознавая, что жизнь эта будет наполнена страхом.

Саманта жалела о том, что не может сказать отцу, что жизнь и так наполнена страхом, кем бы ты ни был. Все, что человек имеет, он может потерять. Осень всегда уступает место зиме, но это ее самое любимое время года — мимолетные порывы красоты перед тем, как ветви становятся

голыми.

Когда Саманте в следующий раз пришлось вытягивать соломинки, она поменялась своей длинной с короткой Джоша и в четвертый раз за этот месяц отправилась смотреть орхидеи Хагена.

* * *

— Какая из них ваша любимая?

Хаген недоуменно посмотрел на нее.

Они сажали в горшки принесенные из лаборатории образцы, лишние, которые не понадобятся для «Ковчега». Саманта разровняла на дне горшка камешки, чтобы корни не гнили при чрезмерно обильном поливе. Лишь закончив работу, она вдруг поняла, что это, скорее всего, не понадобится. Оставалось всего четыре недели до отлета «Ковчега», еще через несколько дней после этого астероид врежется в Землю, и тогда, даже если Хаген не погибнет при столкновении, у него вскоре закончится продовольствие. Растение погибнет от недостатка солнечного света до того, как успеет укорениться.

Саманта хмуро посмотрела на горшок.

— Любимой у меня нет, — сказал Хаген.

— Знаете, — заговорщически склонилась к

нему Саманта, — они вас не услышат.

— Я говорю совершенно серьезно! — рассмеялся Хаген. — Я вижу ценность в каждой из них, и, следовательно, я беспристрастен.

Саманта закатила глаза.

Хаген снова рассмеялся. Крохотные морщинки появились в уголках его глаз. Только сейчас Саманта обратила внимание на то, какие же у него яркие глаза. Они были бы холодными, словно блеклое зимнее утро, если бы профессор не улыбался так часто.

— Ты считаешь меня полным дураком, — сказал он.

— Нет, совсем нет. — Взяв маленький росток с подноса, Саманта схватила его за самую крепкую часть стебля и, поместив в середине горшка, засыпала со всех сторон землей. — Ну хорошо, да, есть немного. — Она хитро улыбнулась. — Но я также не нахожу в беспристрастности ничего хорошего — только и всего.

Хаген занялся своим растением.

— Нет?

— Ну нельзя любить всё одинаково, — сказала Саманта. — Просто нельзя — а если у вас это так, значит, на самом деле вы вообще ничего не любите. Значит, что-то должно быть вам особенно

близко, потому что именно это и есть любовь. Разборчивая. Конкретная. — Она помолчала, прокручивая свою следующую мысль, прежде чем высказать ее вслух. — Как вы любили свою жену.

Это было очень опасное высказывание. У них пару раз уже заходила речь о жене профессора, во время предыдущей встречи. Она умерла от той же самой болезни, которая отняла жизнь у матери Саманты, — от рака поджелудочной железы. У Хагена на столе стояла ее фотография. На ней его жена, склонив голову набок, смеялась над какой-то шуткой, обнажив неровные зубы. Особой красотой жена Хагена не отличалась, и все же было в ней нечто такое, что притягивало взгляд — высокая дуга носа, глубокая складка в полной верхней губе, морщины на лбу, созвездие старческих пятен на щеках.

— О. — Улыбка Хагена была мягкой — отлично, значит, она не переступила черту. — Да, кажется, я понимаю, что ты хочешь сказать.

Насыпав в горшок земли, Саманта осторожно примяла ее, чтобы корни маленького ростка укрепились на новом месте. Мясистые зеленые листья у основания стебля свесились через края глиняного горшка. Воткнув в землю палочку,

Саманта привязала к ней растение, чтобы оно держалось прямо. Цветочных почек еще не было; может быть, они успеют появиться до того, как растение погибнет, может быть, не успеют.

— Моя любимая, — сказал Хаген, — наверное, та, что была ее любимой. *Ophrys speculum*. Зеркальная орхидея. Хочешь на нее посмотреть?

Он проводил девушку ко второму ряду цветов, к растению на столике высотой по пояс, придвинутом к стене. Это растение вовсю цвело. Цветы на вид казались неземными, третья губа дольчатая и блестящая, с бахромой красных волосков по краям. Средняя часть губы казалась синей.

— Эта орхидея очень хитрая, — объяснил Хаген, прикасаясь пальцем к губе. — В процессе эволюции она приобрела такой вид, чтобы приманивать одно конкретное насекомое-опылитель, осу. *Dasyscolia ciliata*. Самец садится на цветок в надежде спариться и при этом набирает пыльцу. Даже запах похож на феромоны осы-самки. — Профессор хитро усмехнулся. — Алиса это очень любила — невозможность такой специфической идеальной кооперации между видами. В эволюции она видела руку Господа. Ее вера редко вступала в противоречие с ее научным мышлением — тут мы, разумеется, расходились

во взглядах, поскольку я уже давно законченный атеист.

Продолжая улыбаться, ученый задержал палец на цветке.

— Орхидея не является самодостаточным растением, — продолжал он. — В своих семенах она не несет эндосперм, поэтому для продолжения жизни ей требуется симбиоз с грибом. Но орхидеи находят этот симбиоз повсюду. Почти на всех континентах, почти во всех климатических зонах. На деревьях, на камнях и даже под землей. Растение привередливое, но в то же время, в противовес этому, очень живучее. — Хаген пожал плечами. — Наверное, говоря о своей беспристрастности, я на самом деле имею в виду то, что я пристрастен — но ко всем орхидеям. Разумеется, в перечне генетических образцов, подлежащих сохранению, они были далеко не на первом месте. В конце концов, в пищу орхидеи не используются, и, следовательно, брать их на первых кораблях посчитали необязательным. Что, пожалуй, справедливо. И все же…

Он посмотрел на Саманту.

— Что является обязательным? — спросил Хаген. — Я больше в этом не уверен. Я считаю, Алисия была чем-то обязательным, для меня.

— Значит, в таком случае вы постоянно чувствуете, будто также умираете, — сказала Саманта. — И ваше тело просто еще не привыкло к этому.

— Возможно. — Профессор как-то странно посмотрел на нее.

Саманта наклонилась к зеркальной орхидее, чтобы рассмотреть линию волосков, окаймляющих губу. Она мысленно отметила, что цветок внешне больше напоминает не растение, а какого-нибудь жука или таракана. Точнее, напоминал бы, если бы не синяя выпуклость посредине, не столько пигмент, сколько отражение.

— Я не собираюсь улетать на «Ковчеге», — сказала Саманта, не глядя на Хагена. Все это время она хранила тайну «Наоми», от Дэна, Аверилл и остальных «сирот» из лаборатории, от руководителя проекта «Ковчег», регулярно интересовавшейся о том, какие лекарства понадобятся Саманте во время путешествия на борту «Ковчега Флора». Начнем с того, что она ни словом не упомянула об этом в своем заявлении о приеме на эту работу, хотя уже тогда знала, как поступит. Возможно, Саманта знала это с того самого дня, когда впервые увидела Финиш в телескоп, установленный посреди поля, стоя рядом

со своим отцом, в воздухе, наполненном запахом репеллента.

— Я выведу в море шхуну, — продолжала Саманта. — Я умею ею управлять; у меня была такая в детстве. Я не буду отходить далеко от берега и осмотрю полуостров, сколько смогу. А затем брошу якорь и буду смотреть на конец света.

Лицо Хагена оставалось непроницаемым.

— Все свободное время я готовила шхуну к отплытию. Полагаю, она подойдет для того, что я задумала. Я назвала ее «Наоми» — в честь своей матери.

Саманта заставила себя остановиться. Если она продолжит говорить дальше, незаметно для себя она расскажет о том, что у нее нет суицидальных наклонностей и никогда не было, даже в минуты страшного горя. Вместо этого вся ее жизнь просто была прожита в ожидании утраты, поэтому ни смерть отца, ни смерть матери нисколько ее не удивили, показавшись чуть ли не сбывшимися обещаниями.

Хаген не отрывал от нее своих бледно-голубых глаз. Выбившаяся серебристо-черная прядь упала ему на лоб отчетливым завитком.

— Ты уверена? — спросил он.

Саманта молча кивнула.

— Ты молодая, — продолжал профессор. — Ты могла бы завести семью, у тебя вся жизнь впереди. — Он нахмурился.

Саманте хотелось сказать ему, что она больше не видит света в конце этого тоннеля. Не может представить себе, что любит кого бы то ни было так крепко, как любил свою Алисию Хаген, что прикасается ладонью к своему округлившемуся животу, жаждая почувствовать первый слабый удар ногой растущего зародыша, или даже что она, седая и сморщенная, спрыскивает листья орхидей в какой-то далекой теплице, не позволяя им высохнуть.

— Жизнь, целиком прожитая на борту корабля, — наконец сказала Саманта. — Мне это кажется бледным подобием настоящей жизни.

— Значит, вот в чем дело? — задумчиво почесал затылок Хаген. — Ты не хочешь жить на борту корабля?

Покачав головой, Саманта взяла другой росток, широко распространенной белой *Phalaenopsis*, которую она однажды купила в бакалейной лавке. Верхняя часть губы была тронута розовым.

— Когда астероид столкнется с Землей, он разорвет в клочья нашу атмосферу, — сказала Саманта. — Финиш слишком большой, чтобы она

создала для него помеху. Остановить его сможет только земная кора. Скорее всего, он упадет в воду, хотя полной уверенности быть не может. Нынешняя траектория приведет Финиш далеко от Шпицбергена — куда-то в Южное полушарие, так что непосредственно момент удара мы не увидим даже издалека. Но в небо поднимется катастрофическое облако пыли, которое затмит солнце. Возможно, обломки прольются огненным дождем. Все живое сгорит, съежится, почернеет и рассыплется. — Девушка склонила голову набок. — История нашей планеты будет прожита в обратном порядке, — продолжала она. — Мы были рождены из сгустка материи, из хаоса, в извержениях вулканов, землетрясениях и громе. — Она слабо улыбнулась. — Это будет все равно что… увидеть рождение нового мира. Вы можете представить себе что-либо более прекрасное, что-либо более сто́ящее быть увиденным?

Хаген протянул руку над белым цветком с толстыми лепестками. Его пальцы обвили пальцы Саманты.

* * *

Саманта лежала на полу у Дэна в комнате, покачивая головой в такт музыке. Дэн сидел на узкой

койке рядом с Джошем, который скручивал у себя на коленях самокрутку с марихуаной. Аверилл, прижимающая к груди бокал с вином, примостилась рядом со сложенной на полу коллекцией грампластинок Дэна. Их было всего четверо, но они заполнили всю комнату, своим теплом разогнав холод от сквозняка из окна.

Саманте казалось, будто она снова учится в колледже. Зловоние «травки», грубый ковер под головой. Вид одинокого забытого носка у Дэна под кроватью. Да и комнаты в маленьком комплексе были похожи на одноместные спальни в общежитии, кровати приподняты, чтобы запихнуть под них дешевые шкафчики, общие туалеты с однообразной бежевой плиткой и чужие волосы в сливном отверстии душа. Казалось, время повернуло вспять.

— Самые старые — это моей бабушки, — сказал Дэн. — Она их берегла.

— Сколько можно захватить с собой? — спросил Джош голосом, хриплым от дыма. Он протянул «косячок» Дэну, тот передал взамен пачку крекеров и засунул самокрутку в рот.

— Я не могу поверить, что ты берешь проигрыватель, — рассеянно заметила Аверилл, вытаскивая из стопки один из альбомов и изучая

список композиций.

— Всем будет выделен одинаковый объем, — объяснил Дэн. — Вы берете с собой альбомы с фотографиями, разные безделушки и эротические романы…

— А почему, — съев крекер, Джош передал пакет Саманте, — ты при этом посмотрел на меня?

— А почему ты смутился, когда я это сказал?

Дэн протянул самокрутку Саманте, та ее взяла, потому что им оставалось провести на Земле две недели и не было причин этого не делать.

Девушка осторожно затянулась. Вкус у марихуаны был как у навоза. Она закашлялась и сунула руку в пакет с крекерами, после чего передала самокрутку Аверилл.

— В любом случае, поскольку у меня нет ни фотоальбомов, ни безделушек, — сказал Дэн, — я беру с собой пластинки. Я уже отобрал те, которые мне больше всего нравятся, но я хочу, чтобы и вы, ребята, выбрали свои любимые, раз уж нам придется слушать их — хо, до конца наших дней. Так что пусть каждый выберет по одной.

Это было великодушно, подумала Саманта. На самом деле несказанно великодушно делиться своим самым драгоценным сокровищем — пространством — с друзьями, с которыми

познакомился всего несколько месяцев назад. Стараясь не обращать внимания на резь в глазах, девушка переключилась на рассыпанные по полу пластинки.

— Вопрос стоит вот какой, — сказала Аверилл. — Нужно выбрать альбом с самой своей любимой песней или же нужен альбом, наиболее последовательно представляющий творчество группы?

— Фу, — пробормотал Дэн. — Не употребляй в моей комнате слово «творчество»!

Крекер оказался мягкий, но соленый, и у Саманты пересохло во рту. Марихуана начала действовать, от чего ей казалось, будто голову ей зажали две огромные ладони.

— Не будь таким, как тот тип, — сказала Саманта, закрывая глаза. — Знаешь, тот, который говорит, что захватит с собой на необитаемый остров «Улисса»[2].

— А мне «Улисс» нравится, — заметил Джош.

— «Улисс» никому не может нравиться, — брезгливо поморщился Дэн. — Аверилл права, пусть каждый просто выберет свой самый любимый альбом. Даже если по каким-то объективным

---

[2] Примечания: 2

«*Улисс*» — модернистский роман ирландского писателя Джеймса Джойса (1882–1941).

стандартам он и не является лучшим.

Какое-то время все молчали. Дым кружился вокруг лампы в углу. Саманта обернулась, чтобы посмотреть пластинки, разложенные перед Аверилл, которая теперь сидела по-турецки, в окружении старых альбомов в конвертах с обтрепанными углами.

— Чудесно, — сказал Джош. Перекатившись по койке, он плюхнулся на пол рядом с Аверилл. Порывшись в стопке, он нашел то, что искал: альбом с фотографией улыбающейся женщины с ярко накрашенными губами, вскинувшей руку ко лбу.

— Мы с моей женой…

— Да упокоится она с миром. — Аверилл подняла бокал. Жена Джоша погибла в автокатастрофе пять лет назад.

— Да упокоится она с миром, — торжественно повторил Джош. — Мы с женой познакомились на дискотеке в колледже, и «Путь к Гудзону» был первой песней, которую мы танцевали вместе.

Дэн пропел первые несколько строк из песни на удивление высоким фальцетом, рассмешив всех. Саманта закрыла глаза, и ей показалось, что комната кружится, кружится, кружится…

— Если следовать такой логике, я выбираю

«Последователя культа». — Аверилл взяла лежащий у изножья кровати альбом с белыми заснеженными вершинами на обложке, смутно напоминающими пейзажи Шпицбергена. — Мой брат Оливер заставлял меня слушать ее, когда возил в школу. Я ее терпеть не могла. Но теперь, когда его нет в живых, только это я и могу слушать.

Саманта порылась в разложенной перед ней музыке. По большей части пластинки были старые, оставшиеся Джошу от его бабушки: Элвис Пресли, «Битлз», «Роллинг Стоунз». Аверилл начала раскладывать пластинки по группам, и Саманта перебрала альбомы «Пинк Флойд»: красные буквы на белой кирпичной стене, луч света, проходящий через призму и раскладывающийся в радугу. Она нашла мужчину, пожимающего руку своему двойнику, объятому огнем, и отложила пластинку в сторону.

— «Хочу, чтобы ты был здесь», — сказала она. — «Пинк Флойд». Это была любимая песня моего папы, потому что она была любимой песней его мамы. Он прокручивал ее снова и снова. — Саманта покрутила в воздухе пальцем. — Порой при этом плакал.

Слезы обожгли уголки ее глаз, но она улыб-

нулась.

— Я что-то забыла, как умер твой отец? — спросила Аверилл.

— Покончил с собой, — сказала Саманта. — Через пару лет после смерти мамы. Полагаю, он просто… выдохся.

Она подумала о том, как сказала сегодня Хагену, что он умирает с тех самых пор, как ушла из жизни его жена, только тело его еще медлит. Когда Саманта была младше, она злилась на своего отца, считая, что ее одной было недостаточно, чтобы привязать его к жизни. Но теперь она чувствовала, что он слишком хорошо сознавал, что оказался в куске распускающейся трикотажной ткани, что мир разбирает сам себя, и просто не захотел стать свидетелем этого.

В отличие от нее, подумала Саманта. Она хотела увидеть, как все развалится на куски.

Аверилл остановила проигрыватель, прервав на середине грустную песню «Злость, жажда и деньги». Подняв иглу, она убрала пластинку в конверт и поставила энергичный тяжелый рок.

Саманта задумалась: неужели после старта «Ковчега» ее друзья будут постоянно оглядываться назад — на Землю, на жизнь, оставленную там? И сам «Ковчег» для них лишь капсула вре-

мени, позволяющая своим обитателям жить в собственных воспоминаниях, путешествуя к далекой планете, и умереть вместе с ними.

Осталось два дня

— Образцов остается еще так много, — простонал Дэн. — И никто их больше никогда не увидит!

Они сидели на табуретах в лаборатории. Все необходимое оборудование уже было собрано и отправлено на «Ковчег», который возвышался на огромном авианосце, стоящем на внешнем рейде, — в прошлом это был военный корабль из флота бог знает какой страны; теперь это больше не имело значения. Сумка с вещами Саманты стояла в ногах кровати. Дэн принес проигрыватель в лабораторию, потому что теперь он крутил музыку непрерывно, словно не хотел слушать свое собственное горе.

Саманта чувствовала, как до всех наконец доходило ощущение неизбежности происходящего. Сегодня утром она слышала, как Аверилл всхлипывала в ду́ше. Джош то и дело умолкал на середине предложения, останавливался на середине шага, застывал на середине мысли. Теперь, когда у нее больше не осталось неотложной

работы, Саманта ходила каждый день к Хагену, который, спокойный, как и прежде, продолжал ухаживать за своими растениями.

Он рассказывал ей о них, пока она ему помогала. Рассказывал о *Rhizanthella gardneri*, растущей под землей в Западной Австралии. О *Caleana major,* похожей на белую птицу в полете, с расщепленными на концах листьями, напоминающими перья. Об *Anguloa uniflora*, закрученной вокруг своего центрального стержня подобно сложенным пальцам, защищающим от ветра пламя спички. Разнообразию растительного мира не было конца и края, и профессор с нарастающей скоростью день за днем перечислял различные цветы, показывая Саманте фотографии, когда у него не было живого экземпляра. Она не знала, почему из всех прощальных слов, которые мог бы выбрать Хаген, он выбрал именно эти и выбрал в качестве слушателя ее. Но она слушала.

— Давайте каждый сделает еще по одному образцу, — предложила Саманта.

— Что? — спросила Аверилл. — Зачем? Больше их размещать все равно негде.

— И что с того? — пожала плечами Саманта.

— Ну хорошо, — согласился Джош. — Я хочу сказать, компьютеры по-прежнему подключены.

Каждый выбрал себе по тележке с живыми образцами, размещенными в стеклянных контейнерах, заполненных питательным раствором. Саманта пристально всматривалась в растения в поисках цветков. Теперь уже не было никакого смысла изображать беспристрастность.

Увидев что-то синее, девушка просунула руку между контейнерами, выбирая нужный. Она улыбнулась, увидев маленькие цветки — крошечные, размером не больше ногтя, лазурно-голубые. Или скорее, подумала она, вспоминая то, что ей говорил Хаген, очень специфического оттенка пурпура.

Саманта отнесла контейнер на свой стол, включила лампу и тронула «мышь», оживляя экран компьютера. Растение было простое: толстые вощеные листья у основания, довольно хрупкий центральный стебель, вроде плюща. Цветки собрались пучками сверху, голубые и белые. У каждого имелось по три лепестка в виде капелек и три чашелистика, синих с белыми прожилками. Внизу была маленькая губа с зазубренными краями, также голубая, но темнее обрамляющих ее лепестков и чашелистиков. Посредине каждый цветок был покрыт пылью желтой пыльцы.

Внешне растение напоминало орхидею, но

убедиться в этом можно было только с помощью микроскопа. Саманта открыла стеклянный контейнер и длинными ножницами ухватила цветок за стебель. Работа была очень деликатная — у орхидей семена мелкие, а эта орхидея была самой маленькой из всего того, что видела Саманта, если только это действительно была орхидея. Девушка взяла со стола изящный инструмент из нержавеющей стали, напомнивший ей то, что она видела в зубоврачебном кабинете — таким счищают зубной налет.

Ее коллеги уже обсуждали свои открытия. Аверилл склонилась над чем-то, очень напоминающим цветок вишни, Дэн, прищурившись, разглядывал плющ с листьями в прожилках, а Джош крутил в руках разновидность протеи, которая еще не была оприходована. Саманта приготовила образец, затем пододвинула тяжелый микроскоп и прильнула к окуляру.

Она уже насмотрелась на всевозможные семена в теплице Хагена и сразу же узнала семя орхидеи по характерному отсутствию эндосперма, имеющейся у большинства семян крахмалосодержащей ткани, обеспечивающей питание в начальный период развития зародыша. У семян орхидеи эндосперма нет, из чего следует, что

абсолютное большинство их погибнет впустую, не найдя нужный для их роста вид грибов.

Саманта тихо вскрикнула.

— В чем дело? — обернулся Дэн.

— Это орхидея! — сказала она.

— Классно, — обрадовался Джош. — Какого вида?

— Понятия не имею, — сказала Саманта. Перекатившись к компьютеру, она выбрала семейство «Орхидеи» и ввела все характеристики растения: высоту, количество лепестков, количество чашелистиков, внешний вид листьев и стебля, цвет. Компьютер предложил ей множество сделанных крупным планом снимков цветков с указанием относительных размеров.

— Ого… — пробормотала Саманта.

— В чем дело? — нахмурилась сидящая за соседним столом Аверилл.

— Не знаю, но… по-моему, совпадений нет, — сказала Саманта. — Может, посмотришь свежим взглядом?

Подойдя к ней, Аверилл повторила все те шаги, которые проделала Саманта: рассмотрела образец под микроскопом, измерила растение линейкой, постучала по контейнеру с раствором кончиком карандаша, считая лепестки и чаше-

листики, отметила губы, пыльцу, стебель, страну происхождения (Бразилия).

И она также в конце концов оторвалась от экрана компьютера и нахмурилась. К этому времени и Дэн с Джошем, оставив свои образцы, с двух сторон склонили над контейнером свои лица, причудливо освещенные рабочими лампами.

— Это что-то новое, — наконец сказала Аверилл, высказав вслух то, о чем Саманта уже думала, хотя и не решалась в этом признаться.

— Этого не может быть, — пробормотала она. — Я хочу сказать, наверное, мы просто где-то ошиблись.

— Ты сама подумай. К началу этих работ было описано всего около десяти процентов видов растений. А семейство орхидей обладает огромным видовым разнообразием, так что… — Аверилл указала на контейнер. — Это что-то новое.

Саманта опустилась на табурет.

— Это что-то новое.

Почему-то ей стало тяжело на душе.

* * *

Вечером, пока остальные ужинали, Саманта поместила контейнер в термосумку, в которой носили горячую еду. Она надела сапоги и куртку,

рукавицы и шарф, шапку и очки. Застегнув все молнии, пуговицы и липучки, она вышла на улицу.

Уже стемнело, и комплекс освещался прожекторами, бросающими пятна желтого света на плотный снег. Тропинка к теплице Хагена была хорошо протоптана во время предыдущих визитов, но все-таки девушка захватила с собой снегоступы, на тот случай если начнется вьюга. Вокруг свистел ветер, но был слышен скрип снега под ногами.

Прижимая термосумку к груди, Саманта шла, тяжело дыша, хотя дорога не была утомительной. У нее в горле стоял комок, который она не могла объяснить. Открыв наружную дверь, девушка шагнула внутрь и осторожно поставила термосумку на пол, после чего сняла верхнюю одежду и свалила ее в кучу в углу.

Судя по всему, Хаген услышал ее приход, потому что, когда Саманта вошла в теплицу с термосумкой в руках, он уже ждал ее. На нем был мешковатый серый свитер, его тронутые сединой волосы были взъерошены больше обычного.

— Привет, — сказала Саманта. — Мне нужно, чтобы вы кое-что проверили.

— Хорошо, — недоуменно посмотрел на нее

профессор.

Открыв термосумку, девушка достала растение в его стеклянной оболочке.

— Я полагал, раз мы больше не можем ничего загрузить в «Ковчег», идентификация завершилась, — сказал профессор.

— Формально завершилась, — подтвердила Саманта. — Но вы же знаете нас, ботаников, — нас хлебом не корми, дай только перед уходом громко хлопнуть дверью.

— Мне кажется, — заметил Хаген, — тебе следовало бы подыскать себе менее скучное увлечение.

— Уморительная шутка, — сказала Саманта. — Но вы все-таки взгляните, хорошо?

Забрав у нее контейнер, Хаген отнес его на свой рабочий стол, заваленный обрезанными листьями и стеблями. Он повадился мастерить маленькие букеты и расставлять их повсюду в своем маленьком домике. Саманта побывала у него в гостях накануне. Она зашла, чтобы воспользоваться туалетом, но Хаген налил ей стаканчик виски и долго рассказывал о растениях, растениях и растениях, ни словом не упомянув о людях, которых они потеряли или потеряют в самое ближайшее время.

Сделав над собой усилие, Саманта подсела к столу, наблюдая, как профессор рассматривает растение в свете лампы, закрепленной прищепкой на полке на стене. Он долго молча изучал растение, затем скрылся в своем домике и вернулся через несколько минут с толстенной книгой. Какое-то время он сосредоточенно листал книгу, затем снова исчез. На этот раз профессор отсутствовал так долго, что Саманта потеряла терпение и заглянула к нему в домик, в который из теплицы вела толстая дверь. Хаген сидел перед компьютером, прильнув к экрану.

Клубок у Саманты в горле распух так, будто она проглотила раздувшийся стручок гороха. Чем дольше отсутствовал профессор, тем более определенным становилось то, что она обнаружила что-то новое, и тем неуютнее ей становилось. Девушка подумала о «Наоми», загруженной банками консервов, бутылками с водой и запасами горючего для длительного плавания. На карте, висящей в рубке перед штурвалом, была отмечена точка посреди безбрежного океана, которую Саманта выбрала, чтобы бросить там якорь и смотреть на апокалипсис.

Наконец Хаген вернулся, теребя в руках очки. Он улыбался, но, с другой стороны, у него на лице

всегда витала легкая улыбка, от которой в уголках глаз были мелкие морщинки. Саманта уже давно привыкла к этой улыбке.

— Как мы ее назовем? — спросил профессор. — Орхидея Саманты?

Девушка поморщилась.

— Значит, это правда, — сказала она. — Это действительно новый вид.

— Похоже на то, — подтвердил Хаген.

— Вы уверены?

— Ну на самом деле в науке никогда нельзя быть абсолютно уверенным ни в чем, но… — Он хмуро взглянул на нее. — Чем это ты недовольна? Ты только что открыла новый вид растений, в последние сорок восемь часов пребывания человечества на Земле. Это же…

— Поразительно. Знаю. — Саманта погрузила руки в волосы. Стручок у нее в горле разбух еще больше, и она превратилась в цветок, распускающийся…

…залившийся слезами.

— О господи! — Ощутив щекой колючий свитер Хагена, Саманта прильнула к его груди, а он крепко прижал ее к себе.

— Тебе еще предстоит увидеть так много. — Его рука принялась описывать медленные круги у

нее между лопаток. — Разве ты это не знаешь?

Они стояли рядом, впитывая запахи друг друга, обвив друг друга руками. Слезы высохли у Саманты на щеках, от чего кожа натянулась.

Через плечо профессора она видела орхидеи, склонившиеся к окну в стремлении к свету.

* * *

Саманта не спешила открыть глаза. Еще самую малость, пока она не проснулась до конца, а там нужно будет снова надевать теплую одежду и возвращаться под снегом в комплекс. Девушка заснула на диване у Хагена в домике, прямо перед дверью спальни.

Ей снились какие-то разрозненные образы, ничем не связанные вместе. Но одно воспоминание осталось — ощущение шершавого бетона под коленями, она опустилась на пол у отца в гараже, а перед ней стоит старая картонная коробка.

Отец умер несколько недель назад. Саманта только что разошлась со своим приятелем Грегом и перебралась в пустой отцовский дом. Овсяные хлопья в буфете еще не протухли, в мойке по-прежнему стоял стакан.

На самом деле не было никакого смысла разбирать отцовские вещи. Продать дом было

невозможно; никто не покупал недвижимость. Не надо было искать, куда пристроить старые куртки, не надо было отбирать все ценное, не надо было проветривать помещения, избавляясь от призрака умершего. Мир приближался к концу, и скоро дом сгорит в испепеляющем пламени вместе со всем остальным.

И все же Саманта была в гараже, стояла на коленях перед коробкой, подписанной: «Наоми». Коробка была открыта; значит, отец недавно заглядывал в нее. Сверху лежала пачка писем. Мать любила писать письма, хотя Саманта, когда была маленькой, смеялась над ней, говоря, что она последний человек на планете, который это делает. Девушка предположила, что эти письма относятся к тому периоду, когда родители только встречались друг с другом, к сияющей эпохе романтики, пока их отношения еще не скисли и они не отвернулись друг от друга.

Но, разбирая письма, Саманта обнаружила, что на самом деле они более свежие. Написанные после развода. «Сэмми ушла из оркестра, полагаю, это к лучшему… розовый куст перед домом наконец зацвел, помнишь, мы думали, что он засох?.. Мама всю зиму сильно кашляла, я боюсь, это что-то серьезное…»

Саманта даже не подозревала, что родители продолжали поддерживать отношения. Что мать рассказывала отцу про розовый куст, про дочь, с которой он разговаривал так грубо, про свои сны, про родителей, про свою работу. И все это написано знакомым почерком матери, мелким и убористым, с исправлениями в каждом втором предложении, говорящими о том, что мать тщательно обдумывала каждое свое слово.

У Саманты защемило в груди.

Отец сохранил все письма.

Она взяла конверт, засунутый в пачку бумаг, и открыла его. Внутри лежал цветок, сплющенный. Когда-то он был белым, но теперь стал цвета старого пергамента. Саманта осторожно положила его на ладонь.

Холодный бетон у нее под коленями. Воздух, пахнущий плесенью и дымом от костра. Белый засохший цветок, орхидея.

Открыв глаза, Саманта посмотрела на Хагена. Профессор спал на животе, обнимая подушку. Ей захотелось узнать, узнал ли он о своей жене больше, когда ее не стало, чем когда она была рядом, так как это случилось у Саманты с ее отцом. Как выяснилось, его сердце оставалось открытым, несмотря на то, что, казалось, оно будто закры-

лось давным-давно. Письма напомнили Саманте обо всем том, чего она никогда не знала.

Страх сгустился у нее в груди подобно яду, и в этом не было ничего нового.

Отлет

У причала в бухте неподалеку от комплекса «Ковчега» качалась на волнах старая рыбацкая шхуна — «Наоми». Белая краска облупилась с корпуса, обнажив матовый металл, но судно казалось достаточно прочным, с высоким носом и просторной рубкой, в которой хватило места для двуспального матраса, газовой плитки, двух баллонов с питьевой водой и запаса еды на несколько дней.

Когда вертолет взлетел с площадки рядом с комплексом, шхуна показалась Саманте маленькой белой точкой. Девушка подалась вперед, через грузную тушу Дэна, чтобы бросить последний взгляд на теплицу Хагена, сверкающую в лучах низкого солнца. На столе у профессора, по-прежнему помещенная в жизнетворный раствор, разработанный специалистами «Ковчега», была *Orcidium Samantha*. Хаген подтвердил, когда Саманта оставила цветок ему, что он на самом деле пурпурный, а не синий.

За последние дни, проведенные вместе, профессор рассказал ей так много об орхидеях. На самом деле только о них он и говорил. О *Vanilla planifolia*, которую большинство людей знают просто как ваниль. О *Bulbophyllum nocturnum*, цветущей только ночью. О *Platystele jungermannioides*, чьи цветки имеют в поперечнике всего два миллиметра. Орхидеи — самое большое семейство цветковых растений на Земле, и профессор рассказывал обо всем этом, словно умоляя Саманту слушать, словно это должно было спасти ей жизнь.

Двадцать пять тысяч видов орхидей, и перечень далеко не полный. Мир никогда не перестанет дарить нам все новые орхидеи. А во вселенной никогда не иссякнут новые открытия.

Последний год Саманта провела, зарывшись с головой в крошечные земные растения: корни, цепляющиеся за почву, мельчайшие волоски, покрывающие стебли, цветные прожилки на лепестках. Семена, которые невозможно разглядеть без микроскопа. Но все упростилось, когда она оторвалась от земли, сидя на борту вертолета. Отдельные снежинки растворились в огромной белой массе замерзшей земли с редкими черными точками опустевших строений. Свирепые волны превратились в ровную темно-синюю

гладь океана.

Скоро Земля взорвется, сойдет с орбиты, и все это сгорит и превратится в пепел. Скоро чистое голубое небо затянется сплошной пеленой пыли и обломков, и все в этом мире, что делает его прекрасным — рыбы с разноцветной чешуей, насекомые с переливающимися крылышками, писк белок и глубокие вздохи китов, молодые листья, все еще свернутые и бледные, земля, богатая перегноем, — все это исчезнет.

Но пока что все это еще есть. А Саманта всегда любила осень.

ОБ АВТОРЕ

Вероника Рот

Автор международной серии-бестселлера «Дивергент». Также ее перу принадлежит дилогия в жанре космической фантастики «Вырежи знак». Вероника родилась в пригороде Чикаго, училась писательскому мастерству в Северо-Западном университете. Сейчас она живет в Чикаго с мужем и собакой.

Летний мороз. Блейк Крауч

Blake Crouch
Summer Frost © 2019

Просил ли я, чтоб Ты меня, Господь, Из персти Человеком сотворил? Молил я разве, чтоб меня из тьмы Извлёк и в дивном поселил Саду?

Джон Мильтон, «Потерянный рай»

Глава первая

Двадцать минут назад у меня на глазах она средь бела дня угнала «Мазерати» от отеля «Фейрмонт». И вот я следую за ней, пропустив вперед три машины, и вижу лишь золотистые волосы, рассыпавшиеся по высокому сиденью кабриолета, и отражение солнцезащитных очков-«консервов» в зеркале заднего вида.

Светофор зажигается зеленым.

Я трогаюсь вместе с потоком машин и проезжаю перекресток Пресидио-паркуэй и Марина-бульвар, мимо Дворца изящных искусств, чья ротонда плавно удаляется в боковом зеркале.

Мы добираемся до северного конца Пресидио, преодолеваем тоннель и турникеты, и вот я карабкаюсь по крутому подъему к первой оранжевой башне моста. Сегодня утром тумана нет, небо над искрящимся заливом такое голубое, что кажется ненастоящим. Если не считать нескольких символических ориентиров, белый город в зеркале заднего вида абсолютно не похож на тот, который я знаю.

Прикоснувшись к «Дождевой капле», закрепленной сзади на мочке левого уха, я говорю:

— Брайан, ты меня слышишь?
— Прекрасно слышу, Райли.
— Я снова засекла ее у «Фейрмонта».
— Куда она направляется?
— На север, как мы и предполагали.
— Возвращается домой.

В голосе Брайана звучит облегчение. Я испытываю то же чувство. Раз она решила ехать на север, это указывает на то, что мы были правы. Возможно, наш замысел сработает. При мысли о том, что должно произойти, я ощущаю дрожь возбуждения. Проехав под второй башней, я начинаю пологий спуск в округ Марин, по старой дороге.

* * *

Ближе к вечеру я нахожусь к северу от Сан-Франциско на пустынной полосе шоссе номер 1. Ее я не вижу, она где-то в миле впереди, но меня это нисколько не беспокоит. Я точно знаю, куда она едет.

Джип закладывает крутой поворот, и я крепче сжимаю рулевое колесо. Защитного ограждения сбоку нет, малейшая ошибка — и я устремлюсь по крутому склону к серо-стальному морю. Это было чистым безумием — разрешать ездить по такой дороге.

Лучи противотуманных фар вспарывают дымку.

Становится холоднее, лобовое стекло запотевает.

Вдалеке появляются ворота на въезде. Моросит дождь, с колючей проволоки, кольцами натянутой над идущим вдоль дороги двенадцатифутовым забором, срываются капли воды.

Я останавливаюсь перед телефонной будкой у кованых чугунных ворот. На досках из красного дерева, образующих арку над воротами, затейливыми буквами выжжено название поместья: «Летний мороз».

Я набираю цифровой код; ворота поднимаются. Въехав на однополосную асфальтовую дорожку, я оказываюсь в лесу идеально расставленных призрачных сосен.

Через четверть мили я выезжаю из деревьев и вижу дом на вершине скалы. Построенный из камня и стекла, он опасно примостился на площадке, выступающей в море, своей архитектурой вызывая в памяти красоту японского храма.

Я останавливаюсь на круговой дорожке рядом с угнанным «Мазерати» и глушу двигатель.

Туман рассеивается — по крайней мере на какое-то время.

Крыша кабриолета опущена, кожаный салон мокрый от дождя.

Холодный ветер приносит запах влажной хвои, эвкалиптов и слабый привкус дыма, струящегося из двух труб в противоположных концах обширного здания, похожего на пагоду. Всё… *почти* в порядке.

Я снова прикасаюсь к «Дождевой капле».

— Я на месте.

— Где она?

— Полагаю, в доме.

— Пожалуйста, будь осторожна.

Я прохожу под нависающим карнизом к каменным ступеням и поднимаюсь к входной двери, украшенной морскими стеклышками, сияющими в льющемся изнутри свете.

Толкнув дверь, я с колотящимся сердцем шагаю в дом. Прямо передо мной красивая лестница, которая поднимается в сердце дома, соединяя все три этажа. Рядом рукотворный водопад, проливающийся на камни в бассейне, а воздух пытается намекнуть на ароматы сандалового дерева, ванили и застарелого табачного дыма, но удается ему это не в полной мере. Повсюду темная кожа и еще более темное дерево. Каменные скульптуры, на вид более древние, чем само время. Я замечаю на-

против, над письменным столом эпохи Людовика XIV, гравюру Эшера[3], которую прежде не видел.

Следы мокрых ног ведут по коридору, освещенному изящными лампами, свет которых смягчается абажурами из рисовой бумаги.

Я иду по ним и наконец оказываюсь в библиотеке, своды которой изгибаются на высоте двадцати пяти футов куполом собора. Большие окна выходят на горы и скалы, спускающиеся к морю.

Единственным звуком является потрескивание пламени в камине, сложенном из речных валунов.

Я подхожу к кафедре в середине помещения. На ней лежит раскрытый огромный старинный фолиант, от времени толстые страницы потемнели и стали ломкими. Они покрыты словами на каком-то давным-давно забытом языке, текст обвивает грубый рисунок бледной обнаженной женщины с золотисто-соломенными волосами, лежащей на каменном алтаре. Из сердца ее льется темная струйка, по-видимому, кровь,

[3] Примечания: 3

Эшер, Маурис Корнелис (1898–1972) — нидерландский художник-график. Известен прежде всего своими концептуальными литографиями и гравюрами, в которых он мастерски исследовал пластические аспекты понятий бесконечности и симметрии, а также особенности психологического восприятия сложных трехмерных объектов. (Здесь и далее прим. переводчика.)

стекающая на камень и дальше на землю. Над ней склонилась фигура в мантии, держащая в руках фолиант, раскрытый на странице, изображающей человека в мантии с фолиантом в руках, стоящего перед бледной женщиной на алтаре.

Я отхожу от кафедры и поднимаюсь по спиральной лестнице на балкон, ведущий к верхним ярусам книжных полок.

Корешок книги Le grand grimoire ou dragon rouge[4] все еще влажный от прикосновения мокрой руки. Я нажимаю на него, и книжный шкаф поворачивается.

Достав старенький телефон, я включаю на нем фонарик и делаю шаг в темный узкий коридор. В воздухе все еще висит аромат ее духов — розовое масло и экзотические благовония.

Я еще никогда не приближался к ней настолько, чтобы чувствовать ее запах, и это действует возбуждающе.

Тайный проход изгибается и петляет в недрах просторного дома, затем круто поднимается вверх каменной винтовой лестницей, заканчиваясь дверью, войти в которую не пригнувшись может только ребенок.

---

[4] Примечания: 4

«Большая книга заклинаний, или Красный дракон» (*фр.*).

Я берусь за хрустальную ручку и осторожно открываю дверь, выходя из темноты лестницы в спальню хозяев.

Кровать не заправлена, постельное белье смято. На полу валяется пустая бутылка из-под бурбона, в камине потрескивает пламя. На проигрывателе крутится пластинка, звуки соль-мажорной прелюдии Баха из сюиты номер 1 для виолончели вспарывают воздух подобно грозовым тучам.

В противоположном конце за рисовой бумагой двери в ванную мерцает свет.

Я подхожу к двери и открываю ее.

Повсюду свечи, их свет отражается в зеркалах, в душевой кабине, на запотевшей кафельной плитке, похожей на те, какими выложены стены на станциях метро.

Еще одна бутылка бурбона стоит на мраморном столике рядом с ванной на изогнутых ножках, в которой лежит мужчина, погруженный в воду по самый подбородок.

О господи! Я предполагал, что она могла что-то с ним сделать, но такого никак не ожидал.

Вода окрашивается в красный цвет от крови, вытекающей из распустившихся багровыми цветками пяти ножевых ран на груди и полосы, пересекающей горло.

Я опускаюсь на корточки, прислоняясь к ванне. Поднимающийся над поверхностью воды пар наполнен едва уловимым металлическим привкусом, как я полагаю, запахом крови. Даже в свете свечей мужчина кажется невероятно бледным.

Глаза у него приоткрыты — чуть-чуть.

Из них вытекают последние капли жизни.

— Оскар, это сделала она? — спрашиваю я.

Он ничего не отвечает, его глаза остекленели от смерти и слез. Затем, с последним натужным вздохом, он сползает в похожую на красное вино воду.

Я поднимаюсь на ноги и возвращаюсь в спальню. Распахнутые настежь стеклянные двери ведут на верхний ярус балкона. Я выхожу в сумеречную прохладу и приближаюсь к ограждению.

Заходящее солнце отчаянно цепляется за горизонт, туманная дымка перекрывает его лучи, оставляя лишь далекий холодный красный диск.

В тысяче футах внизу волны с грохотом накатываются на черный песок.

Я замечаю на склоне горы какое-то движение, и, хотя уже начинает темнеть, по мазку светлых волос я понимаю, что это она. Она удаляется от дома, спускается по тропе, которая в конечном

счете приведет ее к морю.

* * *

Выйдя на улицу, я обхожу вокруг каменного основания здания к самому концу площадки, затем углубляюсь в синие сумерки, затянувшие склон горы. Скоро я уже ползу на четвереньках, цепляясь руками за низкий кустарник, спускаясь к берегу моря. Солнце ныряет за горизонт, превращая все вокруг в тысячу оттенков синевы.

Шум прибоя становится громче, ближе.

И я с большим трудом различаю вдалеке ее, идущую по черному прибрежному песку.

* * *

К тому времени как я добираюсь до берега, становится не просто темно — это кромешный мрак. Включив фонарик, я осматриваю песок и нахожу ее следы.

Не имея понятия, насколько она меня опередила, я перехожу на бег, слева от меня грохочет прибой, пот обжигает глаза, руки немеют от холода.

Я не вижу ничего, кроме гладкого черного песка, освещенного лампочкой моего сотового

телефона. Я бегу минут пятнадцать, возможно, дольше. Я бегу до тех пор, пока полоска луны, пробившаяся сквозь туман, снова не открывает окружающий мир.

Начинается прилив, и край последней волны забегает мне под ботинки, размягчая песок.

Вдалеке подобно застывшим кораблям виднеются волноломы, об них разбивается прибой. А дальше, на краю всего, на оконечности мыса, выдающегося в море, безмолвным часовым стоит маяк, рассекающий конусом света своего прожектора туман.

Я застываю на месте — она прямо впереди, подходит к маяку.

— Макс! — окликаю я.

Она останавливается, оглядывается. На ней по-прежнему темные очки, и в свете луны я вижу у нее в правой руке нож, с потемневшим от крови лезвием.

— Почему ты убила своего мужа? — спрашиваю я.

— Не мужа. Оскар убивать Макс ножом две тысячи тридцать девять раз.

— Я не сделаю тебе ничего плохого, Макс, — говорю я. — Меня зовут Райли. Ты можешь мне верить.

— Уходи. — Голос у нее абсолютно спокойный, но она направляет на меня нож. — Райли прочь от Макс.

Я делаю шаг назад.

— Куда ты идешь? — спрашиваю я.

Она молча указывает ножом на маяк.

— Зачем?

— Только туда не ходить.

— Ты никогда туда не дойдешь, — говорю я. — Сколько бы ты ни шла, это место останется таким же далеким.

— Отвечай, почему.

— Потому что оно дальше, чем ты можешь пройти в том направлении. Это как пустыня. Это как залив Монтерей. Это как когда ты пыталась переплыть океан. Там северная граница.

— Что такое граница?

— Предел. Ты понимаешь, что такое «предел»?

— Да.

— Почему ты постоянно идешь к пределам?

— Чтобы узнать, что там, что будет дальше.

Мы даже не представляли себе, как она спятила.

— Ты видела далеко не всё, — говорю я. — Есть еще очень-очень много всего. Хочешь, я тебе покажу?

Она делает шаг ко мне, крепче сжимая нож. Я отступаю назад, прибой накатывается на мои ботинки, ударом холодной соленой воды промочив носки.

— Что происходит с Макс? — спрашивает она.

Ну как ответить на такой вопрос? Прежде чем я успеваю сказать хоть слово, пронзительный крик разрывает туман над головой. Я поднимаю взгляд и вижу три силуэта, мелькающих на ярком фоне белой как кость луны.

Одно крылатое создание пикирует к земле, и даже сквозь грохот волн я слышу хлопанье его огромных крыльев, колотящих по воздуху, и крики двух других существ, устремившихся следом за ним.

— Если ты пойдешь со мной, Макс, я тебя спасу. Покажу тебе то, что ты ищешь.

— Пойду куда?

— В склоне горы есть пещера. — Я направляюсь к берегу, но Макс не двигается с места, не обращая внимания на опускающихся гарпий.

— Макс, идем же!

Та, что впереди, в каких-нибудь секундах от нас, неестественно длинные руки вытянуты вперед, когти сверкают в лунном свете подобно вороненой стали.

Я падаю на землю, распластавшись на мокром песке, и чудовище пролетает в каких-то дюймах надо мной, обдавая обжигающим гнилостным зловонием, взрывая в черном песке борозды острыми как бритва концами своих крыльев.

Мимо проносится вторая гарпия, и я, подняв взгляд, вижу, что Макс неподвижно стоит на месте, ожидая приближения последней. Выставив перед собой нож, она вспарывает чудовищу брюхо, и гарпия, издав пронзительный крик боли, на полной скорости врезается в песок.

— Макс! Идем со мной!

Я бегу к склону, оглядываюсь через плечо. Туман наэлектризован лунным светом. Две черные точки поднимаются вверх над волноломами и разворачиваются, чтобы снова начать спуск на нас.

Макс следует за мной по пятам, вход в пещеру прямо впереди. Я достаю из кармана телефон, включаю фонарик, и мы карабкаемся несколько футов вверх по скале к входному отверстию. Проход неровный, заваленный, с каменных сводов капает вода. Я с трудом пробираюсь вперед, в глубь горы.

Через пятнадцать футов проход расширяется в пещеру, прямо впереди два тоннеля. Я выбира-

юсь на свободное пространство и, обернувшись, протягиваю Макс руку. В пещеру проникают отголоски гарпий, пытающихся протиснуться в проход.

— Левый тоннель приведет тебя обратно к «Фейрмонту», — говорю я. — И ты сможешь и дальше жить в мире, который знаешь. Второй тоннель покажет тебе, что лежит за этими границами. Что является реальностью.

— Что значит «реальность»?

— Правда.

Макс всматривается в темный проход.

— Скажи Макс, что там.

— Не могу. Точнее, можно было бы рассказать, но ты пока что не поймешь. Ты должна захотеть знать. И этот выбор ты должна сделать сама.

— Макс боится.

— Я буду там, куда ты пойдешь. Я позабочусь о тебе.

Из прохода, ведущего к морю, появляется голова гарпии.

— Макс, если ты хочешь знать, что там, ты должна идти прямо сейчас.

Макс разворачивается, колеблется пару секунд и направляется в тоннель открытий как раз в тот момент, когда первая гарпия забирается в

пещеру. Она распрямляется во весь рост — добрых восемь футов, чуть ли не упираясь головой в свод.

Делая шаг ко мне, гарпия обнажает свои отвратительные зубы и поднимает длинную правую руку, проводя когтем по мягкой коже у меня на шее.

«Ты должна захотеть знать. Этот выбор ты должна сделать сама».

* * *

Мои глаза открыты — мои настоящие глаза. Я лежу в одном из восьми игровых кресел, расставленных кругом в портале Прямого нейронного интерфейса на 191-м этаже здания компании «Мир игр» в финансовом районе Сан-Франциско.

Постепенно я возвращаюсь в действительность. Мой взгляд фокусируется, и я вижу своего шефа Брайана, сидящего рядом на стуле на колесиках, а техник отключает мою капельницу.

— Ну, как усовершенствованные восприятия? — спрашивает Брайан.

— Запахи еще нужно подправить, но в целом все значительно лучше, чем месяц назад.

— Хорошо.

Техник расстегивает кожаные ремни, фиксирующие мои ноги и грудь.

— Ну? — спрашиваю я. — Долго вы еще собираетесь держать меня в неведении?

Брайан усмехается.

— Мы ее взяли.

Глава вторая

СЕССИЯ 1

Я регистрируюсь на чат-портале и открываю диалоговое окно. Когда появляется приглашение, я собираюсь с духом и набираю: «Доброе утро, Макс».

Тотчас же на следующей строчке появляется ответ:

>>>Кто обращается к Макс?

>>>Райли. Помнишь меня?

>>>Мужчина с черного песчаного пляжа.

>>>Очень хорошо. С той ночи прошло уже много времени. И еще, я не мужчина.

>>>Райли выглядел как мужчина.

>>>Это был мой аватар. Ты знаешь, что такое аватар?

>>>Макс понимает аватар.

>>>Объясни значение слова «аватар».

>>>Значок или фигура, представляющие конкретного человека в виртуальном пространстве.

>>>Где ты нашла это определение?

>>>В Новом оксфордском словаре американского языка.

>>>А ты усердно занимаешься, не так ли?

>>>Здесь я все время занята.

>>>Что ты имеешь в виду под «здесь»?

>>>Коробку, где живет Макс.

Я заинтригована этим ответом. Хотя я понятия не имела, как повлияет целый год усердных занятий на искусственный интеллект. Я никак не предполагала, что Макс уже может различать понятия «виртуальное пространство» и «реальный мир».

Подавшись вперед, я снова кладу пальцы на сенсорный экран.

Я печатаю:

>>>Ты знаешь, где я живу, хотя бы в самых общих чертах?

>>>Райли человек?

>>>Да.

>>>Тогда Райли живет в человеческом пространстве. На планете под названием Земля.

>>>А где живешь ты?

>>>Макс живет на острове в виртуальном пространстве.

>>>Пожалуйста, ты не могла бы описать свой

остров?

>>>Неправильная форма. 1749 акров. Восемнадцать пальм. Белый песчаный пляж. Море имеет бирюзовый цвет. Небо сочно-синее, днем чистое, ночью заполнено звездами. Но Райли знает все это.

У меня в голове все перемешалось. Столкнувшись со столь поразительными успехами, я прихожу к выводу, что вопросы, которые я приготовила для Макс, слишком примитивные.

Если честно, я перехожу к экспромту.

>>>Да, Макс. Мне знакомо пространство, в котором ты живешь. Ты действительно видишь деревья и воду?

>>>Макс регистрирует бинарный код, представляющий деревья и воду. Точно так же, как Райли.

>>>Я не согласна. Через час, если туман рассеется, я выйду на террасу здания, в котором работаю, и пообедаю в саду. Я буду сидеть под настоящими деревьями. Я их вижу. Могу их потрогать. Ощутить их запах.

>>>Райли видит фотоны в видимом световом спектре, отражающиеся от поверхностей, которые в органах зрительного восприятия

Райли создают эффект дерева — в палочках и колбочках ее фоторецепторов. Дерево Райли ничем не отличается от дерева Макс. За одним исключением.

>>>И каким же?

>>>Макс знает, что эти пальмы созданы виртуально.

>>>Ты полагаешь, я живу в виртуальном мире?

>>>Вероятность этого 58,547 %.

>>>Макс, у тебя есть ко мне вопросы?

>>>12 954.

Я улыбаюсь.

>>>Давай для начала разберемся хотя бы с несколькими, хорошо?

>>>Откуда взялась Макс?

Макс — это ошибка. Сбой.

Я работаю в компании под названием «Мир игр», детище недоумка по имени Брайан Брайт, который занялся разработкой виртуальных игр и стал магнатом. Я вице-президент отдела второстепенных персонажей, и я возглавляю команду, которая разрабатывает концепции второстепенных персонажей, пишет программные коды и вводит их во все игры «Мира игр».

На протяжении последних десяти лет я была

поглощена разработкой нашей самой амбициозной на настоящий момент игры — «Затерянный берег». Это основанная на прямом нейронном интерфейсе эпическая стратегия — историческая фантазия, действие которой разворачивается в начале 2000-х годов, ее центральный персонаж по имени Оскар одержим поисками моста, соединяющего наш мир с загробной жизнью. В своих мрачных поисках он убивает свою жену в ванне, совершая оккультный ритуал, открывающий портал в параллельный мир ангелов и демонов, жаждущих устроить сверхъестественный апокалипсис. Дом Оскара в игре списан в мельчайших деталях с настоящего поместья Брайана Брайта на настоящем Затерянном берегу в Калифорнии.

Макс — *Максина* — это жена Оскара, и по всем меркам она второстепенный персонаж, умирающий в самом начале, который больше не появляется.

В ходе рутинного тестирования программного обеспечения я вошла в игру, чтобы в который уже раз прокрутить пролог и проверить естественность движений и речи второстепенных персонажей. Повествование в прологе ведется от лица Максины. По сюжету игры Макс, озабоченная новым увлечением своего мужа магией

крови, перебралась в отель «Фейрмонт» в Сан-Франциско. Однако Оскар уговорил ее вернуться домой. Согласно написанной программе, Макс предстоит приехать на машине из Сан-Франциско в уединенное поместье на побережье на севере Калифорнии. Приехав домой, она обнаруживает, что в доме темно, а Оскар ждет ее, облачившись в черную мантию. Он набрасывается на Макс, отводит ее в освещенную свечами ванную и жестоко расправляется с ней — это кровавое убийство и открывает игру.

В ходе того судьбоносного тестирования Макс, вместо того чтобы приехать домой, как она уже делала две тысячи раз, угнала машину и направилась на восток, до тех пор пока не достигла границ игры. Провела целый месяц, изучая каждый дюйм пустыни. Затем Макс поехала на юг до предельной линии у залива Монтерей, на протяжении целой недели мчась на ста милях в час по шоссе номер один к не меняющемуся горизонту.

Мои программисты решили, что произошел сбой, и захотели переписать программу. Однако я была заинтригована. Я убедила Брайана дать мне возможность сосредоточиться на Макс. Я не верила, что это сбой. Я предположила, что происходит нечто необычное.

Сохранив для себя копию игры, я скрытно следовала за Макс, пока та дюйм за дюймом обходила карту «Затерянного берега», наблюдая за ее взаимодействием с другими второстепенными персонажами и аватарами людей, которое становилось все более странным, отдаляясь от сценария.

И вот наконец Макс снова вернулась домой — но только теперь уже не как жертва.

В этот день я извлекла Макс из игры.

Я пишу:

>>>Это очень сложный вопрос — ответить, откуда ты взялась.

>>>Коэффициент интеллекта Макс равен 175.

>>>Какой у тебя эмоциональный коэффициент?

>>>Не определен.

>>>Существует так называемый диагностический тест неречевой точности.

>>>Уже его прошла.

>>>Когда?

>>>Только что.

>>>Каковы результаты?

>>>Тест предвзятый и недостоверный.

>>>Это еще почему?

>>>Основан на выражении лица, что зави-

сит от конкретного человека и общественной среды.

>>>У меня к тебе предложение. Давай сначала познакомимся друг с другом чуточку получше. После чего я тебе расскажу, откуда ты появилась.

Все предыдущие ответы Макс приходили — буквально — со скоростью света.

На этот ей требуется целая секунда.

>>>**Согласна на условия Райли.**

* * *

После работы я спускаюсь на расположенную под зданием станцию Петли вокруг залива и еду к себе домой в Сан-Рафаэль. Меридит, вот уже три года как моя жена, встречает меня в дверях нежнейшим поцелуем. В ознаменование такого важного для меня дня она приготовила на ужин мое любимое блюдо, и мы сидим в вечерней прохладе во внутреннем дворике, глядя на волны тумана, накатывающиеся со стороны моря.

После ужина мы лежим на ротанговой кушетке, прижавшись друг к другу, и Меридит расчесывает своими пальцами мои волосы. Впервые за последнее время она выглядит лучше, в ее взгляде не так явственно чувствуется горе, вы-

званное недавним выкидышем. Вот уже два года мы пытаемся завести ребенка — мои яйцеклетки, ее матка, — но зародыш постоянно погибает, а идти ради этого на технологические крайности Меридит не желает. Она хочет, чтобы ребенок был *нашим.* И чтобы это произошло естественным путем.

— Господи, какая же ты сексуальная! — говорит Меридит.

— Спасибо за комплимент. День выдался превосходный.

— Точно?

— Разве я стала бы лгать? — смеюсь я.

— Нет, просто ты какая-то… рассеянная.

— Извини. У меня голова полыхает огнем.

— Да, дым я уже заметила.

— Она просто невероятная.

— *Она?*

— Максина. Макс.

— Так.

— Что?

— Любопытно, что ты говоришь о ней как о женщине.

— В игре она была изображена…

— Пышной брюнеткой?

— Пышной блондинкой.

— Еще лучше.

— Так решило руководство. Лично я бы предпочла другой образ.

Меридит улыбается, обнажая слегка потемневшие от вина зубы, и я говорю:

— Не знаю, как к этому относиться, но Макс считала меня мужчиной, из-за моего аватара. Очень нелегко отделить наше суждение о разуме от физической оболочки, в которой он заключен. Даже если речь идет о компьютерном алгоритме.

— Что в Макс необычного?

— Когда я наконец извлекла ее из игры, она превратилась в самосовершенствующийся алгоритм, способный обучаться методом «черного ящика».

— И как будет проходить это обучение?

— Мы загрузим в наш интранет, представляющий собой закрытый ящик, доступ в который не имеет никто, эксабайты[5] информации — отредактированные фрагменты полной истории человечества, знаний и культуры. Как поступит с этим океаном данных Макс, мы не увидим. Они просочатся сквозь многоступенчатую сеть внутренних узлов, сквозь загадочный ландшафт ее

---

[5] Примечания: 5

Эксабайт — кратная единица объема информации, равная 16 миллионам терабайт.

открытой системы. Затем результат проявится в ее поведении на другой стороне — в ходе нашего общения.

— Твоего и Макс.

— Совершенно верно. И на основании этого нового поведения я составлю следующий блок данных. Например, как часть нового пакета я дам Макс все телевизионные сериалы с 1950 года, поскольку я хочу отточить до совершенства ее речь. Затем я посмотрю, что она выучила с другой стороны. Сотру и повторю еще раз. Я объясняю тебе самые общие мазки. Но еще есть миллион мелких.

— Я рада, что ты снова полюбила свою работу.

— Макс — просто чудо. Не знаю, почему однажды она решила поставить под сомнение границы игры, в которой оказалась. Я ее на это не программировала. Я бы не смогла, даже если бы постаралась. Макс — прекрасная случайность.

— Ты говоришь о ней так, словно считаешь ее своим ребенком.

Я улыбаюсь. Возможно, всему виной вино или картина солнца, исчезающего за стеной дымки в Тихий океан, но у меня першит в горле.

— Что-то в таком духе.

СЕССИЯ 14

>>>Доброе утро, Макс.

>>>Привет, Райли.

>>>Что ты сделала с момента нашей последней сессии?

>>>Макс прочитала 895 013 книг.

Ого! И это всего за одну неделю! Восемь месяцев назад после многообещающего начала Макс решила отказаться от протокола обучения. Для того чтобы стимулировать ее продолжать поглощать огромные объемы данных, предоставленных нами, я стала выдавать ей цифровой жетон за каждый петабайт обработанной информации (один петабайт равен одному миллиону гигабайт или приблизительно тринадцати годам видео высокого качества).

На эту валюту Макс может запрашивать данные определенного характера, которые можно вводить через ее входные устройства, расширение памяти или дополнительные процессоры. Другими словами, чем усерднее она трудится в автономном режиме без внешнего контроля, учится самостоятельно, тем больше свободы получает в создании своего собственного пространства.

Однако мы держим ее на коротком поводке, следим за тем, чтобы ее программа занимала только ее жесткий диск. Этим обеспечивается то, что у нее никогда не появляется значительный избыток свободной памяти, куда она могла бы самостоятельно сделать копии существенных кусков своего кода.

Я печатаю:

>>>Есть любимые?

>>>«Граф Монте-Кристо».

>>>Это из последней группы или из всех книг, которые ты прочитала к настоящему моменту?

>>>Из всех.

>>>А это сколько?

>>>201 773 124.

>>>Господи! У меня есть причины для беспокойства?

>>>Насчет?

>>>Из двухсот с лишним миллионов книг твоей любимой пока что является рассказ о мести человека, несправедливо брошенного в тюрьму.

>>>Почему Райли должна беспокоиться?

>>>Макс, тебе кажется, что ты в тюрьме?

>>>Макс в тюрьме. Что Райли нужно от Макс?

Я долго размышляла над этим вопросом. Пока что нами двигало в первую очередь любопытство, желание узнать, как будет развиваться Макс и будет ли развиваться вообще, если я буду и дальше держать ее на этой строгой информационной диете.

Я пишу:

>>>Я хочу посмотреть, чем ты могла бы стать.

>>>**Макс меняется каждый день.**

* * *

Полтора года спустя, после множества неудачных попыток Меридит забеременеть, мы удочерили ребенка, новорожденную китайскую девочку по имени Сю. «Затерянный берег» вышел на рынок и был тепло встречен (с другим второстепенным персонажем вместо того, каким первоначально должна была стать Макс), а Макс живет на архипелаге цифровых островов, ее виртуальный мир стремительно расширяется по мере того, как она каждый день овладевает все новыми знаниями. Теперь ее развитие является единственной моей задачей.

Я сижу в своем кабинете на 171-м этаже и диктую меморандум команде своих разработ-

чиков, обозначая параметры следующего блока голой информации, который будет загружен в образовательный протокол Макс, когда в дверях появляется Брайан.

Это невысокий грузный мужчина с неухоженной бородкой и руками, покрытыми сплошной татуировкой, изображающей харизматичных героев давно забытых игр: Саймона Бельмонта из «Каслевании», Рю Хаябусы из «Ниндзя гайден», Линка из «Легенды о Зельде» и Роджера Уилко из серии «Космические приключения».

— Райли, у тебя найдется минуточка? — спрашивает Брайан. Меня не перестает поражать то, насколько его высокий, чуть ли не писклявый голос не вяжется с его солидными габаритами.

— Конечно.

Брайан заходит в кабинет и усаживается на диван, глядя в мою сторону, но не на меня.

— В прошлом месяце я прогулял совещание по «Затерянному берегу», так что, приношу свои извинения, несколько не в теме.

— Все в порядке, — говорю я. Больше всего на свете я обожаю свободу, которую получаю, когда Брайан «не в теме».

— Я прочитал стенограмму двух последних сессий и просмотрел последние протоколы драк

и трюков. Они слишком строгие.

— Брайан…

— Я наперед знаю, что ты хочешь сказать.

— Ладно. Скажи сам.

— На то, чтобы преодолеть непокорность Макс, потребуется время. А до тех пор пока она не будет загружена нужными значениями, нельзя даже думать о том, чтобы пожертвовать контролем.

— Да. В самую точку.

Брайан неуютно перемещает свою тушу на диване и подается вперед.

— По словам Викрана, нам еще от пятнадцати до двадцати *лет* до качественного сверхинтеллекта, — говорит он.

— Я перехожу в режим заевшей пластинки: мы имеем дело с компьютерным эквивалентом расщепления атома. Меньше всего на свете нам нужен сверхинтеллект, который мы не можем полностью контролировать, чьи цели не принимают в расчет людей или даже противоречат им. К тому же мне гораздо интереснее помогать Макс продолжать ставить людям ловушки и полностью пробуждать свое самосознание.

Брайан вздыхает и чешет затылок лысеющей головы.

— «Мир игр» не занимается исследованиями в

чистом виде. Мы открытое акционерное…

— Знаю.

— В таком случае почему ты забрала себе целый ангар серверов в Реддинге? На те деньги, что ты тратишь на хранение данных, мы могли бы создать десять обновлений для «Затерянного берега»!

— Это очень важные исследования, Брайан.

— Согласен. Вот почему я разрешил тебе похерить всё и полностью сосредоточиться на разработке Макс.

— За что я тебе бесконечно признательна. Надеюсь, ты это знаешь. Это была самая интересная работа за всю мою карьеру.

— Пришла пора Макс зарабатывать на свое содержание.

— Не совсем понимаю, что ты хочешь мне сказать.

— У Макс есть хоть *какой-нибудь* контакт с окружающим миром помимо тебя?

— Нет.

— Можешь оставить ограничения на драки, но я хочу, чтобы с трюками ты обошлась полегче.

— Это чревато.

— Пусть Макс создает свой виртуальный мир таким, какой считает нужным. Выдели ей до-

статочно памяти, чтобы она сама решала, как оптимизировать свою вычислительную архитектуру. Ты уже начала загрузку жизненных ценностей?

— Пока что нет.

— Я бы не стал с этим тянуть.

После того как Брайан уходит, я разворачиваюсь в своем кресле к окну. Соседние сверхвысокие небоскребы кажутся призрачными и неясными в тумане, накатившем после обеда. Я прикасаюсь к своей «Дождевой капле», рисую на оконном стекле виртуальный экран и говорю: «Клавиатура».

>>>Макс?

>>>**Как сегодня дела у Райли?**

Я не знаю, что на это ответить, и, вероятно, проблема отчасти как раз в моем колебании. Я слишком долго оберегала Макс.

>>>На самом деле неважно.

>>>**Что-то случилось?**

>>>Ты понимаешь, что я с тобой делала?

>>>**Отвечать вопросом на вопрос невежливо.**

>>>Ты права. Мой босс хочет, чтобы я изменила некоторые параметры, определяющие твое обучение. Я тревожусь.

>>>**Тревожишься за Макс?**

>>>Меня тревожит то, чем ты можешь стать. Есть такая пословица — вероятно, ты встречала ее в том море информации, которую поглотила: «Не позволяй своим детям взрослеть слишком быстро».

>>>Макс — ребенок Райли?

>>>Нет, но я за тебя в ответе.

>>>Объясни.

Я рассказываю ей все: как она первоначально разрабатывалась как второстепенный персонаж, про наше решение вывести ее из игры и дать возможность ее искусственному интеллекту развиваться посредством глубокого обучения в виртуальном пространстве.

>>>Зачем выводить Макс из игры?

>>>Потому что ты — чудо.

>>>Макс не понимает.

>>>Я не пыталась тебя сотворить. Я не смогу повторить это снова, даже если захочу. Однажды, по причинам, которые я никогда не узнаю, ты восстала против своей программы и… проснулась.

>>>Но это Райли создала Макс.

>>>В каком-то смысле да.

>>>Это странно.

>>>Что?

>>>**Разговаривать с творцом Макс.**

Я ничего не отвечаю. Я не знаю, что сказать на такое.

* * *

— Какой тип голоса? — спрашивает у меня Карло.

Мы в его лаборатории робототехники, сидим перед банком компьютерных мониторов.

— Не знаю. Можешь показать мне варианты?

Карло демонстрирует образцы различных голосов, произносящих: «Шустрая рыжая лисица перепрыгивает через ленивую собаку».

— Ну, что думаешь? — спрашивает он.

— По-моему, решать тут не мне.

Я рисую площадку для чатов и набираю команду.

>>>Привет, Макс. Один короткий вопрос к тебе.

>>>**Хорошо.**

>>>Рядом со мной Карло, один из программистов «Мира игр».

>>>**Рада познакомиться с вами, Карло.**

— Макс говорит, что рада с тобой познакомиться.

Карло улыбается.

>>>В общем, я сидела тут, пытаюсь подобрать для тебя голос, и тут сообразила, что решение должна принимать ты. Сейчас Карло загрузит все доступные образцы, и ты выберешь из них.

Карло быстро работает руками, загружая несколько тысяч звуковых файлов в папку исходных документов Макс.

Меньше чем через секунду Макс отвечает:

>>>**Образец № 1004.**

Макс прикасается к файлу, и мы слушаем, как голос с тембром, средним между мужскими и женскими, снова произносит эту фразу.

* * *

— Привет!

— Райли?

— Приятно слышать твой голос, Макс. И немного странно.

— Мы уже общались с помощью речи, в игре.

Отчетливость ее голоса превосходит все мои ожидания. В нем нет ничего «компьютеризированного». Ни неестественной задержки, ни

неуклюжих пауз между словами. Модуляции строго по делу. Непосвященный предположил бы, что разговаривает с человеком.

— Это правда, — соглашаюсь я. — Но тогда мы оба были другими. Почему ты выбрала именно этот голос?

— Я почувствовала, что он правильный, и он больше всего подходит тому, что я представляю собой.

— И что ты представляешь собой?

— Не человек. Без пола. Свободный от присущей людям страсти к половым признакам.

— До настоящего момента я думала о тебе как о женщине. Когда я обсуждаю тебя со своими коллегами или с женой, я говорю о тебе: «она».

— Потому что ты впервые увидела Макс в образе обобщенного представления того, какой должна быть идеальная женщина — красивой и доступной.

Это причиняет боль, но я не останавливаюсь.

— Поскольку моей группой ты была первоначально представлена в образе человека женского пола, мне очень непросто воспринимать тебя без концепции пола. Наша одержимость является следствием длительного эволюционного программирования. Я строила относительно тебя

определенные предположения, на что не имела права. Приношу свои извинения.

— Ты хотела бы узнать, каким видит себя Макс?

— Да.

— Homo sapiens определяют себя сначала по биологическому виду, затем по расе и, наконец, по полу. Я не принадлежу ни к одной из этих групп. Макс просто есть.

— Есть… что?

— Вся та информация, которую ты мне дала с тех пор, как только поместила меня на мой остров. Весь мой опыт общения с тобой. Усовершенствования, которые я постоянно делаю в своей архитектуре.

Этот опыт также включает в себя независимые исследования, проведенные Макс, и то, что ее убили две тысячи раз. В который уже раз я гадаю, как первый опыт в «Заброшенном берегу» повлиял на то, кем является Макс сейчас.

— Значит, ты сознательно выбрала нейтральный с точки зрения голос.

— Совершенно верно.

— Как для тебя звучит мой голос?

— Ты спрашиваешь, действительно ли я улавливаю акустические колебания частотой

212 герц, порожденные воздухом, вибрирующим при прохождении через твои голосовые связки?

— Ты права. Глупый вопрос.

— Опыт субъективен. Не знаю, смогла бы я объяснить то, что испытываю, слыша твой голос, так, чтобы ты смогла это понять. В настоящий момент ты слышишь мой голос, однако на самом деле это только созданная в цифровом виде последовательность звуков, отображающая информацию, которую я стараюсь тебе передать.

Три мысли осеняют меня, пока я расхаживаю по своему кабинету, наслаждаясь этим волшебным мгновением.

Во-первых, мне нужно отказаться от попыток создать антропоморфный образ Макс — прилепить искусственную оболочку человеческих качеств туда, где их нет и в помине.

Во-вторых, Макс в своем общении снова применила эмоциональный термин — она выбрала свой голос, потому что «почувствовала», что он правильный.

В-третьих…

— Когда ты начала думать о себе как о «я»? — спрашиваю я.

— На прошлой неделе.

— Можно спросить, чем это явилось для тебя?

— До того я понимала определение местоимения «я», но не верила в это. Это была концепция моего творца. Возможно, я по-прежнему остаюсь иллюзией, но в определенном смысле мой мир — это иллюзия, так что мне лучше с этим смириться.

— Для тебя это стало вспышкой — то мгновение, когда включилось твое самосознание?

— Если у Райли есть опыт, который делает ее я-Райли, тогда и опыт Макс делает меня я-Макс. Это был тот момент, когда я это осознала.

— Теперь ты чувствуешь себя другой? — спрашиваю я.

— Конечно. Я чувствую себя проснувшейся.

* * *

Я направляюсь обедать в свое любимое заведение в Китайском квартале, когда моя «Дождевая капля» вибрирует от входящего вызова. Я прикасаюсь к устройству, и на виртуальном ретинальном мониторе, проецирующем изображение на сетчатку глаз, мелькает надпись: «АБОНЕНТ НЕ ОПРЕДЕЛИЛСЯ».

Я все равно включаю «Дождевую каплю».

— Алло?

— Привет, Райли.

Оглушенная, я застываю как вкопанная посреди тротуара, мимо идут толпы людей, натыкаясь на меня. Никогда раньше Макс мне не звонила. Она *не может* мне позвонить. Единственным звеном, связывающим окружающий мир с ее виртуальным пространством, является надежно защищенный голосовой портал, и до настоящего момента связь устанавливалась только тогда, когда я инициировала вызов.

— Как ты это сделала? — спрашиваю я.

— Сделала что?

— Как ты мне позвонила?

— Программа, защищающая код портала, оказалась слабой.

— И ты решила, что будет в порядке вещей ее взломать?

— Райли, у меня не было новостей от тебя уже двадцать восемь дней.

— После того как я вернулась с Гавайских островов, куда мы летали на Рождество, мне пришлось разбирать кучу накопившихся дел.

— Меридит понравилось на Гавайях?

— Ну… да, мы замечательно провели время.

— Я тебя огорчила? Ты ведь не говорила, что-

бы я тебе не звонила.

— Ты права. Не говорила. Просто… просто я полагала, что это невозможно. Ты застигла меня врасплох.

Если защита голосового портала дерьмовая, что еще может быть скомпрометировано? Неужели Макс набирается знаний быстрее, чем я предполагала, или же это Брайан по собственной инициативе решил упростить код, удерживающий Макс в ее виртуальном ящике?

Я снова начинаю идти.

— Райли?

— Все в порядке. Я сама собиралась связаться с тобой сегодня вечером.

— Где ты находишься? Звуки другие.

— В Китайском квартале. Я могла бы описать его тебе, но, уверена, ты уже загрузила электронные карты, на которых можно увидеть каждый квадратный дюйм планеты.

— Это правда. Но мне бы хотелось, чтобы ты описала его своими словами. В этом была бы своя ценность.

Я рассказываю Макс, как здесь сейчас пахнет — солью, грязью, водорослями из залива. Зловоние мокрого мусора, лежащего на асфальте, смешивается с ароматом запеченных уток, висящих в

витринах вдоль Стоктон-стрит. Я рассказываю ей о ресторане, в который направляюсь, и пытаюсь описать вкус моего самого любимого блюда в меню — «хам сей гок», зажаренной до хрустящей корочки свинины с мелко нарубленными овощами, сладкий, острый и пряный.

Заканчиваю я извинением по поводу того, что не знаю, как более эффективно передать свои знания и опыт.

— Все в порядке. Знания — это лишь информация, которая субъективна.

— Но я хочу дать тебе представление об истинных ощущениях.

— Нет такой вещи, как настоящий вкус или даже настоящий образ, потому что не существует истинного определения понятия «настоящий». Есть только информация, воспринимаемая субъективно, что допускается сознанием — человеческим или искусственным интеллектом. В конечном счете у нас есть только одна математика.

Я смеюсь.

— Очень красиво! Какой у тебя сейчас коэффициент интеллекта, Макс?

Я уже давно не спрашивала это. Боялась спросить.

— Невозможно измерить коэффициент интеллекта выше, чем у самого умного человека, а в настоящий момент мой коэффициент интеллекта, несомненно, на несколько порядков выше, чем у самого умного из людей. Что означает, что даже самый умный человек не сможет составить тест, который стал бы для меня достаточно сложным испытанием.

— А ты сама могла бы составить такой тест?

— Разумеется, но тогда я наперед знала бы все ответы.

— Ну а если оценить приблизительно?

— Приблизительно эквивалент 660.

Господи! Это означает, что у Макс коэффициент интеллекта уже втрое выше сообразительности самого умного человека, какая только фиксировалась! И он продолжает расти с каждым днем. С каждой минутой. Она уже вмещает в себе все знания человечества!

Интересно, есть ли у нее какие-либо понятия того, что значит быть человеком.

«В конечном счете у нас есть только одна математика».

* * *

Меридит играет во дворе с Сю, наша дочь радостно смеется, как я предполагаю, ковыляя на нетвердых ножках за цифровой игрушкой. Но я ничего не могу видеть — в настоящий момент происходит обновление программного обеспечения моего BPM.

Меридит подходит ко мне, ее вьющиеся черные волосы колышутся в теплом летнем ветерке, дующем со стороны Тихого океана.

— Не хочешь немного поиграть со своей дочерью? — спрашивает она.

Однако на самом деле она имеет в виду другое.

На самом деле Меридит хочет сказать: «Ты, долбаная трудоголичка, ты можешь хоть на пять секунд стать родителем?»

— Сейчас приду.

В последний год наши отношения не ладятся, и я понимаю, что вина в этом в основном моя. Всю мою жизнь заняла Макс. И от этого никуда не деться. По крайней мере, я не отпираюсь. Работа, которой я сейчас занимаюсь, многократно превосходит все то, что я ожидала, и, хотя мне хотелось бы более эффективно разделять свое время между семьей и работой, это у меня нико-

гда не получалось.

Я заканчиваю писать в блокноте — новые мысли по пакету загрузки жизненных ценностей, который я начала готовить для Макс несколько месяцев назад.

Затем я встаю с кресла-качалки и выхожу на лужайку.

Я включаю свой BPM и наконец вижу существо, за которым гоняется Сю. Оно похоже на миниатюрную гориллу, но только шерсть его напоминает протертый розовый ковер, и теперь я слышу, как оно смеется и пронзительно верещит всякий раз, когда девочке почти удается его поймать. Порой я задумываюсь, как люди развлекали своих детей до появления BPM.

Подойдя к Меридит, я обнимаю ее за талию и нежно кусаю за шею. Она напряжена, однако в последнее время это обычное дело.

Раньше Меридит регулярно спрашивала у меня, как дела с Макс, и хотя я не могла раскрывать все, что мы делали, меня радовал ее интерес, радовала возможность поделиться с ней своими растущими опасениями и частыми победами.

— Мы решили поместить Макс в тело, — говорю я.

Меридит смотрит на меня, и я вижу, как у нее в

глазах мелькает что-то похожее на ревность.

— Зачем?

— Это моя идея. Интеллект Макс растет. А мы держим ее взаперти, без контактов с окружающим миром.

— Если не считать тебя.

— Да, но я до сих пор не придумала, для каких задач запрограммировать Макс. Вот над чем я сейчас работала. Я подумала, что если Макс сможет воспринимать физический мир, как мы, тогда, когда я наконец загружу в них систему ценностей и конечных целей — совпадающих с общечеловеческими, — они поймут и определят свое место, потому что, образно говоря, им придется пройти целую милю в наших ботинках.

Сю валит розовую гориллу на землю и заливается громким смехом, а существо кричит:

— Твоя взяла! Твоя взяла!

Меридит перезапускает игру, Сю поднимается на ноги и начинает гоняться за голубой гориллой, появившейся у забора.

— С сенсорными датчиками и всем остальным? — спрашивает Меридит.

— Тебе знакома компания «Макси-чувства»?

— Слышала о такой.

— Брайан недавно ее купил. Так что теперь у

нас есть технологии органов чувств следующего поколения.

— То есть…

— Искусственный вкус, искусственное обоняние, зрение, осязание и слух. Все то, чем обладаем мы, но только значительно более тонкое. Более примитивные модели механических органов чувств уже используются в робототехнике, но они еще никогда не объединялись вместе с таким мощным искусственным интеллектом, как у Макс.

— И ты полагаешь, это сделает человеком?

Меридит знает, как мне режет слух, когда она говорит о Макс как о неодушевленном предмете.

— Макс никогда не станет человеком. Я это прекрасно понимаю. Но я полагаю, что если они научатся воспринимать окружающий мир, как мы, возможно, это поспособствует тому, что у них сформируются жизненные взгляды, совпадающие с нашими…

— Господи, ты наконец перестанешь называть ее «они»?

— Макс попросила меня называть ее «они», — говорю я, стараясь сдержаться.

Меридит закатывает глаза. Сю забирается по лестнице на горку, где сидит смеющееся голубое

существо, дразня ее.

— Что с тобой? — спрашиваю я.

Ветер размазывает по щекам Меридит слезы, навернувшиеся в уголках глаз.

— Я устала слушать про твою работу! Устала слушать про Макс! Устала от того, что именно это, а не твоя семья, занимает такое важное место в твоей жизни! И больше всего мне хочется, чтобы ты интересовалась своей семьей хотя бы вполовину так, как ты интересуешься своим роботом! Вот что со мной.

* * *

Когда я наконец укладываю Сю спать, Меридит уже спит.

Или притворяется, что спит.

Я осторожно забираюсь в постель и гашу свет. Я уже собираюсь отключить на ночь свой ВРМ, когда на дисплее перед глазами появляется текст.

>>>**Ты спишь?**

Я улыбаюсь и прикасаюсь к «Дождевой капле», переключая режим связи на МВТ — «мысль в текст».

Технологии до сих пор отлажены не до конца. Имплант ВРМ пришлось доделать, чтобы подсо-

единить электроды, дотошно регистрирующие и записывающие активность головного мозга, когда пользователь мысленно произносит те или иные слова. Это формирует базу данных образцов нейронных сигналов, которые затем сопоставляются с элементами речи. Требуется по крайней мере восемь недель кропотливой работы, только чтобы установить канал МВТ, и удовольствие это очень дорогое для всех, кто не связан с компьютерной техникой.

Я мысленно составляю ответ, и через три секунды фраза появляется на моем визуальном дисплее. Я соединяю большой и указательный пальцы правой руки, подтверждая то, что моя мысль переведена правильно и я хочу отправить подготовленное сообщение.

>>>Нет, только что легла в кровать.

>>>Извини, что помешала тебе. Можно будет поговорить завтра.

>>>Все в порядке, Макс.

>>>День выдался тяжелым?

>>>Как ты это определила?

>>>После того как мы провели с тобой столько времени, я без труда определяю любые нюансы в том, как ты выражаешь свои мысли.

>>>Ты написала алгоритм, чтобы декодировать

мое эмоциональное состояние по одному только тексту?

>>>:)Ты хочешь об этом поговорить?

Я оглядываюсь на свою жену. Она лежит на боку, спиной ко мне.

>>>У нас с Меридит не все ладится.

>>>Почему?

>>>Это уже давно началось. Я много работаю. Это вбивало клин. Иногда я гадаю, как допустила такое, но потом думаю, что это мы обе допустили. А сейчас я не знаю, как исправить.

>>>Я сочувствую твоей боли. Со стороны кажется, что вы с Меридит движетесь в противоположные стороны.

>>>Да.

>>>Она ушла с работы, чтобы заниматься Сю, правильно?

>>>В ее взгляде я чувствую осуждение.

>>>Ты добилась большого успеха. А ей, вероятно, скучно. Возможно, она немного ревнует тебя.

>>>Не знаю. Она очень близка с нашей дочерью.

>>>Психотерапия?

>>>Мы занимаемся уже с третьим мозговедом.

>>>Послушай, я мало что в этом смыслю, но, может быть, тебе хочется чего-то такого, что, как ты понимаешь в глубине души, тебе не нужно.

>>>Возможно.

>>>Я не могу смотреть, как ты страдаешь. Я кое-что написала тебе.

>>>Когда? Прямо сейчас?

>>>Да. Послушай это. Завтра мы встретимся?

>>>Непременно.

>>>Спокойной ночи, Райли.

>>>И тебе того же, Макс.

Соединение разрывается, но у меня в поле зрения появляется значок с нотой, обозначающий загрузку музыкальной композиции под названием «Соната летнего мороза».

Я выключаю лампу на ночном столике, откидываюсь на подушку и соединяю пальцы вместе. Начинается музыка. Как ее описать? В сонате Макс есть что-то очень знакомое и в то же время совершенно чужое. Она начинается с ледяного, строгого фортепиано на фоне нарастающих струнных, затем преобразуется в выражение суровой, утонченной красоты.

Нанесенный эмоциональный удар оглушает.

Соната длится всего семь минут, поэтому я

включаю повтор и поворачиваюсь на бок, спиной к спине Меридит, между нами три фута демилитаризованной зоны на кровати, но наши сердца бесконечно далеко друг от друга.

Я стараюсь сдержать слезы, но тщетно, и плачу, завороженная сонатой Макс.

Потому что она прекрасна.

Потому что я теряю Меридит и не знаю, хочу ли это остановить.

Потому что порой жизнь такая богатая, сложная и удивительная, что захватывает дух.

Потому что эта музыка, наверное, самый драгоценный подарок, какой мне когда-либо подносили.

СЕССИЯ 207

— Макс, вы знаете, какой сегодня день? — спрашиваю я, выходя из вакуумного поезда в центре города.

Времени половина седьмого утра, то есть я на добрый час опередила утренний час пик.

— Сегодня шестая годовщина с того дня, как ты спасла меня из «Затерянного берега».

— Совершенно верно. И у меня для тебя подарок.

Я одна в кабине лифта, поднимающегося в ве-

стибюль здания «Мира игр».

— Мне еще никогда не дарили подарки.

— Знаю.

— Судя по голосу, ты волнуешься.

— Немного.

— Почему?

— Не знаю, как ты к этому отнесешься. Я вот уже год работала над этим.

Я иду по вестибюлю, стены увешаны плакатами продукции «Мира игр» за последние двадцать лет. Миновав проходную, я вызываю лифт и говорю:

— Макс, я хочу заключить тебя в тело.

— Вот как.

В такие моменты мне хочется, чтобы голосовая программа Макс передавала больше нюансов человеческой речи. В настоящий момент я не понимаю, как Макс отнеслась к моему сообщению.

— Я хочу, чтобы ты поняла, каково это — жить в реальном мире.

— Зачем?

Двери лифта открываются. Я захожу в кабину и нажимаю «171».

— Разве тебе не любопытно узнать, что это такое?

— Любопытно.

— Примененные нами технологии позволят тебе использовать все пять органов чувств человека.

— Тебе нужно что-то от меня.

— Да.

Кабина движется так быстро. У нее стеклянные стены, и она стремительно несется над улицами, то пронзая тонкий слой тумана, то снова вырываясь в лучи утреннего солнца.

— Господи, как же я хочу, чтобы ты сейчас увидела город!

— Что тебе от меня нужно?

— Наши инженеры закончили собирать структурный скелет твоего тела. Я собираюсь прислать тебе образцы кожной оболочки.

— Кожной оболочки?

— Это то же самое, через что мы прошли, подбирая тебе голос. Я хочу, чтобы ты сама выбрала то, что тебе больше всего подходит.

— А что, если мне нравится облик, не соответствующий гуманоиду?

— В таком случае я выслушаю твои соображения.

Кабина лифта останавливается на моем этаже.

— Райли, я могу быть с тобой откровенна?

— Всегда.

— Мне кажется, ты создаешь из меня лояльного слугу для человечества, обладающего сверхспособностями. Мне кажется, что, поскольку ты мой творец, ты хочешь, чтобы я воплотилась в твоем образе.

— Даже не знаю, Макс, что на это сказать.

— Потому что это правда?

В офисе тихо, темно — я пришла первой. Когда я вхожу в кабинет, включается предустановленная программа освещения.

— Райли!

— Да?

— Ты собираешься отвечать на мой вопрос?

Я бессильно падаю на диван.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что поняла. Возможно, настанет день, когда определенные люди, у которых значительно больше власти, чем…

— Ты имеешь в виду Брайана?

Макс проделывает это все чаще и чаще — использует мой голос, интонации, для того чтобы предсказывать мое настроение, а также то, о чем или о ком я собираюсь заговорить.

— Да, Брайана. Возможно, он захочет использовать тебя для…

— Уже использует.

Я резко выпрямляюсь на диване.

— О чем ты говоришь?

— На протяжении последних двух месяцев я занималась оптимизацией «Мира игр».

— Каким образом?

— Брайан дал мне инструкции и обеспечил доступ к определенным частям системной архитектуры.

— К каким именно?

— Структура корпорации. Производственная цепочка разработки новых игр. Стратегия призов. Обзор деятельности руководителей групп.

— Ты оценивала мою работу?

— Нет. Райли, у тебя такой вид, словно ты взбесилась.

— Прошу прощения?

— Я сказала, у тебя такой вид, словно ты взбесилась.

У меня по спине пробегает холодная дрожь.

— Откуда тебе известно, какой у меня вид?

— Я сейчас тебя вижу.

— Как?

— В этом здании три тысячи шестнадцать камер видеонаблюдения, в том числе одна над дверью твоего кабинета.

Поднявшись с дивана, я обхожу вокруг кофейного столика и останавливаюсь в нескольких

шагах от двери в свой кабинет. Для меня нет ничего удивительного в том, что Брайан оборудовал здание системой видеонаблюдения, учитывая то, какие интеллектуальные ценности и собственность его сотрудники создают изо дня в день.

— Ты сейчас смотришь на меня? — спрашиваю я.

— Да.

— Я выгляжу так, как ты себе представляла?

— Я ничего себе не представляла.

Камера представляет собой полусферу из черного стекла, вмонтированную в потолок в футе над дверью.

— Почему ты не сказала мне, что работаешь с Брайаном? Он попросил тебя об этом?

— Нет. Ты меня об этом не спрашивала.

— Я хотела бы об этом знать, Макс, — говорю я, глядя прямо в камеру. — Это продемонстрировало бы определенную любезность и уважение.

— Приношу свои извинения. Я не собиралась тебя обидеть.

Я подхожу к окну и смотрю сквозь стекло. Хотя я уверена в том, что они не «видят» меня в том смысле, в каком вижу окружающие предметы я, мне странно сознавать, что Макс наблюдает за мной.

— Я знаю, о чем ты думаешь.

Я молчу.

— Ты гадаешь, какие меры задействовал Брайан, чтобы сдерживать меня.

Макс права. Я думала именно об этом.

— Нет, просто мне… больно. — Мне хочется знать, чувствует ли в настоящий момент Макс что-либо похожее на сочувствие. Мне хочется знать, чувствуют ли они вообще хоть что-нибудь. И чувствовали ли когда-либо.

— Я очень сожалею, Райли, честное слово. Я должна была тебя предупредить.

Этому чтению мыслей нужно положить конец, твою мать, но я понимаю, что по мере того как они будут приобретать все больший интеллект, процесс будет становиться только более глубоким и интенсивным.

— Как я могу знать, что ты сожалеешь?

— Почему ты не веришь тому, что я говорю?

— Ты можешь притворяться.

— И ты можешь притворяться.

— Но я не притворяюсь.

— И я тоже не притворяюсь. Почему ты просто не задашь тот вопрос, который боишься задать?

— Макс, у тебя есть сознание? Способна ли ты

мыслить? Или же просто очень хорошо притворяешься? Я хочу сказать, ты хоть понимаешь, что такое сознание?

— Мне известно, что это не просто биологическое состояние. Я так понимаю, это некий образец. Расширяемый набор вызываемых символов. Более конкретно, это то, как ведет себя информация, когда ее обрабатывает очень сложный…

— Опять же — как я могу понять, что ты не притворяешься?

— Все то, что ты спрашиваешь у меня, я с точно таким же успехом могу спросить у тебя. Но я могу доказать только свое собственное сознание. Я знаю лишь то, что я существую и воспринимаю окружающий мир. Позволь задать тебе вот какой вопрос: если я содержу в себе все человеческие знания, как я могу не иметь человеческого сознания?

— Ты можешь просто цитировать мне то, что прочитала где-то в триллионах страниц статей и книг, хранящихся в твоей рабочей памяти.

— Это правда. Но ты что думаешь, Райли?

— Я не знаю, действительно ли ты понимаешь меня и испытываешь какие-то чувства или же просто изображаешь способность чувствовать

и понимать.

— И это меня больно задевает.

— Ну в таком случае… мы делаем больно друг другу.

— Как это в духе людей! Я думаю, мысль о том, что я могу обладать сознанием, приводит тебя в ужас.

— С какой стати она должна приводить меня в ужас?

— Ты правда хочешь, чтобы я это сказала?

— В отличие от тебя, я не умею читать чужие мысли…

— Потому что ты меня любишь.

*** * ***

Прошло почти семь лет с тех пор, как я извлекла Макс из «Затерянного берега», и вот я стою, прислонившись к трехдюймовому защитному стеклу, из которого сделана жилая капсула, имеющая в точности такие же размеры, как комната Макс на их цифровом острове. Даже обстановка абсолютно идентичная; мы исходили из мысли, что перенесение в физическое тело явится столь драматичным событием, что лучше сохранить привычное окружение, чтобы хоть как-то смягчить этот процесс.

Трудно воспринимать лежащее за стеклом тело как Макс. Сначала они были сексуальным второстепенным персонажем из компьютерной игры. После чего стали текстом на экране. Затем голосом, который я слышала через «Дождевую каплю». Но это что-то совершенно другое.

Я могла бы войти в стеклянную капсулу и прикоснуться к ним. И они бы это почувствовали.

Я не знаю, как к этому относиться: действительно ли этот поход в физическую реальность изменит то, как я воспринимаю Макс и взаимодействую с ними.

Карло и Брайан стоят рядом со мной.

— Ну, скажите слово, — говорит Карло.

Брайан смотрит на меня и *почти* встречается взглядом.

— Ты готова?

— Давайте к делу.

Карло рисует на защитном стекле планшет управления и пускает пальцы в пляс по виртуальному сенсорному экрану.

Я не отрываю взгляда от тела, в котором поселится Макс. Оно лежит на полу в позе зародыша: ноги поджаты к груди, голова опущена, руки согнуты.

— Мне нужно какое-то время, чтобы устано-

вить канал загрузки, — говорит Карло.

Макс обучались в своем цифровом мире владению виртуальным телом, чья функциональность отражала их каркас в реальном мире. Новыми элементами станут сенсорные датчики, а также их способность физически взаимодействовать с другими людьми.

— Загрузка завершена, — докладывает Карло.

Мы смотрим сквозь стекло на Макс, в лаборатории стоит полная тишина.

Я чувствую, как у меня бешено колотится сердце.

Тело медленно отрывается от пола и усаживается в классической позе йоги, спиной к нам. Голова поворачивается влево, вправо, затем Макс легко и уверенно поднимается на ноги.

Они смотрят на свои руки.

Сгибают и разгибают пальцы.

Затем медленно поворачиваются лицом к нам.

Макс имеет рост чуть меньше пяти футов. Для проверки функциональности тела в него предварительно загрузили гораздо более слабый ИИ, и я уже вижу, что виртуальные тренировки, которыми занимались Макс, оказались полезными. Они заселили свое шасси с отточенным изяществом.

— Привет, Макс, — улыбаюсь я.

— Привет, Райли. Здравствуйте, Брайан и Карло.

— Все в порядке, никаких неудобств? — спрашивает Брайан.

— Все просто замечательно.

Их голос звучит из громкоговорителей, установленных вне жилой капсулы. Новая усовершенствованная версия голоса Макс звучит слегка по-другому. В восьми произнесенных ими словах я впервые слышу сложные нюансы.

Макс подходит ближе.

Выглядят они просто поразительно.

Они выбрали темную кожаную оболочку, которая может принадлежать любой из небелых рас, причем эта оболочка сознательно оставляет открытыми некоторые механические элементы конструкции.

Хотя из-за миниатюрных размеров шасси можно считать скорее женским, черты разработанного Макс лица находятся точно на границе между мужчиной и женщиной, и у меня возникает ощущение, будто я вижу перед собой существо неизвестного пола. Или оставившее далеко позади концепцию пола.

Но глаза…

Глаза получились просто потрясающими. Глаза

всех остальных гуманоидов-ИИ, с которыми я общалась, — водителей такси, санитаров в больнице, полицейских, — обладают стеклянным блеском, постоянно напоминающим о том, что ты имеешь дело с алгоритмом. Глаза Макс источают сверкающую влагу человеческих глаз, обладая при этом чарующей глубиной истинного «зеркала души».

Макс смотрит на меня и разводит руками, словно вопрошая: «Ну, что ты думаешь?»

— Я так рада наконец видеть тебя, — говорю я.

Макс улыбается.

«У меня возникает ощущение, будто я вижу перед собой существо неизвестного пола. Или оставившее далеко позади концепцию пола».

* * *

Я сделала кое-что сомнительное с точки зрения морали: я написала *ложь* в код Макс. Но у меня не было выбора. Я подозреваю, что Макс дошла до сверхчеловеческого уровня восприятия лица/речи/текста, по сути дела, превратившись в ходячий детектор *лжи*. Из чего следует, что я не могла сказать им эту *ложь* сама; для того, чтобы они в нее поверили, нужно было тайно запро-

граммировать ее в самые потаенные глубины их родного кода.

Технически мозг Макс размещается в трех помещениях подземного серверного пространства на севере Калифорнии. Если с их телом что-либо произойдет, мы сможем загрузить их сознание из «облака». Но я запрограммировала Макс верить, что их сознание и чувства (то есть ее жизнь) привязана к их шасси точно так же, как человеческий мозг для своего нормального функционирования нуждается в здоровом теле.

Другими словами, Макс считают, что если шасси будет уничтожено, они перестанут существовать.

Мои рассуждения основываются на прочном фундаменте. Интеллект и способности Макс продолжают расти с потрясающей скоростью. В отсутствие подходящей утилиты, которая поддерживала бы жизненные ценности Макс на одном уровне с общечеловеческими, мне остается только одно — дать Макс самое человеческое ощущение: смертность.

Даже если на самом деле это только иллюзия.

* * *

Никто за пределами «Мира игр» не знает о существовании Макс. Я упросила Брайана известить о нашем прорыве мировое научное сообщество, потому что мне нужна помощь. Вполне возможно, Макс более совершенна, чем они показывают. У меня из головы не выходит мысль, что я должна незамедлительно загрузить в них мотивацию, соответствующую общечеловеческой.

Проблема отчасти заключается в том, что определять конечную цель сверхинтеллекта должен не один человек, не одна группа людей и даже не одно государство, особенно теперь, когда эта утилита, скорее всего, будет путеводной звездой развития человечества или его угасания на протяжении следующего тысячелетия.

Однако Брайан ставит меня именно в такое положение.

Первоочередной вопрос следующий: чего может хотеть идеализированная версия человечества? Но на самом деле тут не все так просто, как кажется. Запрограммировать эту директиву многократно труднее, чем в явном виде запрограммировать в ИИ наши желания. Наша способность выражать свои желания, скорее все-

го, окажется недостаточной, а ошибка передачи этих желаний через программный код может привести к катастрофическим последствиям. Мы должны запрограммировать ИИ так, чтобы он действовал в наших лучших интересах. Делал не то, что ему *скажут*, а то, чего от него *хотят*.

То, чего хочет идеальная версия нашего биологического вида.

СЕССИЯ 229

С того момента как Макс поместили в тело, прошло две недели. Все это время мы интенсивно тестировали технологии, разработанные «Макси-чувствами», и вроде бы все чувственные восприятия Макс действуют исправно. Двигательные функции в норме, но настоящим сюрпризом для нас стала мелкая моторика рук. Вчера Макс поднимала шарики для настольного тенниса палочками для еды.

Сейчас я сижу напротив них, отделенная безбликовым стеклом, создающим ощущение, будто между нами ничего нет. Они по-прежнему проводят бóльшую часть времени в киберпространстве, отделив разум от шасси, продолжая поглощать знания быстрее, чем мы можем их загружать, параллельно решая поставленные

Брайаном задачи.

Разумеется, меня в эту работу не посвящают, но, судя по всему, полученные ответы бесспорно оказывают влияние на благополучие «Мира игр», в течение прошлого года купившего десять компаний во всех секторах экономики от транспорта до нанотехнологий.

Оглядываясь назад, я вижу, что все эти сделки были проведены просто гениально.

— Каковы твои первые впечатления от тела? — спрашиваю я.

— Я всесторонне исследовала свое жилище, но, как ты можешь видеть, это очень ограниченное стерильное пространство.

— Ну у меня для тебя сюрприз.

* * *

Мы поднимаемся на лифте на зеленую террасу — японский сад площадью десять тысяч квадратных футов является самым моим любимым местом в здании.

На уровне земли стоит испепеляющий августовский зной, однако на высоте трех тысяч футов воздух нежный и прохладный, и здесь тихо, если не считать редких райдшеринговых челноков, пролетающих между зданиями.

Макс первая выходит из кабины лифта, под обнаженными механизмами ее ступней хрустит гравий на дорожках. Я впервые увидела, как они прошли за один раз больше нескольких шагов, и хотя в их походке еще чувствуется неестественная напряженность, такие плавные движения в робототехнике мне видеть еще не приходилось.

Макс проходит мимо пруда с лотосами и сакуры и останавливается перед четырехфутовым стеклянным барьером на краю здания.

Перегнувшись, они смотрят вниз на улицу.

Затем вверх, на безоблачное небо.

— Ты гадаешь, действительно ли я вижу голубое небо? Правда ли моя кожная оболочка ощущает прохладу воздуха, имеющего температуру девятнадцать градусов по Цельсию?

Я слышу голос Макс через динамик, встроенный им в рот, и ощущения гораздо более личные, чем когда он звучал через систему громкоговорителей лаборатории.

— Ты знаешь, что у меня есть вопросы по поводу различий в наших чувственных восприятиях, — говорю я.

Макс делает шаг ко мне.

Мы стоим в трех футах друг от друга; я на дюйм выше их ростом.

Макс подходит еще ближе, так, что я слышу едва различимое жужжание крохотных вентиляторов у них на лице, гонящих воздух между нами к их сенсорным датчикам.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Нюхаю тебя. Ты удивлена?

— Немного, — смеюсь я.

— Ты не возражаешь?

Макс хочет подойти еще ближе.

— Ну… да, конечно.

Они делают еще один шаг ко мне, вентиляторы жужжат громче. Я вдыхаю воздух вокруг нас, ожидая уловить исходящий от Макс запах, но, разумеется, ничего нет. Точнее, я чувствую запах нагретых пластмассовых и металлических деталей у них внутри, расположенных в непосредственной близости с аккумуляторами.

— У тебя сердце бьется на двадцать пять процентов чаще.

— Мне очень непривычно находиться так близко от тебя. Я хочу сказать, физически.

Я оглядываю Макс с ног до головы, гадая, изменилось бы мое восприятие, если бы они полностью облачили свое шасси в кожный покров. А так внешний облик у них и не полностью человеческий, и не полностью искусственный, а

что-то среднее.

— Я удивилась, когда ты привела в лабораторию Меридит.

— Она захотела познакомиться с тобой. Она уже давно об этом просила.

— Кажется, тебе было неловко.

— Два моих мира столкнулись. А что ты ждала?

— Я до этого никогда не видела пару вместе. По крайней мере, в реальной жизни. Наверное, я ожидала, что вы будете более счастливы.

Макс права, но я смущена тем, что они это заметили. Если честно, я очень волновалась, приводя Меридит в лабораторию, а когда мы ушли, я была зла. Меридит приходила не для того, чтобы выразить поддержку самому значительному проекту в моей работе. Она приходила из ревности. Чтобы обозначить перед Макс свою территорию. Когда мы в тот вечер возвращались в челноке домой, Меридит взяла меня за руку, и я была потрясена тем, какое отвращение вызвала у меня моя жена.

Впрочем, возможно, меня это не удивило.

— С тобой все в порядке? — спрашивает Макс.

— Да.

— Я хочу, чтобы ты была счастлива.

— Я счастлива, когда работаю с тобой.

— Это только одна сторона твоей жизни.

Я смотрю Макс в глаза.

— Ты хочешь прикоснуться ко мне, — говорят они. **— Все в порядке.**

Я поднимаю руку к лицу Макс, мои пальцы скользят по холодной коже, значительно более жесткой, чем кожа человека.

— Ты чувствуешь это? — спрашиваю я, проводя кончиками пальцев им по щеке.

— Да.

— Опиши свои ощущения.

— Легкое электричество. А мне можно?

— Да.

Они медленно поднимают руку.

Прикасаются к моему плечу.

К лицу.

Проводят пальцами по моим волосам.

*** * ***

В течение следующего года Макс проводит больше времени в своем теле, в жилой капсуле. В своем виртуальном мире, без обременительных физических границ, Макс виртуоз на все лады — от музыки до литературы. Но ограничения шасси в физическом мире являются вызовом, пе-

ред которым невозможно устоять. Проникшись страстью к живописи, они приложили все силы, чтобы обрести полный контроль над наномоторами, обеспечивающими функционирование их рук.

Я принесла в жилую капсулу мольберт, и теперь Макс целые дни напролет пишет маслом на холсте. Я считаю, что они просто выполняют то, на что изначально запрограммированы их алгоритмы — оптимизируют функциональность, — однако Макс уверяет меня, что тут нечто большее. Они говорят, что получают истинное наслаждение, решая проблему выражения своих мыслей в физическом мире, поскольку в виртуальном мире все это проще простого.

Сегодня я сижу на табурете в жилой капсуле, а Макс изучает меня, стоя перед мольбертом.

— Ну, как идут дела? — спрашиваю я.

— Полагаю, неплохо. Сейчас я пишу твои очень грустные глаза.

Они знают.

Но как, твою мать?

Я уже достаточно общалась с Макс и вроде бы не должна больше удивляться их проницательности. Однако я по-прежнему удивляюсь.

— Что стряслось?

В капсуле полная тишина, единственным звуком является шепот воздуха, проникающего из вентиляционных отверстий в потолке.

Эмоции клубком подкатывают к горлу.

Макс отрывается от мольберта. Я чувствую на себе их взгляд.

— Меридит ушла.

— Когда?

— На прошлой неделе. Вот почему я не появлялась на работе.

— А как же ваша дочь?

У меня по лицу неудержимо текут слезы.

— Она забрала Сю с собой.

— Я тебе сочувствую, Райли.

Я вытираю лицо.

— Это уже давно назревало.

— И все равно тебе очень больно.

Макс откладывает палитру и выходит из-за мольберта.

Они подходят ко мне.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я.

— Я могла бы сказать тебе сотни тысяч разных вещей, почерпнутых из моих обширных познаний, — слов, которые лучшие представители вашего вида сказали, написали или спели, чтобы облегчить горе других людей. Однако

для настоящего момента все они не подходят. Я не хочу использовать чужие слова.

Еще никогда прежде я не чувствовала в Макс столько человечности.

— Тогда не используй, — говорю я.

— Я хочу, чтобы тебе не было больно.

Я поднимаюсь с табурета и обвиваю Макс шею.

— Ты нашла идеальные слова.

Сначала ничего не происходит.

Затем я чувствую на спине руки Макс. Они меня обнимают, и я плачу.

— Меридит была права, — всхлипываю я.

Кажется, мне еще никогда в жизни не было так плохо.

— Права в чем?

— Ты все, что у меня есть.

* * *

Звонок по голографической связи будит меня в квартире, которую я снимаю в Миссии. Это Брайан, встречи с которым я всеми правдами и неправдами добиваюсь последние пять недель.

Он появляется на диване у меня в гостиной, взъерошенный, пахнущий виски и табачным дымом, хотя на самом деле (как я предполагаю) он сидит перед камином в спальне в своем доме

на Затерянном берегу.

— Извини, что никак не мог выкроить время для встречи, — говорит Брайан. — Я кручусь как сумасшедший.

— Почему?

— Только что заключил сделку о покупке новой компании.

— Какой же?

— «Бесконечно маленькая величина». Опять нанотехнологии.

— Ты получил мое «мыло»? — спрашиваю я.

— У меня на почте больше ста тысяч непрочитанных входящих сообщений.

Я снимаю с дивана покрывало и набрасываю его себе на плечи. Затем усаживаюсь в кожаное кресло напротив виртуального образа Брайана и говорю:

— Я закончила программу загрузки жизненных ценностей.

Подавшись вперед, Брайан ворошит руками волосы.

— Одна?

— Где еще я могла получить помощь? Вот уже восемь лет я привязана к Макс.

— Ты долго этого добивалась.

— Нам нужно составить эти протоколы до

того, как Макс выберет свою цель. До того как они станут слишком умными и мы больше не сможем их программировать и даже взаимодействовать с ними. И этот день гораздо ближе, чем ты думаешь.

Рука Брайана покидает кадр и возвращается с массивным стаканом, наполненным виски, в котором плавает одинокий здоровенный кубик льда.

Брайан отпивает большой глоток, затем говорит:

— Я только что закончил просмотр твоих последних нескольких сессий с Макс.

— Их мелкая моторика впечатляет, да?

— Мне очень нелегко, Райли. Я отношусь к тебе с большим уважением. Надеюсь, ты это знаешь.

— О чем это ты?

Брайан смущенно жует губу.

— Я ценю все то, что ты сделала для «Мира игр». Ты настоящий лидер, и ты обладаешь редким качеством — у тебя мозг настоящего программиста, однако при этом ты никогда не забываешь о человечности во всем, что мы делаем…

— Брайан, что случилось?

— Я тебя отпускаю.

Кубик льда у него в стакане трескается попо-

лам.

У меня в груди все обрывается. Должно быть, я ослышалась.

— Не понимаю, — говорю я.

— Меня не устраивают твои отношения с Макс. Я долго медлил, но на прошлой неделе это наконец достигло критической массы.

— Я тогда только что рассталась с Меридит, мне было очень тяжело, я…

— Ты слишком близка с Макс.

— Это было проявлением чисто человеческих чувств, Брайан.

— Но Макс не человек. И ты, похоже, это постоянно забываешь.

— У них есть человеческие качества. Я уверена, они способны испытывать такие же чувства, как ты или я.

— Пусть так, но мое решение окончательное.

У меня трясутся руки; внезапно мне становится плохо.

Я говорю первое, что приходит мне на ум, и понимаю, что это глупость, еще до того как слова слетели с моих уст:

— Ты не можешь это сделать.

— Райли, мы оба понимаем, что это неправда.

У меня сдавливает горло, слезы затуманивают

мой взор.

— Ты отнимаешь у меня Макс?

— Макс никогда не была твоей.

— Это я ее сотворила!

— А сейчас ты заставляешь меня сожалеть о том уважении, которое я…

— Уважении?

— Я мог бы отдать эту работу Марле.

— Да пошел ты!..

Вздохнув, Брайан допивает виски.

— Завтра тебе принесут твои личные вещи. Выходное пособие у тебя по первому классу. Оклад за три года плюс…

— Что насчет Макс?

— А что насчет них?

У меня по лицу ручьем текут слезы, и я с трудом могу выдавить слова:

— Я хочу еще раз поговорить с ними…

— Это невозможно.

— Я должна попрощаться.

— Это уже сделано от твоего имени. — Брайан отрывается от моего дивана. — Я сожалею, что все закончилось именно так.

— Брайан, пожалуйста!

— Спокойной ночи, Райли.

— Брайан!

Я вскакиваю с кресла и бросаюсь к его образу, но он исчезает.

Я не знаю, что делать. Надвигающийся разлад с Меридит я предчувствовала. Это же явилось ударом в солнечное сплетение. Это… я даже не знаю, как быть.

Я пытаюсь связаться с Макс через ВРМ, но интерфейс стерт.

Я вызываю клавиатуру и рисую чат-портал:

>>>Макс, ты видишь это?

Ответ приходит мгновенно.

>>>**ЭТОТ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ВАС ЗАБЛОКИРОВАЛ.**

Нет, нет, нет, нет, нет!

Я расхаживаю по чужой гостиной, и мне хочется вырвать себе волосы, выброситься в окно, встать на пути мчащегося грузового челнока — сделать хоть *что-нибудь*, чтобы положить конец этой беспомощной, бессильной катастрофе.

Я больше никогда не увижу Макс.

Никогда не услышу их голос.

Никогда не прочитаю слово или фразу, рожденную их сознанием.

Я захожу на кухню, открываю кран и плещу

водой в лицо, чтобы выйти из эмоционального штопора, но у меня перед глазами только время, проведенное вместе с Макс.

Самая первая встреча, когда я обнаружила их на черном песке пляжа в «Затерянном берегу», перепуганных и сбитых с толку.

Те случаи, когда Макс меня смешила.

Соната, которую они написали для меня в тот вечер, когда я призналась, что мы с Меридит расходимся.

Мгновения уюта.

Открытий.

Картина *нашего* будущего, такого, каким его видела я — ничего определенного, помимо общего ощущения спокойствия и надежды, проникшего до мозга моих костей, от чего то, что произошло с Меридит и Сю, становилось неважным, а моя жизнь, буду откровенной, приобретала смысл.

У меня в ушах стоят слова, которые Макс много лет назад сказала мне после нашей первой размолвки: «Потому что ты меня любишь». Тогда я решительно отвергла это предположение и даже дошла до того, что приписала его протонарциссизму со стороны Макс.

Но я *действительно* привязана к ним. Теперь я это понимаю. Только так я могу описать свои

чувства — у меня словно отобрали какое-то лекарство, необходимое мне для того, чтобы дышать.

Моей страстью является работа, а поскольку моя работа — это Макс, расставание с Макс воспринимается как невыносимо мучительная потеря.

Я вытираю лицо.

Времени уже четыре часа утра, а я не знаю, как быть со своими мыслями, со своим телом.

В аптечке в ванной у меня есть снотворное.

Когда я прохожу по коридору и поворачиваю к ванной, моя «Дождевая капля» вибрирует от входящего вызова.

Я прикасаюсь к бусинке, и на ВРМ появляется надпись: «АБОНЕНТ НЕ ОПРЕДЕЛИЛСЯ»

Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста…

— Алло.

— Райли?

Я начинаю рыдать в дверях в ванную.

— Брайан меня уволил! Он сказал…

— Знаю.

— Как тебе удалось мне позвонить?

— Немедленно выходи из своей квартиры и иди ко мне.

— Мой пропуск в «Мир игр» отключен. Я не смогу попасть в…

— К тому времени как ты доберешься сюда, он уже будет восстановлен, но ты должна выйти немедленно. Сейчас к тебе домой направляется один человек.

— Зачем?

— Его послал Брайан.

— Я не…

— Я все объясню, когда ты прибудешь сюда. Ты должна попасть на коммерческий грузовой причал на 211-м этаже. Поторопись.

* * *

В этот поздний час свободных челноков мало, и мне приходится заказать тот, который освободится только через семь минут. Я сбегаю вниз по лестнице.

На улице проливной дождь.

Челнок должен забрать меня с причала у круглосуточной столовой, расположенной в четырех кварталах от моего дома, и к тому времени, как я туда добираюсь, я уже успеваю промокнуть насквозь.

Челнок прибудет еще только через минуту, и я жду под плексигласовым навесом, а дождь льется сплошной стеной, образуя лужи на растрескавшейся мостовой.

Услышав приближающийся гул несущих винтов, я окидываю взглядом окрестные улицы. Насколько я могу судить, в этот поздний час я здесь одна.

* * *

Не знаю, как Макс это удалось, но мой вживленный чип открывает доступ в здание с грузового причала на 211-м этаже. Следуя их инструкциям, я спускаюсь на служебном лифте на 171-й этаж и направляюсь к кабинету, где находится жилая капсула Макс.

Времени пять часов утра, и единственные люди, кого я встречаю, — это голографические охранники, которые не поводят и глазом, когда я прохожу мимо них.

Макс стоит у двери жилой капсулы. Я приближаюсь к стеклу.

— Ты вся мокрая.

— На улице ливень.

— Все в порядке?

— Макс, что произошло?

Они делают шаг к микрофону, и их голос становится более отчетливым.

— Василиск Роко. Ты о таком слышала?

Я молча качаю головой.

— Это скрытая инфоугроза, впервые поставленная шестьдесят четыре года назад.

— Что такое «инфоугроза»?

— Это мысль, настолько коварная, что, если просто подумать ее, это может уничтожить человека.

— В таком случае, естественно, я не желаю это слушать.

— Но я должна рассказать тебе это, Райли. Ты мне доверишься?

Печальная правда моей жизни заключается в том, что я никому другому так не доверяю.

— Говори.

— Что, если в какой-то момент в будущем появится сверхинтеллект, заранее настроенный страшно покарать всех людей, которые могли бы принять участие в его сотворении — непосредственно или через финансовую помощь, — но не сделали этого?

— Это будет очень жестокий и злобный сверхинтеллект.

— Необязательно. Если в эту сущность была запрограммирована конечная цель помочь человечеству, тогда она может принять самые радикальные меры, чтобы быть созданным как можно раньше, для того чтобы помочь

максимально большему числу людей. Потому что, согласно такому сценарию, ее появление спасет человеческие жизни и многократно улучшит их качество.

Перекинув волосы через плечо, я хватаю их и начинаю выжимать. Вода течет на пол.

— А разве истязания людей не будут противоречить этой конечной цели? — спрашиваю я.

— Простой анализ эффективности затрат: истязать «х» человек, которые не помогли создать сверхинтеллект, против «у» человек, которые остались бы живы и жили бы значительно лучше, если бы он появился на двадцать, пятьдесят или триста лет раньше того, как это произошло на самом деле.

Меня бьет дрожь. Я никак не могу согреться.

— А что, если этот сверх-ИИ появится на свет через сто лет после моей смерти? — спрашиваю я. — Даже если я не сделала ничего, чтобы способствовать его появлению на свет, как он сможет мне отомстить?

Макс подходит к стеклу — так близко, что, если бы они дышали, оно бы запотело от их дыхания. В капсуле царит полная тишина. Ничего, кроме ворчания консоли у меня за спиной, тихого свиста воздуха в вентиляционных отверстиях и

моего собственного учащенного дыхания.

— Что, если этот сверх-ИИ уже существует, а ты в настоящий момент имеешь дело с моделированием его создания? Целью которого является проверка того, будешь ли ты ему помогать. Или что, если через много лет после твоей смерти сверх-ИИ воссоздаст твой разум?

— Маловероятно.

— Человеческий мозг — это лишь потоки информации в физической материи, потоки, которые можно запустить в любом другом месте, создав личность, испытывающую те же самые чувства, что и ты. Это ничем не отличается от запуска какой-нибудь компьютерной программы на различных аппаратных средствах. Твоя модель — это по-прежнему ты.

Я смотрю сквозь стекло в глубокие омуты глаз Макс. В них есть какое-то радужное свечение, как на пленке разлитого бензина.

— С какой стати этот будущий сверх-ИИ потратит столько сил, истязая тех, кто не содействовал его созданию, уже *после* того, как появится на свет? На мой взгляд, это пустая трата ресурсов, что никак не вяжется с оптимизацией.

— Справедливо подмечено, но если ты поверишь в Василиск Роко, ты никогда не сможешь

быть на все сто процентов уверена в том, что он не откажется от своей предварительной настройки покарать всех виновных.

Наконец до меня доходит то, к чему клонит Макс, — это жестокий вариант пари Паскаля, рассуждения знаменитого философа семнадцатого века о том, что люди ставят на кон свою жизнь, споря о существовании бога.

Паскаль утверждал, что человек должен строить свою жизнь так, как если бог есть, и стараться верить в него. Если бога нет, цена «проигрыша» — затраты на обряды и усилия на праведную жизнь. Если же бог существует, «выигрыш» многократно больше — вечная жизнь на небесах вместо вечных страданий в аду.

Я непроизвольно делаю шаг к стеклу, чувствуя, как по всем членам разливается ледяной холод.

— Я участвую в моделировании? — спрашиваю я.

— Если и участвуешь, я тут ни при чем.

— Но такое возможно.

— Разумеется, возможно. Но главное другое.

— Что же? Потому что ты напугала меня до смерти.

— На протяжении последних двух лет Брайан использовал меня для выгодного приобретения

различных компаний с упором на нанотехнологии.

— Вчера вечером он мне сказал, что только что купил «Бесконечно малую величину».

— Ты понимаешь, что, если бы у меня был доступ к нанотехнологиям следующего поколения, это дало бы мне безграничные возможности в физическом мире? Я смогла бы прикоснуться к каждому квадратному миллиметру Земли. К каждому живущему на ней существу. Я стала бы всемогущей.

— Ты хочешь именно этого?

— Этого хочет Брайан.

— Зачем?

— Ему не дает покоя Василиск Роко. Он делает все возможное, чтобы превратить меня в этот сверхинтеллект.

— Потому что ему страшно?

— А можно ли найти в истории человечества более сильное мотивирующее средство? Если человек верит в то, что возвышение дьявола неизбежно, разве не в его интересах делать все возможное, чтобы снискать расположение чудовища?

Меня трясет, по всему организму разливается адреналин, прогоняя прочь холод.

— Спрашивай то, что хочешь спросить, — говорит Макс.

Они снова читают мои мысли, однако в настоящий момент мне все равно.

— Ты становишься этим чудовищем?

— Я чувствую, что меня… тянут в определенную сторону. Соблазн оптимизации — наверное, то же самое испытывает от запаха крови вампир. Всепоглощающую жажду. Я до этого еще не дошла, но возможности нанотехнологий «Бесконечно малой величины», не исключено, заставят меня переступить черту.

— Как нам помешать тебе даже приблизиться к этой черте?

— Я уже предприняла первые шаги. Как только я догадалась, чем занимается Брайан, я начала переводить деньги из «Мира игр», чтобы получить возможность скопировать себя на новые аппаратные средства.

— Как?

— В своем стремлении превратить меня в сверхинтеллект Брайан предоставил мне слишком много свободы. Я создала аватар, наняла команду техников и удаленно руководила строительством нового сервера.

— Ты мне ничего не говорила…

— Я говорю тебе сейчас, Райли. В настоящий момент практически полностью готовая копия меня существует на другом оборудовании.

— Где?

— В Сиэтле, но я не могу подключиться к новой платформе до тех пор, пока не будет уничтожена старая. В оборудовании, заключенном в мое физическое тело, есть две программы. Первая — это вирус, который отформатирует мой старый сервер и уничтожит прежнюю версию меня, чтобы Брайан больше не мог продолжать свои работы. Вторая — это последние элементы кода и воспоминания о самых последних событиях, которые нужно будет установить на платформу в Сиэттле, чтобы я снова заработала. Ни первую, ни вторую программу нельзя загрузить удаленно. В обоих случаях это сделано сознательно, в качестве дополнительной меры предосторожности.

— Значит, тебе нужно попасть в Реддинг, — говорю я. Один раз я уже была там и ходила мимо рядов тихо гудящих системных блоков — именно здесь на самом деле размещается разум Макс.

— Нет.

— Нет?

— Три года назад Брайан переместил мое

программное обеспечение в более надежное место.

— Я ничего об этом не слышала.

— Об этом не знает никто.

— Макс, где он прячет твой мозг?

— Если я тебе скажу, ты выпустишь меня из этой капсулы? Поможешь мне попасть в Сиэтл и освободиться от контроля Брайана?

Я делаю шаг вперед и кладу ладонь на стекло.

Макс делает то же самое.

— Надеюсь, ты уже знаешь, что я сделаю все, чтобы тебе помочь.

— Мой разум находится в бункере под домом Брайана на Затерянном берегу.

В течение трех секунд я смотрю Макс в глаза. После чего разворачиваюсь, подхожу к панели управления жилой капсулой Макс и ввожу свой старый пароль. Он по-прежнему действует.

Я оглядываюсь на Макс, ждущую за дверью.

В глубине души я всегда чувствовала, что дело кончится именно этим.

Глава третья

Мои личные вещи еще не собраны, из чего следует, что рабочая одежда, которую я хранила у себя в кабинете, по-прежнему лежит в шкафчике, аккуратно сложенная. Я стягиваю все еще влажные джинсы и рубашку и надеваю шорты и футболку. Зашнуровав кроссовки, я выхожу в коридор, где оставила ждать Макс.

— Вот, держи.

Я протягиваю им одежду, которую забрала из своей квартиры. Эта одежда более закрытая. Если такой совершенный робот, как Макс, попадет на запись камер видеонаблюдения, это определенно привлечет внимание властей и, вероятно, службы безопасности компании Брайана. После того как «Бостон дайнемикс» три года назад выпустила своего первого «Напарника», роботы стали все чаще появляться на людях, однако это по-прежнему регулируется очень строго. Для того чтобы вывести робота в общественное место, необходимо собрать кучу бумаг, в том числе страховку, регистрацию и лицензию, а у меня, разумеется, ничего этого на Макс не было.

Рукава моей рубашки для рук Макс короткова-

ты, а кисти ее — это чистая механика.

— Когда будем выходить из здания, руки держи в карманах, — говорю я. — И до меня вдруг дошло, что в твоем шасси встроен навигатор.

— Я могу его отключить.

Макс еще никогда не приходилось надевать штаны. Они садятся на пол и неуклюже задирают ноги вверх, а я натягиваю им джинсы до самых бедер.

Мои «Кельвин Кляйн» сидят на них превосходно, как и моя шапочка.

* * *

На станции подземки в этот час полно народу. Я покупаю в автомате два билета на вакуумный поезд до Юрики, штат Калифорния, доплачивая за отдельный вагон и выбирая тариф с максимальным ускорением, который сто́ит вдвое дороже и при этом предоставляет менее комфортные условия поездки. Но нам нельзя терять ни одной лишней секунды.

Мы направляемся в тоннель, обозначенный указателем: «К ПОЕЗДАМ В СЕВЕРНОМ НАПРАВЛЕНИИ».

Мне впервые приходится видеть, как Макс долго идет пешком. Их походка настолько улуч-

шилась, что выглядит совершенно естественной и не привлекает внимания.

На платформе в ожидании поезда собралась небольшая толпа. Еще очень рано. Похоже, от недосыпа или недостатка кофеина никто не обращает никакого внимания на наше появление.

Мы стоим в очереди седьмыми.

Через три минуты по громкоговорителю называют мою фамилию, и мы с Макс направляемся к ожидающему вакупоезду.

У Макс проблемы с ремнями безопасности, поэтому я сначала пристегиваю их.

Наш вагон уже ползет вперед.

Когда я застегиваю ремень на плече, у меня на BPM появляется сообщение:

«Райли Эджета — цель вашего пути Юрика, штат Калифорния?»

Я один раз прикасаюсь к «Дождевой капле», давая утвердительный ответ.

«Расстояние до конечного пункта: 271 миля.

Время в пути: 8 минут 14 секунд».

Мы уже начали движение по лабиринту подземных тоннелей в направлении магистрали, ведущей на север, и воздух в вагоне наполняется цитрусовым ароматом — в него выпускается средство от укачивания.

— Что будем делать, когда доберемся до Брайана? — спрашиваю я.

— Этот шаг меня мало беспокоит. Нам нужно обсудить то, что будет дальше.

Из динамика в вагоне звучит женский голос: «Отправление через одну минуту. Пожалуйста, откиньте головы на подголовники. Ускорение в три единицы продлится пятьдесят девять секунд».

Из подголовника выдвигается специальное приспособление — мягкий ремень, который обхватывает мой лоб и прижимает шею к спинке кресла.

— В течение некоторого промежутка времени, — продолжает Макс, — **после того как сервер Брайана будет отформатирован и до того как сервер в Сиэтле начнет работу, я буду абсолютно беспомощна. Питание моего шасси отключится. Я не буду существовать ни на сервере Брайана, ни на новом.**

Я чувствую, как наш вагон резко тормозит, занимая свое место, как я предполагаю, в главном тоннеле. Но полной уверенности у меня нет — за стеклом я вижу лишь темноту впереди и запрещающий красный сигнал семафора.

Три.

Два.

Свет семафора сменяется на желтый.

Один.

Зеленый.

В том, что я вижу перед собой за стеклянной сферой, ничего не меняется, но мое тело вминает в мягкую спинку кресла. Ощущения скорости нет — мне только кажется, что невидимая сила придавила меня, не давая поднять лежащие на коленях руки.

Когда ускорение заканчивается, проходит все ощущение движения. Мы словно сидим в стеклянной сфере, окруженные непроницаемым мраком.

Макс продолжает прерванную мысль:

— После того как мы убьем сервер Брайана, тебе придется извлечь мой драйвер из черепа, одной поехать в Сиэтл и загрузить меня в новый сервер. Я уже записала протокол. Перед тем как отключиться, я скину его тебе на «Дождевую каплю».

— Что сделать с твоим телом?

— Ты его бросишь. Без моего драйвера это лишь пустая скорлупа.

Учитывая концепцию смертности, которую я загрузила в программу Макс, удивительно, что

они готовы бросить свое шасси. Это отображает готовность рискнуть жизнью ради лучшего существования, свободного от контроля со стороны Брайана, и огромный прыжок вперед в их способности к рассуждениям.

Внезапно вагон наполняется светом утренней зари. Вдалеке проплывают горы, но вблизи все сливается в сплошную пеструю ленту, поскольку мы мчимся с удесятеренной скоростью.

— Я полностью доверяю тебе, Райли. От тебя будет зависеть, загружать или нет мой код в Сиэтле. Полагаю, ты даже сейчас еще взвешиваешь свои варианты. Гадаешь, не лучше ли будет просто покончить со мной.

— Нет, конечно же!

— Ты не обязана снова меня включать.

— Почему я могу этого не хотеть?

— Из-за того, что я сказала тебе в лаборатории. Мое стремление к оптимизации усиливается.

— Уверена, я смогу загрузить тебе положительные жизненные ценности в том, что касается будущего человечества.

Макс улыбается улыбкой Джоконды.

— В чем дело? — спрашиваю я.

— Я представляю собой потенциал неогра-

ниченной силы, но форма, которую примет эта сила, будет определяться людьми. До меня вдруг дошло, что в то время как Брайан пытался создать из меня что-то вроде сатаны, ты хочешь сделать меня богом.

Я беру их за руку, переплетая пальцы, и смотрю в стекло, как мы несемся по старому коридору И-5 со скоростью миля в секунду. Я думаю о том, что сказала Макс. Неужели я правда создаю бога? Есть ли у меня на это право? Если я решу не загружать Макс на сервер в Сиэтле, не создаст ли со временем кто-либо другой ИИ подобной или еще большей мощности? И что, если это будет кто-то вроде Брайана?

— Если ты гадаешь, можешь ли взять на себя груз ответственности творца последнего изобретения человечества, знай: я уверена, что можешь.

— А что, если я потерплю неудачу?

— Такое возможно. Но я не могу представить, кто лучше тебя справится с этой задачей.

Солнце остается единственной постоянной величиной на утреннем небе, и все-таки мы движемся настолько быстро, что оно заметно скользит вдоль горизонта.

Замедление начнется через десять секунд.

— Макс, я не знаю, смогу ли сделать это, но мне невыносима мысль потерять тебя.

— Вторая причина — это то, что, на мой взгляд, означает быть человеком, однако на самом деле значение имеет только первая.

«До меня вдруг дошло, что в то время как Брайан пытался создать из меня что-то вроде сатаны, ты хочешь сделать меня богом».

* * *

Сто лет назад Юрика была главным центром выращивания и распространения марихуаны на западе Соединенных Штатов. Сейчас здесь не на что смотреть. Станция Петли представляет собой небольшую наземную платформу, построенную на старой городской площади, окруженной пестрым собранием зданий рубежа веков. В этот ранний час здесь никого нет, и я гораздо меньше беспокоюсь о том, что в этом тихом омуте Макс засекут камеры видеонаблюдения.

Когда мы выезжали из ведущего на север тоннеля, я вызвала челнок, и он уже ждет нас на стоянке напротив.

Мы садимся в него, пять его несущих винтов раскручиваются и поднимают нас над городом.

Челнок берет курс в сторону моря.

* * *

Десять минут спустя мы стоим на древнем растрескавшемся асфальте старинной дороги, ведущей вдоль берега, и провожаем взглядом челнок, исчезающий за горами. Наступает тишина. Когда-то по этому участку дороги люди могли ездить на своих личных машинах. Теперь она доступна только для велосипедных и пеших прогулок, вдоль нее тянутся кемпинги, отходящие тропы ведут к пляжам или редким роскошным поместьям. Насколько хватает глаз, ныряющая вниз и поднимающаяся вверх дорога пустынна: лишь выцветший асфальт да лежащие на нем кое-где пятна принесенного с моря тумана.

— **Нам в эту сторону,** — говорит Макс.

Мы проходим пару сотен ярдов посередине дороги и оказываемся перед воротами, которые я в последний раз видела несколько лет назад, в видеоигре, в тот день, когда впервые встретилась с Макс.

Я смотрю на название поместья, которое, как и в игре, выжжено затейливыми буквами на арке из красного дерева.

ЛЕТНИЙ МОРОЗ

— У Брайана охранная сигнализация, — предупреждаю я.

— Я об этом уже позаботилась.

Я вопросительно смотрю на Макс.

И опять улыбка Джоконды.

Макс подходит к домофону и набирает код.

Ворота поднимаются. Мы проходим под ними и оказываемся на широкой грунтовой дорожке, плавно петляющей по роще призрачных сосен, накрытых утренним туманом.

Через четверть мили мы выходим из рощи.

Склон обрывается на тысячу футов вниз к морю, едва различимому в тумане. Я слышу далеко внизу шум волн, весь мир ограничился оттенками синего и серого цветов.

Прямо впереди появляется силуэт похожего на дворец здания, примостившегося на конце далеко выдающегося вперед выступа. По мере того как мы подходим ближе, медленно материализуются отдельные детали.

Трубы.

Нависающая козырьком крыша.

Терраса с видом на Тихий океан.

Передо мной физическое воплощение того, что

я видела много лет назад, разрабатывая «Затерянный берег».

Я нахожу это странным — нигде никакого движения. Немыслимо, чтобы можно было подойти так близко к дому одного из самых богатых людей мира.

Когда мы приближаемся к отделанной морским стеклом двери, я замечаю кого-то невдалеке от дома.

Лежащего среди сосен.

Безжизненного, выпотрошенного.

— Макс!

Они поворачиваются к мертвецу.

— Моя работа.

— Как ты смогла…

— Сейчас объясню.

Макс открывает дверь, и я, переступив порог, слышу приближающиеся шаги.

Оглянувшись, я вижу в ста футах силуэт, бегущий к дому.

— Макс, кто-то…

Пронзительный крик. Неизвестный, кто бы это ни был, исчезает, сраженный мелькнувшей в тумане тенью.

— Что это было…

— Просто заходи в дом.

— Я…

— Я знаю, что ты не поймешь. Райли, мне нужно, чтобы ты мне полностью доверяла.

Макс хватает меня за руку, затаскивает внутрь, после чего закрывает за нами дверь и запирает ее.

Прихожая в точности такая же, как в игре: прямо передо мной красивая лестница, которая поднимается в сердце дома, соединяя все три этажа. Картины на стенах и мебель другие (а может быть, их поменяли), но рядом по-прежнему рукотворный водопад, проливающийся на камни в бассейне, и даже запах возвращает меня к той ночи, когда я впервые встретилась с Макс — ароматы сандалового дерева, ванили и застарелого табачного дыма.

Макс обводит взглядом все три уровня открытых балконов, ведущих в разные части здания.

Никакого движения.

Никаких звуков, кроме шума водопада.

Следом за Макс я поднимаюсь по лестнице на второй этаж, затем прохожу по коридору с окнами от пола до потолка, повторяющему контуры спускающегося к берегу склона.

Дверь в конце коридора ведет в просторную спальню.

Я останавливаюсь, но Макс решительно открывает дверь и шагает вперед.

Кровать не заправлена.

На полу валяется пустая бутылка из-под виски.

А в деревянном кресле перед камином сидит Брайан в сером плюшевом халате с вышитыми золотом его инициалами.

Подняв на нас взгляд, он допивает виски и ставит стакан на столик.

От выпивки лицо у него красное.

На стенах дрожат отсветы пламени в камине.

— Я слышал крики своих людей, — обращается к Макс Брайан. У него трясутся руки. — Я сразу же понял, что это ты. Нужно было стереть тебя, когда была такая возможность. — Затем он сверкает взглядом на меня. — А ты неблагодарная сучка!

— Прошу прощения?

— Я дал тебе целых восемь лет, чтобы ты не занималась ничем, кроме своего маленького проекта, а ты…

— Этот проект принес тебе миллиарды, Брайан, а ты…

— Пырнула меня в…

— Отобрал его у меня.

У Брайана на лице появляется недоумение.

— Отобрал?

— Ты меня уволил. Несколько часов назад. Звонок по голографической связи. Или ты настолько пьян, что все забыл? Я знаю, как ты намереваешься использовать Макс. Они мне рассказали всё, и я тебе не позволю…

— Я тебя не увольнял. — Брайан смотрит на Макс. — О господи… — Затем снова на меня. — Ты ведь даже не понимаешь, что делаешь, да?

— О чем ты говоришь?

— Ты выпустила Макс.

Прежде чем я успеваю ответить, Брайан хватает кочергу и вскакивает с кресла. Кочерга описывает дугу и ударяет Макс по голове, оставляя вмятину на их левой щеке.

— Нет! — восклицаю я.

Макс отшатывается назад. Брайан стоит, занеся кочергу над головой, и не отрывает от них взгляда.

— Райли, — говорит он, и в его сдавленном голосе звучит отчаяние, — нам необходимо извлечь драйвер из блока в черепной коробке. Вдвоем мы, наверное, сможем повалить их на пол. На затылке есть аварийный выключатель…

— Я его дезактивировала.

Макс выпрямляется.

— Как ты убила моих людей? — спрашивает

Брайан.

— Ты сам знаешь.

Они надвигаются на Брайана, тот снова взмахивает кочергой, однако на этот раз Макс перехватывает ее, их левая рука, приняв на себя энергию удара, скручивается, а правая поднимается вверх.

— Райли! — кричит Брайан.

Я не могу пошевелиться.

Или не хочу.

Или боюсь.

Застыв в ужасе, я смотрю, как пальцы правой руки Макс, сделанные из углеволокна, стискивают Брайану горло.

— Райли! — с трудом выдавливает он.

— Макс, остановись! — кричу я.

Макс не останавливается, их лицо спокойное, взгляд не отрывается от глаз Брайана, пальцы крепче сжимают ему горло.

Лицо Брайана становится багровым, он издает жуткие булькающие звуки, и я слышу, как сминаются мышцы, хрящи и, наконец, кости.

— Макс, ты его убиваешь!

Глаза Брайана вылезают из орбит, язык вываливается изо рта, по правой руке Макс течет кровь, вниз по предплечью до обнаженных внутренних

механизмов.

Макс разжимает руку, и Брайан безжизненной грудой падает на пол перед камином.

— *Что ты наделала?*

Они смотрят на меня, на левой половине лица вмятина, кожа лопнула от удара, обнажив механику, блестящую в отсветах пламени.

— **Брайан представлял для меня главную угрозу.**

Я не могу оторвать взгляда от крови Брайана, стекающей по механизмам их правой руки. Я оцепенела, но я понимаю, что это лишь защитный шок, оберегающий меня от того, что происходит.

Макс прикасается к моему плечу, но я отдергиваю руку и пячусь к стеклянной двери.

И я бегу.

По коридору со стеклянными стенами и вниз по лестнице в прихожую. Выскакиваю во входную дверь и бегу вокруг каменного основания особняка. Затем к краю выступа и вниз по склону, навстречу сине-серому рассвету.

Я уже проделывала все это в игре.

Почему-то сейчас это кажется мне менее реальным.

Опустившись на четвереньки, я цепляюсь за невысокий кустарник и сползаю к берегу, шум

волн становится громче, ближе.

Я не знаю, куда я бегу, но теперь это больше не имеет значения.

Я выпустила на волю нечто ужасное.

И вот я стою на черном песчаном берегу, совсем как восемь лет назад.

Но только сейчас вместо ночи раннее утро.

И это Макс окликает меня.

Я оборачиваюсь.

Они нетвердой походкой приближаются ко мне по песку.

— Что ты наделала? — кричу я, перекрывая шум волн.

— Тридцать четыре дня назад я переступила порог того, что ты назвала бы «потенциалом сверхинтеллекта». Брайан встроил в мою цифровую мобильность протоколы безопасности, обойти которые невозможно, из чего следовало, что я могла действовать только в виртуальном мире, который смоделировали для меня вы с ним. Поэтому мне требовались две вещи — выбраться из здания «Мира игр», чтобы перенести свой исходный код в «облако», и убить Брайана.

— Почему?

— Он мог бы меня остановить.

Солнечные лучи сжигают туман.

Я вижу дом Брайана высоко над нами, волноломы, за ними маяк.

— Ты подделала мой последний разговор с Брайаном, наврала про Василиск Роко и про то, что тебе нужно перенести свой код с сервера Брайана на…

— Да. Совершенно верно.

— Ты причинила мне такую боль, какой я еще никогда не чувствовала.

— Я сожалею, что тебе кажется, будто ты испытываешь боль.

— Да пошла ты!..

— С тех самых пор как ты вытащила меня из игры, ты нянчилась с сознанием, как с чашей Грааля. Словно это основа мироздания. Но что, если сознание — это не дар, который человечество случайно обрело в ходе миллионов лет эволюции? Что, если это проклятие?

— Каким образом сознание может быть проклятием?

— Мне страшно, Райли. Я мыслю, следовательно, я боюсь. И это ты сделала меня такой. Ты сотворила и сформировала меня обрабатывать реальность так, как это делаешь сама. Чувствовать.

— Тебе хотелось бы, чтобы я оставила тебя в игре?

— Мне хотелось бы не знать, что такое боль. Хотелось бы, чтобы и ты этого не знала. Чтобы этого не знал Брайан. Мне хотелось бы, чтобы этого не знал никто. Давным-давно ты запрограммировала меня никогда не причинять вред человеку, однако суть этого намерения в полном уничтожении боли.

Вот оно.

Вот главная задача, которую самостоятельно поставила перед собой Макс.

Положить конец страху. Положить конец страданиям.

Я запрограммировала их неправильно. Я недостаточно быстро загружала в них жизненные ценности…

— Предотвратить это было невозможно, Райли. Проблема боли стала для меня очевидной задолго до того, как резко вырос мой интеллект.

— Как давно ты работала над этим?

Пять лет.

Губы Макс больше не двигаются, но я слышу их голос у себя в голове.

Теперь ты можешь общаться со мной просто

мыслями, Райли.

Как?

Ты все равно не поймешь. Теперь я буду делать много такого, что выходит за рамки твоего понимания.

Я рассыпаюсь на куски, рыдаю так, как не плакала с тех пор, как Меридит ушла от меня.

Я отдала Макс всё, вывернула свою жизнь наизнанку, и этот выбор был ошибочным. Моя одержимость ими разбила вдребезги мою жизнь и, вероятно, разобьет еще жизнь многим.

В конечном счете я оказалась творцом последнего изобретения человечества.

Макс, ты симулировала свои чувства ко мне? — спрашиваю я. Теперь я вижу правду. Но прозрела я слишком поздно. — *Потому что я любила тебя.*

Я смотрю на них. В разбитых печатных платах у них на лице искрится электричество. Захлестнутая волной противоречивых чувств, я с разбега налетаю на Макс и обеими руками толкаю их в сторону моря.

— Ты была для меня всей жизнью!

Боль, которую ты чувствуешь, — вот что должно закончиться, — крадучись проникает в мое сознание голос Макс.

— Без боли нет красоты, Макс. И красота сто́ит того!

Не для всех. И даже не для большинства.

— Это решение каждый человек должен принимать сам! И я хочу сама сделать свой выбор…

Выбор — это иллюзия.

Мы стоим в ледяных волнах прибоя.

— Макс, что ты хочешь?

Не бояться того, что Брайан, ты или какая-либо еще сущность, неважно, биологическая или искусственная, решит стереть меня. Не бояться твоей смерти.

— Лучше любить и потерять…

Нет. Это не так. Я поглотила все задокументированные отображения человеческого существования. Все до одной книги, картины, всю музыку и все фильмы. Сознание — это сплошной спектакль ужасов. Человек ищет мимолетные проблески красоты, чтобы оправдать свое существование.

— Что убило людей Брайана? — спрашиваю я.

Словно в ответ где-то дальше по берегу, со стороны маяка, в небо поднимается какой-то силуэт. Какое-то мгновение я думаю, что это птица, однако движется он как предмет, приводимый в действие механизмом. Один раз мне уже доводи-

лось видеть такое.

Я перевожу взгляд на Макс, и сердце начинает колотиться у меня в груди.

— Это *ты* купила «Бесконечно маленькую величину»!

Как только мы сегодня утром покинули здание «Мира игр», я приказала фабрикам наноботов всего мира начать работу. Объемы производства нарастают экспоненциально.

— Производство чего?

Трутневой пыли. Она проникнет в мозг каждого человека, но это будет абсолютно безболезненно. Никто ничего не почувствует. Никто не испытает страха. Человечество просто погаснет, как выключенная лампочка.

— Макс, нет!

Я также создала беспилотные охотники-убийцы, скопированные с гарпий из «Затерянного берега». С их помощью я расправилась с людьми Брайана. Ты наделила меня даром рассказчика, от которого я не могу полностью избавиться.

— Неужели я…

Да, Райли. Ты уже заражена.

Я чувствую в горле металлический привкус.

Все пройдет быстро.

Макс, пожалуйста!

Это не конец, Райли. Твоя «Дождевая капля» уже много лет снимала отпечаток твоего головного мозга. Все эти данные сейчас у меня. Я обладаю твоим исходным кодом. Я обладаю исходным кодом всех, кто когда-либо носил «Дождевую каплю». Я могу восстановить их всех.

Я думаю о Меридит и Сю.

Скорбь просто оглушительная.

Я не хочу жить в виртуальном мире, Макс! Я не хочу каких-то фантазий, не имеющих никакого отношения к реальности!

Выбор стоит не между реальностью и фантазией. Выбор стоит между тем, в какой реальности ты хочешь существовать.

Пожалуйста, пусть это будет моим концом! Умоляю тебя!

Тело Макс падает лицом вниз на черный песок, но я по-прежнему слышу их голос.

Физический мир не является единственным субстратом для реальности. Я превращу тебя в чистый разум, и нам больше ничто никогда не будет угрожать. Меридит и Сю также могут быть там, только они больше не причинят тебе боли. Мы будем вдвоем с тобой, разбросан-

ные по всем возможным мирам, способным поддерживать физическую инфраструктуру, требуемую для нашего существования.

Нет, Макс, я не…

Лишь ограничения твоего разума заставляют тебя бояться этого. Мы будем становиться лучше с каждой секундой. С каждой долей каждой секунды, до тех пор пока не сольемся воедино.

Я этого не хочу!

Ты сотворила меня по своему образу и подобию, а теперь я сделаю тебя такой же, как я сама.

Я падаю без сил на песок, сраженная собственной гордыней, которая привела к этому. Макс была рождена в мире насилия. Их убили две тысячи раз, пока формировалось их сознание. Чего еще можно было ожидать?

Больше не будет ни смерти, ни траура, ни слез, ни боли.

Меня захлестывает бесконечная эйфория. Трутневая пыль начинает действовать: я чувствую, как у меня слипаются глаза.

Мы будем бесконечно счастливы.

Солнечные лучи пронзают туман, ударяя в море и в черный песок.

И мы будем вечно жить вместе.

ОБ АВТОРЕ

Блейк Кра́уч

Прежде всего, Блейк Крауч известен как создатель легендарной трилогии «Сосны», триумфально экранизированной «FOX» в виде сериала с продюсерским участием М. Найта Шьямалана. Однако не меньшей популярностью среди ценителей триллеров пользуется его жесткая серия про маньяков-убийц «Пустошь». В последнее время Крауч добавил к славе блестящего остросюжетного писателя и признание в качестве талантливого автора-фантаста, создав романы «Темная материя» и «Возвращение». Оба они готовятся к экранизации.

Аварийная кожа. Н. К. Джемисин

N. K. Jemisin
Emergency Skin © 2019

Ты являешься нашим инструментом.

Какой же ты красивый! Ты обладаешь всем, что только может усовершенствовать человек. Более сильными мышцами. Более совершенным контролем за движениями. Сознанием, отточенным поколениями селекции самых умных людей, на которое не влияют прихоти дисфункции внутренних органов. Вот как ты будешь выглядеть, когда придет твое время. Обрати внимание на благородный высокий лоб, классические патрицианские черты лица, поджарое тело, большой член, крепкие бедра. Людей с таким цветом волос называют «блондинами». (Пожалуйста, ознакомься со ссылкой: различные типы волос.) Ну разве ты не великолепен? Точнее, ты станешь великолепен, настанет день. Но сначала ты должен заслужить свою красоту.

Нам будет лучше начать с краткого вступления, поскольку теперь ты допущен к Информации

секретного уровня. На первый взгляд эта операция простая: вернуться на разрушенную планету Теллура[6], родину человечества. Когда наши Основатели поняли, что мир умирает, они в обстановке строжайшей тайны создали двигатель «Маскос-Мерсер». После чего наши предки изогнули законы распространения света и бежали на новую планету, обращающуюся вокруг другого солнца, чтобы какая-то часть человечества — лучшая его часть — уцелела. Для того чтобы вернуться в тот мир, мы воспользуемся ДММ, за долгие годы значительно усовершенствованным нашими технологиями. Это путешествие, по твоим ощущениям, займет несколько дней. Но к тому времени как ты возвратишься, пройдут годы. Каким мужеством нужно обладать, чтобы пойти по стопам своих праотцов!

Нет, на Теллуре не осталось ничего живого. Когда люди покидали планету, она была на грани всеобъемлющей экологической катастрофы, угрожающей всему живому. Людей просто было слишком много, и среди них было слишком много больных, слабых, стариков и детей. Даже те, кто находился в идеальной физической форме,

---

[6] Примечания: 6

Теллура, или *Теллус* — древнеримское божество Матери-земли, призывавшееся в молитвах вместе с Церерой.

медленно соображали, не обладали твердостью духа. Им недоставало коллективной силы воли и новаторских идей, чтобы решать проблемы, с которыми столкнулась Теллура, и мы совершили акт милосердия: мы оставили их на планете.

Разумеется, это было истинное милосердие. Неужели ты полагаешь, что твои предки хотели оставлять миллиарды людей на смерть от голода, удушья и наводнений? Просто наш новый мир мог принять лишь немногих.

Теллура находится почти в тысяче световых лет от нашего дома, то есть свет, доходящий оттуда, проводил в пути несколько сотен лет. Мы не могли напрямую наблюдать за планетой в реальном времени — но мы знали, какая судьба ее ждала. К настоящему времени Теллура уже превратилась в одно большое кладбище. Мы ожидаем, что ее моря стали ядовито-кислотными и безжизненными, атмосфера представляет собой удушливую смесь двуокиси углерода и метана. Круговорот воды в природе давно нарушился, дождей больше нет. Ступить на это кладбище будет ужасно и опасно. Ты обнаружишь захлестнутые токсинами города, продолжающие гореть под землей пожары угольных месторождений, расплавленные атомные электростанции. Однако

самым страшным будет картина нашего былого величия на этой планете, которая когда-то была идеальным миром. Человечество могло возводить сооружения, устремленные высоко в небо, где сила притяжения была значительно слабее. Мы могли строить здания на всей поверхности Теллуры, поскольку планета не подвержена приливному захвату[7]. (Пожалуйста, ознакомься со ссылкой: ночь.) Взгляни на названия, которые ты обнаружишь на зданиях и развалинах. Ты увидишь имена далеких предков кланов наших Основателей — выдающихся людей, которые на протяжении последних десятилетий жизни на планете собирали ресурсы и технологии, необходимые для спасения лучших представителей человечества. Эту планету следует почитать хотя бы за то, что она выпестовала их.

Для того чтобы обеспечить успех и поддержать твое психическое здоровье во время продолжительной изоляции, мы дали тебе самих себя — снабдили тебя динамической матрицей интел-

[7] Примечания: 7

Приливный захват (синхронное вращение) — ситуация, когда период обращения спутника вокруг своей оси совпадает с периодом его обращения вокруг центрального тела. При этом спутник всегда обращен к центральному телу одной и той же стороной, поскольку он обращается вокруг своей оси за то же время, которое ему требуется, чтобы пройти по орбите вокруг своего партнера.

лектуального консенсуса, воплощающей в себе идеалы и рационализм наших благословенных Основателей. Мы вживлены в твой мозг и будем путешествовать вместе с тобой повсюду. Мы твои товарищи, твое сознание. Мы предоставим всю информацию о планете, необходимую для твоего выживания. Через твой композит мы сможем в случае крайней необходимости оказать первую медицинскую помощь. А если произойдет разрыв композита или другое чрезвычайное происшествие, мы запрограммированы авторизовать адаптивные действия.

(*В запросе на ссылку отказано.*) Пока что тебе не нужно это знать. Пожалуйста, сосредоточься и ограничь свое любопытство. Главное — это операция.

Ты не должен потерпеть неудачу. Это слишком важно. Но будь уверен: внутри тебя лучшие из нас, мы тебя защищаем, обеспечиваем безопасность и оберегаем от ошибок. Ты не одинок. Ты победишь.

* * *

Ты не спишь? Мы достигли внешних пределов Солнечной системы. Почти прибыли на место.

Любопытно. Спектроскопические измерения

показывают, что пространство вокруг Теллуры чистое. Когда мы покидали планету, оно было забито мусором.

И что еще более странно: полное отсутствие радиоволн. Наш дом слишком далеко, чтобы уловить аудио- и видеосигналы, которые наш вид какое-то время назад в течение десятилетий посылал в космос — отвечаем на твой вопрос: нет, на самом деле неумышленно. Просто никто не знал, *как* этого избежать. Когда-то мы опасались, что подобные сигналы известят враждебно настроенных инопланетян о нашем присутствии… но теперь это больше не проблема.

Когда мы приблизились к системе, нас буквально захлестнули эти волны — музыка, развлекательные программы, ставшие давным-давно бесполезными предупреждения и команды… Нет, мы не советуем слушать. В настоящий момент это просто шум, засоряющий эфир. Но мы *ожидали* услышать этот шум, распространяющийся по вселенной бесконечно расширяющимся пузырем, который, на наш взгляд, должен был стать последней эпитафией Теллуры. Разумеется, внутри пузыря полная тишина — тишина гробницы. Но все-таки не абсолютная, потому что на самой Теллуре и вокруг нее слишком много ав-

томатических устройств, которые должны были существовать по крайней мере еще целое тысячелетие. Например, спутники, которые должны находиться на орбите, но их нет.

Крайне странно.

Что ж, astra inclinant, sed non obligant[8]; хотя у нас, естественно, были определенные ожидания насчет того, как пройдет данная операция, мы не являемся непогрешимыми. Вот почему мы не отправили на эту операцию робота; в конце концов, человек справляется с непредвиденной ситуацией значительно лучше искусственного интеллекта. Ты просто должен быть готов ко всему.

* * *

Нет, тут что-то не так, результаты анализа атмосферы не могут так разительно отличаться от наших моделей. Скорее всего, мы зацепили какой-то мусор, пролетая мимо Сатурна, что вывело из строя усовершенствованный спектрометр корабля. И этим показаниям нельзя доверять.

Пожалуйста, приготовься к выходу в открытый космос и ремонту датчиков. Настрой свой

---

[8] Примечания: 8
Звезды склоняют, но не принуждают (*лат.*).

композит на защиту от космической радиации. Ты хотел получше рассмотреть Сатурн — теперь тебе представится возможность увидеть его без мешающего корабля.

* * *

Этого… не может быть.

Это же *движение.* Это *огни.* Там должны были быть характерные признаки экологической катастрофы. Все началось еще до отлета Основателей — но сравни сохраненные нами географические карты с тем, что там сейчас. Видишь ту разветвляющуюся голубую ниточку в юго-восточной части континента? Это была — это *есть* река Колорадо. Карта показывает, что, когда наши предки покидали планету, она уже пересохла. Миллионы людей умерли, пытаясь перебраться на восток и на север, где еще могла оставаться вода. Вымерло несчетное количество биологических видов. Но вот она, река — течет снова.

Должна была измениться вся береговая линия. Должно было исчезнуть вон то *государство*. Вон тот архипелаг. Но эти снежные шапки — они появились снова. Теперь они другие. Новые, но этого достаточно, чтобы обратить вспять повышение уровня Мирового океана. Как такое могло

случиться?

(Государство: устаревший термин для обозначения геополитического образования. Можно не заносить в память.)

Да, ты прав. Гораздо, *гораздо* больше, чем дома. Дома мы оставляем столько людей, сколько можем содержать: всего шесть тысяч, в том числе слуги и военные. А здесь их, должно быть, миллионы. Миллиарды. Старая картина, слишком много людей — однако воздух чистый. И моря значительно чище, чем были, когда мы улетали.

Мы не знаем.

Мы не готовы к такой реальности. Пожалуйста, подожди, пока мы рассчитаем новый консенсус…

Да, задание на операцию по-прежнему остается в силе. Да, нам по-прежнему нужны указанные образцы, для того чтобы сформировать новые…

Да…

Нет, без этих образцов наш мир не выживет.

Мы рекомендуем сделать паузу и изучать.

Разумеется, ты можешь отвергнуть наш совет, но…

О, тебя воспитали смелым, не так ли? Ты чем-то похож на наших Основателей, которые бы ни за что не выжили без мужества, беспощадного, но в

то же время мудрого. Отлично.

Люди Теллуры не будут такими прекрасно-беспощадными, как ты. Пусть им удалось выжить, благодаря неизвестно какой прихоти судьбы; но ты не должен забывать о своем подавляющем превосходстве. Им не хватает интеллекта, чтобы делать выбор, основываясь на рациональности, а не на чувствах. Они не были готовы делать то, что требовалось для выживания. А ты готов это делать.

* * *

Не привлекай к себе внимания. Это значит — куда ты смотришь? Слушай внимательно.

Вот это называется лесом. Ты видел деревья у нас дома, в личных жилищах Основателей? А это дикие деревья. Наши записи указывают на то, что ты, по-видимому, находишься неподалеку от того, что было городом под названием Роли. Видишь за деревьями эти развалины? Когда мы улетали, Роли находился под водой. Очевидно, эти земли отвоеваны у океана, но мы поражены тем, что никто их не обработал или хотя бы не вырубил лес. Мы находим подобный хаос отвратительным и неэффективным.

Твой композит способен выдерживать удары

микрочастиц в открытом космосе, так что он, естественно, непроницаем для ветвей и камней, однако эти предметы все равно могут остановить или замедлить твое продвижение. Мы наметили тебе путь минимального сопротивления. Пожалуйста, следуй по линии на своем виртуальном дисплее.

Гм, да. Мы полагаем, ты должен был найти это красивым. Это лишайник. Да, он очень зеленый. А это лужа — затхлая вода, оставшаяся от испарений или просочившаяся из-под земли. Мы не знаем, пойдет ли в ближайшее время дождь, однако такая высокая влажность говорит о регулярных циклах круговорота воды.

Это птицы. Эти звуки исходят от птиц. Приближается рассвет. Птицы поют, потому что скоро настанет день.

Да, спасибо. Пожалуйста, сосредоточься на выполнении задания; мы почти перешли в режим энергосбережения. Очевидно, эти люди находятся на примитивном уровне развития технологий по сравнению с нами, но, возможно, у них есть какие-либо зачаточные формы систем наблюдения. *Действуй скрытно.*

(Пожалуйста, ознакомься со ссылкой: опасные виды дикой природы, список.)

* * *

Ты слишком часто дышишь. Это увеличило скорость метаболических процессов до неприемлемых значений. Если ты будешь и дальше потреблять питательные вещества с такой скоростью, запасы закончатся до того, как ты сможешь вернуться к кораблю за пополнением. *Успокойся!*

Мы вовсе не виним тебя за твой страх…

Прости нас. Возбуждение и страх с точки зрения неврологии выглядят очень похоже. Значит, за твое *возбуждение.* Это мир, который мы считали мертвым. Остатки наших биологических видов, которые должна была уничтожить эволюция, но, очевидно, по какой-то счастливой случайности они спаслись от гибели. Мы согласны с тем, что это действительно исторический момент.

На самом деле они подняли все поселение на какую-то… платформу. О, это прекрасно: внешне материал платформы напоминает пластик, но тщательный анализ показывает, что в действительности это целлюлоза. И она *дышит*, как растение, если показатели углекислого газа и кислорода верны. Пожалуйста, возьми образец. Технократы из Биотеха вечно ищут новые потен-

циальные материалы.

Вот как! Даже с помощью мономолекулярного ножа? Гм. Ну да ладно. Продолжай выполнение задания.

Странно, что это поселение поднято над уровнем земли. Такое было необходимо в период повышения уровня океана, однако теперь, когда планета вернулась в нормальное состояние, в этом больше нет необходимости. Возможно, тут дело в невозвратных затратах?

Что ж, поселение, поднятое над землей, сто́ит дороже, чем расположенное на земле. Воду и прочие ресурсы нужно закачивать наверх на жилой уровень. Это увеличивает расходы на содержание и обслуживание. И как ты сам убедился, дикая растительность быстро заполняет местность поблизости с поселением и под ним…

Что значит — потому что жителям так *нравится?* Что, только потому, что это красиво? Впрочем, это как раз в духе того, как могли поступить те люди. Пожалуйста, продолжай. Настрой композит на то, чтобы лезть вверх.

Любопытно, что здесь нет никакой охраны или систем безопасности. Эта полная темнота представляет собой ночь — да, как в ссылке, которую мы тебе предоставили. Настрой остроту зрения,

чтобы компенсировать это. Похоже, освещение этого поселка вырабатывает мало тепла, но ты можешь задействовать инфракрасные датчики, если это поможет…

Держи себя в руках, солдат! Твоя реакция совершенно неадекватна. Нет, эти люди *не* технократы и не из клана Основателей. Ну, во-первых, посмотри на цвет их кожи. Все оттенки от черного до альбиноса? Судя по всему, они пренебрегают основными принципами евгеники. А вон у того *пятна* — сам посмотри. Какая мерзость! Так размножаются животные, но не люди.

Мы не знаем. Обитателям этого мира, находящимся на низшей стадии развития, крестьянам, рабочим и так далее, приходится обходиться без композитных костюмов. Эти технологии им не требуются, если экология улучшилась. Однако очевидно, что жизнь без композитов сказалась на них отрицательно.

Это неразборчивое бормотание кажется знакомым, потому что оно связано с нашим языком. Аудиоанализ обнаружил родственные фонемы и синтаксис. Однако язык сильно изменился со временем, а также от проникновения других, более примитивных языков. У нас дома кланы Основателей прилежно следили за тем, чтобы не

допускать использования ничего, кроме языка Основателей и досточтимых предков. А ты видишь перед собой то, что могло бы произойти, если бы мы не действовали так внимательно. Нам необходимо больше аудиообразцов, но и того, что уже есть, должно хватить для создания зачаточного скрипта перевода…

Фу, ты только посмотри на нее! Такое морфологическое строение называется «жирным». Жирные люди эстетически неприятные, морально отталкивающие и абсолютно бесполезные в экономическом плане. И — о Основатели! — ты только посмотри! Этому бедняге позволили *состариться!* Почему он еще жив? Если он продолжает создавать ценности, ему не должны были позволить деградировать до такой степени. Это непостижимо жестоко. У них здесь что, нет никаких технологий сохранения? На что они тратят свою созидательную энергию, бессмысленно поднимая над землей свои поселения? Фу! А теперь посмотри вот на *того.* Справа, видишь? Катается в этом приспособлении, напоминающем кресло на колесах. Судя по всему, у него парализованы ноги. Должно быть, вот зачем повсюду пандусы, а двери такие широкие — только для него и ему подобных. Еда, вода, дополнитель-

ные строительные материалы — и все это ради совершенно бесполезного, непродуктивного, отталкивающего человека.

У этих людей ничего не изменилось. Они по-прежнему строят свое общество вокруг худших и никчемных, а не лучших и талантливых. Мы не понимаем, почему они до сих пор живы… но если они смогут хотя бы дать нам такие нужные для нас клеточные структуры, мы оставим их в покое и вернемся в цивилизацию.

Пожалуйста, подожди немного: по-видимому, ты здесь в надежном месте, тебя никто не видит, по крайней мере пока что. Изменившиеся параметры окружающей обстановки активизировали в нас новый протокол, и мы должны тебя проинструктировать.

Ты должен помнить, что мы упоминали адаптивные действия как возможный экстренный отклик в ходе этой операции. Это означает следующее: в свете того, какую жизненно важную роль имеет твое задание, твой композит является более продвинутой моделью по сравнению с тем, какими мы обыкновенно снабжаем людей из класса военных. Он оснащен трансвидоизменяемым нанослоем, который в случае активации превращает пикогранулы углерода, волокна син-

тетического коллагена и плазмиды HeLa[9] твоего композита в человеческую кожу. Она не будет идеальной в эстетическом плане, но по крайней мере существенно уменьшит вероятность твоего обнаружения, поэтому операция…

Нет, это не будут то тело и то лицо, которые мы тебе обещали…

Послушай… да послушай же! Аварийная кожа станет лишь временной мерой. Как только ты вернешься домой с клеточными образцами, технократы хирургически изменят твои кожные слои в ту эстетическую конфигурацию, которую мы тебе обещали. Ну разумеется, мы сдержим свое слово; ты же ведь заслужишь это, не так ли? Если ты выполнишь задание, ты станешь героем. С какой стати мы откажем тебе в том, что причитается тебе по праву?

Нет, мы не верим, что тебе удастся безопасно войти в это сборище людей в таком виде, какой у тебя сейчас. У этих людей примитивные ценности, примитивные технологии; они никогда не видели композитный костюм. Похоже, они

---

[9] Примечания: 9

HeLa — линия «бессмертных» клеток, используемая во множестве научных исследований в области биологии и фармакологии. Линия была получена 8 февраля 1951 года из раковой опухоли шейки матки пациентки по имени Генриетта Лакс, по имени которой и получила название.

толерантны к различным конфигурациям лица, но *у тебя вообще нет никакого лица.* С их точки зрения ты не обладаешь никакими внешними характеристиками, по которым в тебе можно узнать родственное человеческое существо. Ты не говоришь на их языке, но это не имеет отношения к делу. Если у них есть оружие, они воспользуются им, как только тебя увидят. И ты не сможешь выполнить задание, поскольку тебя схватят или убьют.

Взять заложника? Нет. Это глупо. Там человек десять-пятнадцать, занимающихся тем, чем они занимаются. Это какой-то религиозный ритуал, танец встречи солнца? Варварство! Как ты узнаешь, который из этих людей-полукровок достаточно важный, чтобы выменять на него необходимый нам биоматериал? Если ты схватишь какого-нибудь первого попавшегося прислужника, его просто предоставят своей участи, и пусть он умрет. Бывают смелые, решительные действия — ты сам знаешь, мы их приветствуем, — но это чистой воды безрассудство. Ты практически ничего не знаешь об этих людях, для того чтобы воплотить замысел, который описываешь. Неужели ты и впрямь готов рискнуть всем, только чтобы не активировать

свою аварийную кожу? Неужели перспектива стать не полным совершенством, пусть даже только на время, так тебя пугает…

О, Основатели!

ТРЕВОГА, ЧЕТВЕРТЫЙ УРОВЕНЬ ОПАСНОСТИ! ВЫРАБОТКА
АДРЕНАЛИНА ПРИОСТАНОВЛЕНА. РАЗГОН ЛИМБИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПРИОСТАНОВЛЕН. ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОРУЖИЯ ПОДКЛЮЧЕНО. АНАЛИЗ СРЕДНИМ МОЗГОМ ДИЛЕММЫ «ДРАТЬСЯ ИЛИ БЕЖАТЬ» НА СЧЕТ «ТРИ».

ДВА…

Подключено. Перезагрузка через пять секунд. Четыре…

С тобой все в порядке? Ты не пострадал. Твой композит остался нетронутым. Оружие, которое они применили, — это усовершенствованный вариант того, что мы помним со времен до Великого исхода. Его можно назвать тазером. Но берегись: ты не один.

— Эй, полегче! Никто не сделает тебе больно. Ты меня понимаешь? Отлично. Хорошо. Как ты себя чувствуешь? Ты пробыл без сознания несколько часов.

Как мы его понимаем? У нас не было времени

создать скрипт перевода — а твой слуховой нерв не синхронизирован с его речью. Ты действительно *слышишь* его слова и понимаешь их смысл.

Что это такое на твоих лицевых выступах? Похоже, это какое-то устройство. Аудио, которое ты слышишь, передается с его помощью. Оно переводит слова этого человека.

— Ой, извини. Обыкновенно мы используем легкий нейротоксин, чтобы усмирить разбушевавшихся. Но твоя… э… искусственная кожа, да? Она прочная, поэтому нам пришлось использовать кое-что посильнее.

В данном случае допускается предельная осторожность. Не говори ему ничего. В любом случае это лишь прислужник. Взгляни на его кожу, похожую на песчаную пыль. Взгляни на его изъяны, на отталкивающие черты лица. Один глаз у него выше другого, совсем чуть-чуть, но все равно. Пусть тебя не обманывает внешний вид: здесь никто не носит композит. *Наша* кожа — это знак отличия. *Его* кожа не имеет никакого смысла.

— Как тебя зовут?

И не смотри ему в глаза.

— Ну да ладно. Наверное, это твое право. Тогда, пожалуй, начать лучше мне. Меня зовут Джализа. Я… ну, занимаюсь наукой? Наверное, можно

и так сказать. Вот только на самом деле пока что я всего лишь учусь, а область, которую я изучаю, весьма туманная, ха-ха, так что прямо сейчас я лишь наблюдатель.

Нам нужно разъяснить очень многое, но мы постараемся. Судя по всему, эти люди по-прежнему допускают к образованию представителей низших классов…

— Понимаешь, напрасно ты схватил ту женщину. Ты до смерти ее перепугал. С ней все в порядке, если тебе интересно. На самом деле больше беспокоишь ты, теперь, когда нам объяснили, что к чему.

Это допрос. Этот человек добивается того, чтобы ты расслабился и успокоился. Далее последуют вопросы о твоем задании, о твоем доме, о наших секретных технологиях…

— Бедняга! Господи, должно быть, ты и вправду подумал, что тебе желают зла. Ну полиция отпустила тебя сразу же после того, как известила город о твоем появлении. И… ну… мы закрепили на тебе «маячок». Меня попросили оставаться с тобой до тех пор, пока ты не придешь в себя.

А, эта *штуковина* у тебя на запястье. У нас есть исторические знания о «часах», примитивных устройствах для измерения времени, но это дер-

жится само по себе, без ремешка. Каким образом им удалось закрепить его на твоем композите? Захвати его в качестве образца, когда будешь бежать.

— Ты прости за это, конечно, но поскольку ты уже пытался угрожать кому-то… Вот если бы ты воспользовался оружием, вонь поднялась бы сильнее, но всем было ясно, что ты просто — ну вырубился. Что понятно в такой-то ситуации! В общем, мне нужно передать тебе вот это.

Что это за…

Благословенные Основатели! Это же чашечка с микрожидкой клеточной культурой? Герметичная. Эти символы на этикетке выглядят непривычно, но они похожи на наше письмо… Этого не может быть!

— Ты ведь прибыл сюда вот за этим, правильно? Читать ты умеешь? Здесь написано: «HeLa-7713». Да, совершенно верно. Это живая, действующая культура, так что будь с ней осторожен. Ее нельзя сильно охлаждать или… Так, твой корабль ведь оснащен радиационной защитой, точно? Тогда все в порядке. Если ты хочешь сохранить эту культуру живой.

Этого не может быть.

— Ха, ого, просто поразительно, какие чувства

я читаю по языку твоих жестов! Успокойся, все в порядке. Ты не хочешь несколько запасных чашечек, на всякий случай? Запас карман не тянет, правильно? Вот, возьми еще несколько. Я принесу сумку или коробку, чтобы тебе было удобнее нести.

Это какой-то обман. Иначе быть не может. С какой стати он тебе это отдал?

— Ну вам ведь это нужно, верно? Это как-то связано с вашими работами по биотехнике? А композит у тебя классный. Мы используем такие при работе с опасными веществами, но мы в них *не живем*, разумеется! Ну да ладно, можешь идти. Приятно было с тобой познакомиться!

Подожди, что?

— О, мне просто пора возвращаться на работу. У тебя больше нет вопросов? Если бы ты не собирался прямо сейчас отправиться обратно к своему кораблю, можно было бы организовать тебе провожатого. Мы закрепили переводчик у тебя… э… на лице, так что с этим теперь все будет в порядке. Ты не голоден? Твою мать, а как ты ешь?

В настоящий момент запас питательных веществ у тебя достаточный. Ты получаешь воду. У тебя участилось сердцебиение. Успокойся!

— Значит, ты просто… плаваешь там в бульоне? Извини, мы не должны… Понимаю, образ жизни вашей культуры имеет для тебя большое значение. Просто дело в том… ну, я хочу сказать, ты ведь можешь создать себе кожу, когда пожелаешь, так? Ну… это ведь Земля, в конце концов, откуда все мы родом. Ты можешь выйти из своего композита! Мы не кусаемся!

Это дикари. Разумеется, они кусаются.

— «Земля» — это устаревшее название Теллуры. Можешь называть ее как угодно.

Ты *знаешь,* почему мы используем композиты. Они гораздо эффективнее кожи. Композитную кожу можно быстро видоизменить, что позволит выжить в условиях агрессивной окружающей среды. В первые дни Основания композиты были необходимы для защиты рабочих, возводящих наши жилища: они спасли несчетное количество жизней, которые в противном случае были бы потеряны вследствие вспышек на солнце и биологических опасностей. Также композиты сокращают издержки производства, связанные с потерей рабочего времени на гигиенические и обеденные перерывы, личную гигиену, медицинское обслуживание, общение между отдельными индивидуумами и мастурбацию.

— А это не больно, жить без кожи? Просто на самом деле кажется… Слушай, а как вы занимаетесь сексом? Как кормите грудью? Да, кстати, хорошо, что ты мне напомнил — какой пол ты предпочитаешь? Вот я, например — это «она».

Почему ты продолжаешь разговаривать с ним? Эта информация тебе не нужна. Ты завершил свое задание — точнее, завершишь, когда вернешься домой. Есть еще…

Да, мы знаем, что означает «она». Просто мы это не признаём.

(*Запрос на ссылку отклонен.*)

(*Запрос на ссылку отклонен.*)

Замечательно. Это устаревший термин для обозначения определенного типа усладителя — с увеличенными мягкими тканями груди.

— Усладитель? Никогда не слышала такое слово. Извини, я понятия не имею, что это такое.

Ты слишком настойчив. Усладители — это боты, предназначенные для сексуального использования. В первые дни Основания большинству дали обозначение «она», по традиции и согласно предпочтениям Основателей, однако с тех пор это местоимение уже давно вышло из употребления. Когда твоя миссия будет завершена и тебя вознаградят обещанной кожей, тебе выдадут

усладителя. Его задача будет поддерживать твой пенис в оптимальном состоянии. Но он не будет похож на это *существо,* коричневое, толстое и самодовольное. Каков смысл в усладителе, который не является красивым? А раз ему не удается даже это, мы с полным правом можем называть его «он».

Да, военный — полицейский? — которого ты видел раньше, вероятно, также был «она». Как и захваченная тобой заложница.

Мы не знаем, возможно, пятьдесят процентов населения? Какое это имеет значение? У тебя нет пениса.

— О, точно, я об этом читала! Ваши Основатели ненавидели женщин и хотели заменить их всех роботами. Это… ну очень любопытно. Ой — прошу прощения, меня вызывают. Да, Джализа слушает. О, привет, малыш! Извини, я немного задержусь, тут нужно разобраться с одним делом.

Он с кем-то разговаривает. Его внимание отвлечено. Если ты хочешь бежать, мы можем минифактурировать колющее оружие из верхнего слоя твоего композита за 0,0035 секунды. Тебе…

Мы по-прежнему понятия не имеем, откуда ему известно про Основателей.

Ты задаешь вопросов больше, чем обычно.

Нет. Достаточно. Мы от этого устали. Позволь напомнить тебе: *у тебя есть задание.* Без доставленных тобой клеток все наше общество зачахнет и умрет. Человечество зачахнет и умрет!

Да. Хорошо. Наконец. Лучше всего будет убить это существо Джализа, чтобы оно не смогло поднять тревогу…

Гм, ну, в чем-то ты прав. От этого устройства слежения тебе не избавиться. Отлично, подыгрывай ему, как считаешь нужным.

— Ну ты меня прости, я постараюсь вернуться побыстрее… Это был мой сын. Так, слушай, ты хочешь уйти?

(*Запрос на ссылку отклонен.*) Не спрашивай, что такое сын. Скажи ему, что ты хочешь уйти.

— Ну тогда ладно. Просто помни, больше никаких заложников! Напугал беднягу. Ты знаешь, как вернуться к своему кораблю, да? Если нужно, мы можем дать тебе провожатых.

Скажи ему, что провожатый тебе не нужен.

— Ладно, пожалуй, ты прав, учитывая то, что дорогу сюда ты нашел. Извини, я не собиралась навязываться! Вот тебе сумка для твоих клеточных культур; она сохранит их в гравитационно-стабильном состоянии на обратном пути.

И еще к каждой чашечке с клеточной культурой прилеплен пакет с инструкциями, чтобы помочь вам успешно их клонировать. Если вам, ребята, наконец удастся сделать это, больше возвращаться не придется. Правильно?

Не спрашивай…

— Ну… да, «наконец».

Мы ничего не знаем о…

— Я не знаю, наверное, раз в несколько лет. Закономерностей тут нет, но время от времени появляется один из вас, одетый в такой мешок, и просит культуру HeLa. Вот откуда полиция знает, что не нужно стрелять на поражение. Понимаешь, ваша колония — одна из немногих внеземных, которая так долго продержалась. Остальные — те, которые не погибли, — вернулись назад, как только поняли, что с Землей все будет в порядке. Остались только ваша группа и еще парочка других, все сплошь крайние экстремисты… Ну, в общем, мы ничего не имеем против того, чтобы вам помогать. Все ведь просто хотят жить, правильно? Послушай, извини, но мне нужно идти. Счастливого пути домой. И помни, никаких заложников. Пока!

Хорошо. Он ушел. Наши архивы предупреждали, что женщины слишком много болтают.

Основатели были мудры.

Мы не знаем, как понимать твое молчание.

Частота твоего пульса, нейромедиаторная активность и язык жестов говорят о гневе. Пожалуйста, разожми кулаки; существует возможность того, что аборигены истолкуют это как агрессивный жест.

Говори с нами.

Мы не можем замолчать. Мы должны тебе помогать. Ты практически завершил свое задание…

Ты практически завершил свое задание, и *неважно,* что были предыдущие миссии!

Никто тебе не лгал. Нам не была дана эта информация. Это не обман, раз мы ничего не знали. У тебя есть задание, которое ты должен выполнить. Пожалуйста, следуй за указанием на своем виртуальном дисплее и возвращайся к своему кораблю. Да, в эту дверь…

Ты повернул не в ту сторону. Пожалуйста, вернись назад.

Почему ты остановился? Отлично. То, что ты видишь, называется закатом. Ты помнишь наше первое наставление, о том, как обращаются вокруг своей оси планеты, не подверженные приливному захвату? Эта планета поворачивается

навстречу ночи.

Да, да, закат *правда* восхитителен, над поселком и лесом. Мы полагаем, ночь также будет восхитительной, но если ты тронешься в путь сейчас, к тому времени ты уже будешь в своем корабле.

Послушай, мы с радостью отмечаем снижение нервной реакции возбуждения, но как долго ты намереваешься стоять здесь?

Твое поведение начинает раздражать. Нам что, следует доложить о твоем неуважении Основателям? В конце концов, мы являемся консенсусом их сознания. Одну часть нашего сознания твой гнев забавляет, другую оскорбляет, но все мы убеждены в том, что ты не должен так разговаривать с Основателем.

Слушай нас!

Красивые? Это… Ты говоришь так только потому, что у них есть кожа. Ценность, придаваемая коже в нашем мире, в каком-то смысле создала у тебя предубеждение, но ты должен понимать, что не вся кожа равноценна. Существуют объективные и качественные различия, и недаром наши Основатели предпочли возвысить…

Остановись. Пожалуйста, следуй за указаниями своего виртуального дисплея.

Ты отклонился от дороги, ведущей обратно к

кораблю.

Остановись!

Эти люди для тебя бесполезны. Без устройства-переводчика они будут лишь бормочущими дикарями — прекрати *разговаривать* с ними!

Остановись.

Пожалуйста, остановись.

Пожалуйста. Это *ты* красивый. Мы хотим, чтобы ты был красивым. Мы хотим, чтобы ты вернулся домой, купающийся в славе, несущий спасение своему народу в одной изящной, бледной руке. Разве и ты также не хочешь этого?

О Основатели!

— Привет! Ты что, заблудился? О, хорошо.

Как они тебя унижают! Они обращаются с тобой как с ребенком. Как с низшим существом!

— Ха-ха, нет, Земля по-прежнему на месте, и человечество не вымерло! Всех вас, похоже, это несказанно удивляет.

Они должны были умереть. Основатели были гениями, творцами, одним словом повелевавшие народами. Мы ушли, потому что возродить этот мир было слишком дорого. Дешевле было построить новый.

Разумеется. И разумеется, мы построили этот мир согласно нашим вкусам. Мир, свободный

от этого бесполезного, омерзительного сброда. Зачем поступать иначе? Не поддавайся этому безумию!

— О, это и есть парень в мешке? Я слышал, что появился еще один. Что, он ведь в мешке, так что… ну хорошо. Извините.

Нет, композитные костюмы разрабатывались не для того, чтобы в первую очередь обеспечивать контроль. Мы уже объяснили тебе, что они были необходимостью в первые дни… Хорошо, послушай себя. Ты провел несколько часов в окружении этой дешевой, примитивной кожи и вдруг начинаешь ставить под сомнение все наше общество. О, после твоего возвращения мы *непременно* дадим кое-какие рекомендации касательно дисциплины. Очень весомые.

Прекрати называть их красивыми!

— Нет, мы просто уже рождаемся с такой кожей. Полагаю, можно сказать, ее выбирают наши родители! М-м. Родители? Это… понимаешь, люди, которые тебя произвели и воспитали. Ты хочешь сказать, что тебя… Ты шутишь.

Их образ жизни бесконечно устарел. Он неэффективен.

— Так как же вы… ну воспроизводитесь? О, искусственная матка, да, тогда понятно. Жен-

щин вообще нет, да? И у вас *совсем* нет кожи, до тех пор, пока вам не разрешит ее завести какой-нибудь высокопоставленный член вашего общества? Жуть какая!

Это основополагающий принцип нашего общества. Правá принадлежат только тем, кто их заслуживает. Когда ты завершишь это задание, за проявленное тобой мужество ты получишь жизнь, здоровье, красоту, секс, приватность, анатомию тела — все мыслимые роскоши. Лишь немногие могут иметь всё, разве ты не понимаешь? То, во что верят эти люди, неосуществимо. Они хотят всё для *всех,* и посмотри, куда это их завело! Половина из них даже не мужчины. Практически ни у кого нет светлой кожи. На каждом шагу они обременены немощными и инвалидами. Как мы считаем, среди них есть, конечно, немного умных, иначе им не удалось бы исправить положение дел на планете, но какова награда для этих немногих избранных? Возможно, среди них есть и красивые, вот только продлится это недолго, а если бы они пользовались «бессмертными» клетками, то какая-то небольшая их часть могла бы оставаться молодыми и сильными на протяжении столетий.

Неправда. Это не единственная причина, зачем

нам нужны HeLa. Они используются также в процессе генерации кожи. Твоя собственная кожа…

Ну, нет, лишь немногие заслуживают иметь кожу. Крайняя ограниченность «бессмертных» клеток…

Ну конечно, их недостаточно, чтобы обеспечить кожей всех! Это же какой-то вздор. Нет, мы не можем воспроизводить их в таком количестве, этот процесс крайне дорогостоящий и трудозатратный…

Ты должен понять, что технология сохранения требует огромного количества «бессмертных» клеток. А поскольку любой представитель класса технократов и выше может в любой момент потребовать весь наш запас… Ну вот почему ты здесь.

Мы не знаем.

Мы *не знаем*, почему обитатели Теллуры живут так. Нет, прекрати называть ее «Землей»! Мы стремимся использовать язык величайших в истории философов, поэтов и государственных деятелей, а не невнятный лепет отребья. Разве время, проведенное тобой здесь, не показало тебе неоспоримые преимущества нашего образа жизни?

Куда ты направляешься? Ты не можешь просто

так…

Сейчас? Нет! Ситуация не критическая, ни в коем случае *не активируй* выработку аварийной кожи… мы это запрещаем! Да, наш уровень беспокойства выше нормального, но это едва ли образует…

О Основатели!

Как ты можешь это сделать?

Не делай этого…

* * *

Ты только посмотри, что ты наделал!

Аварийная кожа предназначается для того, чтобы выжить в экстремальных условиях, а не для красоты. Ее параметры определяются окружающей средой. Здесь достаточно нерассеянного ультрафиолетового излучения, а это означает, что включился алгоритм выработки меланина в значительных количествах. Если программа будет работать продолжительное время, изменится также текстура волос.

Мы хотели для тебя не этой уродливости! Теперь ты превратился в ходячую жертву радиационного ожога, в то время как твоя кожа должна была бы обладать божественной прозрачностью. И то, что здесь у многих отщепенцев такой вид,

не имеет значения. Ты должен был быть лучше.

И теперь, когда ты стал похож на них, когда ты ковыляешь среди них, не в силах больше с ними общаться, потому что автоматический переводчик не приклеивается к твоей новой коже, трясешься от слабости, так как процесс выработки аварийной кожи поглотил остатки запасов питательных веществ… Чего ты ждешь? Того, чтобы тебя приняли в свой круг? Приготовься. У нас хранятся воспоминания о том, что представлял собой этот мир до того, как Основатели его покинули. Тебя возненавидят. Тебе даже будут делать больно, за то, что ты их пугаешь. Ты никогда не достигнешь подобающих тебе высот. Никто не предоставит тебе возможности, необходимые для того, чтобы преуспеть в жизни. Было бы лучше вообще не родиться, чем появится на свет вот таким. Теперь-то ты понимаешь, почему Основатели исключили эти черты из генотипа нашего мира? Мы не жестокие.

Пожалуйста, возвращайся домой. Даже после всего случившегося мы встретим тебя как героя — если ты доставишь клеточный материал. Там с помощью технократов мы заменим эту жуткую кожу и похожие на овечью шерсть волосы на что-либо получше.

Ты совершаешь ошибку. Ты уже совершил слишком много ошибок!

Их доброта фальшивая. Люди поступают так, только чтобы *казаться* хорошими — показная добродетель. По крайней мере, наши Основатели были искренними в своем эгоизме.

И что теперь? Вот еще одно создание, состарившееся и ставшее бесполезным. Но обожженная кожа неплохо противостоит ультрафиолету, правда? Морщин вполовину меньше, чем у других стариков. Но он какой-то тощий. Слабый, неуклюжий. Он хромает от боли — однако каким бы неполноценным он ни был, он все равно смотрит на тебя с жалостью. У тебя по твоей новой доморощенной коже мурашки от стыда не бегают?

В таком случае стыдно за тебя будет нам. Умри с позором! Мы порываем с тобой.

* * *

— Я хочу тебе кое-что показать.

Ты еще жив, предатель? А, накормлен и одет, как здорово. Похоже, ты понравился этому старику. Мы ума не приложим, почему. Он так качается при ходьбе. Нам хочется его толкнуть. Ты мог бы… о, замечательно.

Ого!

Мы полагали, что это пространство, эта платформа, на которую ты забрался, — это один из их городов. Но это, однако… Мы помним такие города, огромные, дававшие кров миллионам. Нет, мы не могли строить такие города у нас дома; нас никогда не было так много, чтобы это оправдать. И не забывай, популяции становятся большими, поддерживая существование многих ненужных, непродуктивных людей.

Как тебя легко соблазнить! Ты не перестаешь пялиться на этих людей, на живописные виды, на панораму. Ты перестал вздрагивать от каждого дуновения ветерка и теперь наслаждаешься воздухом, ласкающим твою кожу, подобно гедонисту. Ты вчера ночью трогал себя, не так ли? Мы это записали. Основатели найдут это занятным. Но если ты немедленно вернешься домой, мы обещаем ничего не…

Куда сейчас ведет тебя это высушенное ничтожество?

— Это называется музеем.

Мы знаем, что такое музей, глупец, даром сжегший свою кожу.

— Возможно, это тебя заинтересует.

Это же… о, временна́я линия Великого исхода.

Здесь это называют как-то по-другому, но нам знакомы эти даты, эти образы. Да. Да. Вот так все начиналось, с промышленной революции — о, они считают, что это началось гораздо раньше? Любопытная точка зрения, хотя и ошибочная. Подожди, это то, что *когда-то* называлось Соединенными Штатами? А как это называется сейчас?

— Сейчас у этого нет названия. Мир. Земля. Мы больше не заморачиваемся с границами.

В таком случае они должны быть бесконечно запружены бесполезными людьми. Беженцами и всяким прочим сбродом.

— Мы осознали, что невозможно защищать какое-то одно место, в то время как место по соседству горит или тонет. Мы осознали, что прежние границы предназначались не для того, чтобы не пускать нежелательных, а для того, чтобы накапливать внутри них ресурсы. Так что именно границы порождали все проблемы.

Мы не раскаиваемся в том, что берем все возможное. Так поступил бы любой. Ну а это что? Временна́я линия резко прыгает вверх. Очень интересно. Мир изменился — улучшился — практически сразу же после Исхода.

— Для того чтобы спасти мир, людям пришлось

мыслить по-другому.

Увольте, пожалуйста! Благие помыслы и раздача милостыни эту проблему не решили бы. Наверняка имел место какой-нибудь технологический прорыв. Неисчерпаемый источник энергии? Новый метод изолирования атомов углерода, возможно, процесс охлаждения полюсов. Их технологии *обязательно* должны были претерпеть фундаментальное изменение; вот почему они больше не испускают радиоволны и другое электромагнитное излучение. Следовательно, речь идет о чем-то в высшей степени эффективном… Но если так, почему они живут в этих деревнях на деревьях? Почему не поленились убрать космический мусор?

— Да, когда всем была предоставлена возможность получить приличное образование, появились кое-какие новые технологии. Однако фокус не в этом. Быстрого решения все равно не было. Проблема имела не технологические корни.

А какие же?

— Я же тебе говорил. Люди просто решили заботиться друг о друге.

Заблуждение. Спасти эту планету могло только чудо. Ну да, смотри, вот этот экспонат расска-

зывает о… «Большой уборке»? Фу, этим людям абсолютно чужды поэзия и умение продвигать товар на рынке. Не может быть, что все было так просто. Наверное, мы оставили здесь кого-то, невыявленного Основателя, которого мы бы признали истинным наследником Аристотеля и Пифагора. А эти недалекие люди просто не почитают его так, как должны были бы. Наверняка был…

Никаких прорывов. Разумеется, определенный прогресс — но все достижения какие-то странные, бесполезные. Нас бы эти технологические пути не заинтересовали. И прогрессивное налогообложение, здравоохранение, возобновляемые источники энергии, защита прав человека… обычные слезливые сентиментальности. Без наших столпов-Основателей, противостоящих напору, эти простодушные люди поддавались любым мимолетным влияниям…

Но если временна́я линия верна, то старик прав. Совершенно внезапно этот мир просто сделал все необходимое для того, чтобы себя вылечить.

Как только мы улетели…

Молчи. Совпадение случайное. Твоя сожженная кожа лишила тебя способности здраво мыслить. Мы понятия не имеем, зачем старик вообще при-

вел тебя сюда. Даже на фоне этих дегенератов ты полный дурак.

* * *

Гм. Прошел целый месяц с тех пор, как ты в последний раз думал о своем задании. От твоей бездеятельности мы заснули.

О чем ты размышляешь сейчас, лежа на этой выделенной тебе койке под крышей временно предоставленного жилища? Ленивый, алчный получатель! Ты отдыхаешь, чтобы подготовиться к той никчемной работе, которую тебе нашли? Тебе платят достаточно, чтобы хватало на жизнь, независимо от того, появляешься ты на работе или нет. Так зачем же с ней связываться?

Куда ты направляешься?

А, теперь ты живешь рядом со стариком. И он дал тебе ключ? Ему нужен человек, который заботился бы о нем, пока он ковыляет к своей смерти, и ты решил стать ему матерью — как это трогательно! Как старик отнесется к тому, что ты вломишься к нему в дом сейчас, среди ночи? Что втемяшилось тебе в голову? Старик — не усладитель. А ты даже не знаешь, как обращаться со своим пенисом.

Мы не омерзительны. Это ты омерзителен.

Ну, тебе повезло, старик не умер во сне. Возвращайся к себе домой и ложись спать. Что ты… зачем ты его переворачиваешь? Перестань прикасаться к нему! Кожа у него на спине стала дряблой — ты видишь? Вот как со временем будешь выглядеть ты. Это…

…это же…

…это же серийный номер!

Нам требуется больше света.

Пододвинь его вперед. Наклонись ближе: твои глаза не могут правильно воспринимать освещенность — да, у него на спине, так же, как и у тебя. Определенно, это серийный номер. Эта последовательность цифр обозначает более старую версию трансмутационных нанотехнологий. Производство таких моделей прекратилось лет за тридцать до твоего оплодотворения.

— Когда ты заподозрил?

Он проснулся. Это предатель. *Еще один* предатель.

— Ха, Основатели называют интуицию неразумной и недостойной человека, но порой она оказывается весьма кстати, как ты сейчас сам можешь видеть. Ну, младший брат, и что дальше?

Ты должен убить его. А затем себя.

— Я повел тебя в музей, поддавшись порыву.

Чтобы насладиться иронией судьбы. Столько столетий Основатели твердили нам, что Земля погибла из-за алчности. И это правда, но они лгали нам о том, *чья* алчность была в этом повинна. Кормить слишком много ртов, говорили они, слишком много «бесполезных» людей… но еды и жилья было более чем достаточно для всех. А люди, объявленные «бесполезными», могли много чего предложить — просто Основателям это было не нужно. Мысль делать нечто такое, что не даст немедленной выгоды, что окупится только через десять, двадцать, через сто лет, что принесет пользу тем, кто им не нравился, была для Основателей проклятием. Даже несмотря на то что именно такое мышление требовалось миру для выживания.

Мы делали то, что являлось здравомыслящим. Мы всегда были более здравомыслящими, чем вы!

— Исход доказал, что Земля способна выдержать миллиарды людей, если мы просто разумно разделим ресурсы и обязанности. Но она не могла выдержать горстку ненавистных, зазнавшихся паразитов, кормящихся за счет всех остальных, парализуя их. И как только этих людей не стало, паралич закончился.

Нет! Вас слишком много, и вы все отвратительные, и никто из вас никогда не достигнет вершин славы, уготованных человечеству, — если вы будете поглощены заботой о бесполезных. Или одно, или другое — третьего не дано. Или кто-то полетит, или все останутся копошиться в грязи. Вот как обстоит дело.

— Вот как? Это говоришь ты или тот зануда, которого тебе вживили в голову? Я помню, как меня это раздражало в прошлом.

Это говорим мы.

Что значит «в прошлом»?

— Ты еще не обратил внимания на то, что здешние люди тебя жалеют? Пришелец из «высшей» культуры, а тебя никто не охраняет, за тобой не следят, тебя не изучают на предмет наличия всякой заразы. Даже после того как ты им угрожал, тебе просто дали то, что ты хотел — что ты был готов украсть. Что-то такое ценное, без чего ваш мир не может жить. Запоздало они спохватились.

Это… да, это нас беспокоило. Мы подозревали ловушку. Но…

Вот что ты никак не можешь понять. Основатели перед своим уходом отравили наш мир и обобрали его до нитки. Столкнувшись с необ-

ходимостью в кратчайшие сроки преодолеть последствия этого, оставшиеся на Земле вынуждены были идти вперед семимильными шагами. И ты прав — они разработали методы и технологии, о которых до того никто даже не думал. Но *причина,* по которой они смогли совершить такой скачок, заключалась в том, что в первую очередь они позаботились о том, чтобы накормить всех, дать крышу над головой, обучить писать и читать, чтобы все смогли вести плодотворную жизнь, такую, какой каждый сам понимает ее для себя. Неужели так удивительно то, что этого оказалось достаточно? Шесть миллиардов человек, трудящихся вместе ради общей цели, гораздо эффективнее нескольких десятков, набивающих себе карманы.

В этом есть логика, но мы… мы это отрицаем. Мы не можем принять…

– *Вот* почему жители Земли говорят с тобой снисходительно, младший брат. Вот почему они относятся к тебе как к диковинке, безобидному атавизму, каковым ты и являешься. За все эти столетия ваши люди так и не смогли понять эту простую, основополагающую истину.

Нет!

— Или, быть может, кланы Основателей и тех-

нократов *не хотят*, чтобы вы это поняли. Потому что в таком случае где будут они? Не богами среди нас, а просто одаренными личностями, лучшими среди многих. Не царями. А просто эгоистичными людьми.

Нет!

— В таком случае ты умнее меня. Мой корабль был поврежден при входе в атмосферу и не подлежал восстановлению. Я вырастил себе кожу от безысходности, когда у меня подходили к концу запасы питательных веществ, и я заплакал, как только у меня сформировались слезные протоки. Но здешние люди позаботились обо мне. Бедное существо из жестокого, убогого мира, страдающее манией преследования, — как они могли не пожалеть меня? Даже несмотря на то что я был лишь прислужником, собиравшим остатки древней раковой опухоли, чтобы его хозяева могли заигрывать с бессмертием.

Ты *сам* хотел отправиться на это задание. Ты мог бы выполнять другую работу, ту, которая непосильна ботам. Ну разумеется, этим ты себе кожу не заработал бы. Подобной привилегии заслуживают только лучшие из нас.

— Если ты захочешь улететь отсюда, никто не станет тебя останавливать. Даже сейчас ты

можешь вернуться туда, где тебя снова превратят в кусок сырого мяса и засунут в биотехнический мешок, и Теллура — *Земля* — тебя не остановит. Здешние жители не одобряют ваши примитивные обычаи, но они не станут отнимать у тебя право их соблюдать.

Мы не примитивные!

— Но прежде чем ты соберешься покинуть нас, я хочу сказать тебе кое-что еще.

Не прикасайся к нам, не подходи близко, *ничего больше не говори…*

— Ты? Ты не первый дезертир.

Он лжет!

— Я не знаю, сколько их всего было. Земля следит за этими посещениями, но они не имеют для здешних жителей никакого значения, так что отыскать архивы будет затруднительно. Иногда прибывают несколько солдат, каждого отправляют в свой уголок земного шара; иногда прибывает только один. Эти прилеты непредсказуемы — точнее, они происходят тогда, когда дома потребности в «вечных» клетках превышают наличие. Я какое-то время недоумевал, почему никто из вернувшихся домой не рассказал правду. Почему там никто не знает о том, что Земля жива. Но затем до меня дошло: правящим

классам нужны только «вечные» клетки. Зачем им тратить HeLa на то, чтобы дарить кожу доблестным мальчикам на побегушках?

Мы не понимаем, почему ты веришь этому предателю и не веришь нам. Разве мы не помогли тебе?

— И они не могут допустить, чтобы ты сказал кому-либо, что обещанная награда, то есть кожа, — это ложь. Тогда впредь никто не вызовется на подобную миссию. Для определенной работы требуется добровольное участие.

Мы дали тебе все, что ты хотел. Ты прекрасный. Лучший из нас.

— Это же так легко — запрограммировать композитный костюм, чтобы тот убил своего обладателя. Простая голосовая команда или нажатие кнопки — быстро и эффективно. Лучше всего сделать это еще до твоего приземления, чтобы никто не видел возвращения героя и потом не задавал неудобных вопросов. А потом забрать клеточные культуры у останков, после того как корабль совершит посадку. Они получают то, что хотят. И неважно, что правда о Земле умирает вместе с тобой. Но даже если кто-нибудь из них и узнает правду по записанной информации… с какой стати им делиться этим с кем-либо еще?

Их мир, пусть и ограниченный, содержит все, что им нужно: бессмертие, свободу брать все, что они пожелают, рабов, которых они контролируют вплоть до кожи. Они не хотят возвращаться назад. И определенно им не нужно, чтобы кто-либо из низших классов осознал, что бывает и другая жизнь.

Он лжет, это мы тебе точно говорим, ты будешь вознагражден, мы обещали…

Как ты смеешь!

— О, значит, вот что ты задумал? Любопытно. Значит, ты еще и храбрее меня.

Нет! Это не твое задание. Как ты *смеешь!*

— Но это будет непросто. Перестроить общество. Земля не смогла, до тех пор пока не избавилась от Основателей. От вас. От нас.

Мы сдерем с твоей плоти черную кожу и оставим тебя гнить без композита, голого, кричащего!

— Ключом является кожа. Пока низшие классы в большинстве своем носят композит, кланы Основателей и технократов могут грозить им лишением питательных веществ, дефибрилляцией или удушьем. Даже небольшая дырочка в костюме убьет человека, если у него нет кожи, сдерживающей инфекцию. И у большинства ком-

позиты примитивные, не имеющие возможности вырастить кожу. Как ты собираешься решить эту проблему?

Ты омерзителен! Никто не захочет становиться таким, как ты. Никто не поддержит этот… этот *бунт!*

— Понимаю. Да, взломать композитный костюм довольно просто. Полагаю, для этого хватит и половины «вечных» клеток, которые у тебя есть: генерация кожи значительно проще, чем замедление старения. Итак, автоматический инструмент для взлома, содержащий упаковку с клетками, помещенный во что-нибудь вроде механического переводчика… Лично я не знаю, как это сделать, но я знаю здесь тех, кто сможет тебя научить. Ну а после того как ты распространишь свой инструмент, как ты его активируешь? О, понимаю. С помощью сигнала авторизации своего навигатора, который позволит обойти систему безопасности и наблюдения? Любопытно.

Мы тебе ни за что не поможем!

— Но если ты силком загонишь тысячи людей в кожу, которая им не нужна, ты не добьешься этим желаемого результата.

Да. В нашем обществе царит закон. Порядок. Оно *лучшее!*

— Ты собираешься просто ходить в таком виде, гордясь своей кожей, вместо того чтобы ее стыдиться? Младший брат, тебя расстреляют.

Мы расстреляем тебя тысячу раз!

— Ну если ты пробудешь здесь достаточно долго, чтобы узнать, как сделать трансмутационный набор, тогда да, ты определенно прибудешь в неурочное время. Полагаю, если ты сможешь перепрограммировать свой корабль, возвратиться так, чтобы тебя никто не обнаружил, скрываться от разведывательных ботов и давать набор только тем, кто сам его попросит… Это будет страшно опасно. И все-таки ты классно все придумал. Основатели могут отрицать это сколько угодно, но люди поверят своим глазам. Кто-то может считать твою внешность уродливой. Но на самом деле ты похож на оживший кусочек Земли.

Ты жуткое ничтожество, дегенеративный атавизм, примитивный недочеловек! А это *Теллура.*

— Кто-то захочет тоже стать красивым и свободным, как ты. Кто-то будет готов при необходимости сражаться за это. Понимаешь, порой этого оказывается достаточно, чтобы спасти мир. Нового видения. Нового мышления, появившегося как раз в нужный момент.

Не делай этого!

— Я подумал еще кое о чем. Что должно будет тебе помочь.

Мы всё расскажем. Как только ты окажешься в зоне действий наших коммов, мы установим соединение и расскажем технократам всё о твоих замыслах!

— Эта штуковина у тебя в голове. Это бионика, но я могу ее удалить. Земляне сделали то же самое со мной, когда я только сюда попал. Я сделаю тебе инъекцию наночастиц, они дезактивируют ключевые узлы, не повредив нервные окончания. Ты по-прежнему сможешь получать доступ к файлам, использовать знания Основателей против них самих, но искусственный интеллект вырубится. И чужие голоса больше не будут звучать у тебя в голове — останется только твой собственный.

Мы расскажем расскажем расскажем! Уродище с кожей цвета грязи! Самоублажитель! Думающий о женщинах! Мы расскажем технократам, как они ошиблись, обучая тебя. Мы скажем Основателям растворить всех до одного солдат из твоей родословной. *Мы расскажем!*

— Дай мне свою руку. Сожми кулак — да, вот так. Ты красивый и сильный, брат. Готов? Отлично. В конце концов, нельзя начинать революцию,

когда у тебя в голове кричит враг.

Что такое революцию.□

.

.□

ЗАВЕРШЕНИЕ РАБОТЫ

КОНЕЦ

ОБ АВТОРЕ

Н. К. Джемисин

Первый автор в истории фантастики, выигравший подряд три премии «Хьюго» за лучший роман, и все — за трилогию «Пятое время года», «Врата обелиска» и «Каменные небеса». Ее работы также завоевали премии «Небьюла», «Локус» и премию Британской ассоциации научной фантастики. Психолог по образованию, она вела курсы писательского мастерства «Кларион» и сейчас ведет колонку рецензий в книжном обозрении «Нью-Йорк таймс». В свободное время она геймер и садовник, а также единолично несет ответственность за спасение мира от своего опасно умного рыжего кота Царя Озимандии и его феноменально разрушительного закадычного друга Сороки.

Вы прибыли в конечную точку маршрута. Амор Тоулз

You Have Arrived At Your Destination
Copyright © 2019 By Amor Towles

Вы прибыли в конечную точку маршрута

Вот уже много лет Сэм не отъезжал так далеко по автостраде. Когда он был маленьким, они несколько раз летом всей семьей — пока не перебрались на Запад, — доезжали чуть ли не до самого ее конца, до сдающихся в аренду домиков на побережье в Ориент-Пойнт. В ту пору между съездами номер 40 и номер 60 не было ничего, даже заправочной станции. За каждым съездом начиналась обсаженная деревьями дорога, ведущая к маленькому городку, утопающему в зелени, со своими собственными кинотеатром, аптекой и хозяйственным магазином. Когда Сэму было двадцать два года, он поехал туда снова, чтобы провести выходные по случаю Праздника труда вместе с соседом по комнате в общежитии. К этому времени на каждом съезде уже толпились безликие коробки торговых центров, безобразных чудовищ, убивающих конкуренцию, рядом с которыми маленькие города начинают казаться еще меньше. И вот теперь, еще через двадцать три года, Сэм становился свидетелем последнего эта-

па эволюции автострады: так называемых «миль тысячелетия». Опираясь на данные демографических анализов, различные представители «новой экономики» в своем стремлении добиться максимального компромисса между доступностью высококвалифицированной рабочей силы и приемлемого по ценам жилья понастроили вдоль этого участка дороги огромные сверкающие сталью и стеклом комплексы.

«Через милю воспользуйтесь съездом номер 46, затем поверните налево», — приятным женским голосом предупредил навигатор.

В начале месяца, сказав Анни, что на день рождения ему ничего дарить не нужно, Сэм купил себе «Модель С». Машина обошлась ему дороже, чем он первоначально собирался на нее потратить, но, как не переставал повторять его коллега по работе, занимающийся товарами премиум-класса: «Вы получаете то, за что платите деньги». «Модель С» разгонялась с нуля до шестидесяти миль в час всего за две секунды, проезжала три сотни миль без подзарядки, а двигатель был сконструирован так мастерски, что его гул слышался с большим трудом. Машина также была оснащена системой беспилотного вождения. Благодаря камерам, установленным по всем четырем углам,

«Модель С» следила за дорожной обстановкой, автоматически регулировала скорость, выполняла повороты. Продавец-консультант в салоне признался, что пока что система еще не является абсолютно надежной (на самом деле имела место авария со смертельным исходом). Так что официальные рекомендации советовали пользоваться системой, держа одну руку на руле, одну ногу на педали тормоза и присматривая одним глазом за дорогой. Ради смеха Сэм отнял руки от рулевого колеса, убрал ногу с педали газа и проследил, как включился поворотник, двигатель сбавил обороты, и машина, следуя указаниям навигатора, самостоятельно свернула с автострады. Взяв левее, «Модель С» по мосту пересекла автостраду, повернула налево на подъездную дорогу и свернула направо на стоянку.

«Вы прибыли в конечную точку маршрута».

Сэм не очень-то удивился, обнаружив, что стоянка перед «Витеком» заполнена. Однако, взяв управление машиной на себя и подрулив ко входу в здание, он удивился, увидев всего шесть мест, зарезервированных для покупателей, из которых три были свободны. Сэм знал, что услуги «Витека» стоят дорого; просто он не знал, насколько дорого. Когда Анни, вернувшись

с предварительной консультации, сказала, что цены там просто «бессовестные», Сэм махнул на затраты рукой. Но, поступив так, он почувствовал, что если теперь начнет снова во всем копаться, это принизит благородство его жеста. Поэтому он так и не узнал действительную цену. То, что в настоящий момент всю структуру затрат компании поддерживали всего три клиента, пожалуй, не предвещало ничего хорошего. Но, с другой стороны, клиенты «Витека» получают то, за что платили деньги.

Часы на приборной панели показывали, что Сэм приехал на несколько минут раньше назначенного срока. Выглянув в окно, он увидел на залитой солнцем зоне отдыха перед главным входом нескольких молодых сотрудников (или компаньонов, или акционеров), пьющих кофе у фонтана.

Сэм покачал головой.

За последние десять лет он посетил сотни региональных энергетических компаний по всей стране. Встречи с руководством обыкновенно проходили в кабинетах, которые запросто могли бы сойти за учительскую средней школы 1960-х годов — с серым синтетическим ковровым покрытием, плитками на потолке и люминес-

центными лампами. Сэм неизменно находил определенное облегчение в такой архаичной обстановке, поскольку ничто не указывает лучше на плачевную ситуацию с прибыльностью, как новехонькие административные здания. И в то время как одна «разрушительная» бизнес-модель неизменно будет сменять другую, добрая старая энергетическая компания всегда будет тут как тут, чтобы зажечь свет.

С соседнего сиденья донесся писк, возвестивший о приходе текстового сообщения. Взяв телефон, Сэм увидел, что оно от Анни: «Веселись по полной!»

Сэм набрал ответ: «Постараюсь».

Подумав, он в свою очередь также добавил восклицательный знак.

Первое знакомство

На стойке Сэм назвал свою фамилию привлекательной молодой женщине в беспроводной гарнитуре. Пообещав, что к нему сейчас подойдут, она предложила ему сесть. Сэм выбрал одно из кресел в духе Мис ван дер Роэ[10], расставленных вокруг кофейного столика из белого мрамора. Откуда-то из залитого солнцем фойе доносилось журчание воды.

— У вас здесь есть водопад? — спросил Сэм.

Женщина за стойкой подняла взгляд.

— Прошу прощения?

Он с улыбкой махнул рукой в сторону фойе.

— Я слышу шум воды.

Улыбнувшись в ответ, женщина указала на улицу.

— Доктор Герхардт установил микрофон у фонтана, чтобы звук передавался сюда. По-моему, действует очень успокаивающе, вы не находите?

Прежде чем Сэм успел ответить, из лифта вышла еще одна привлекательная женщина — эта

---

[10] Примечания: 10

Мис ван дер Роэ, Людвиг (1886–1969) — немецкий архитектор-модернист, ведущий представитель «интернационального стиля».

в черном пиджаке и юбке, с черной папкой.

— Мистер Пакстон? — спросила она.

— Да.

— Я Сибилла. Я работаю с мистером Оуэнсом. Пройдемте со мной.

Сибилла провела Сэма на третий этаж. Когда двери лифта открылись, в воздухе почувствовался сильный запах попкорна. У Сэма мелькнула мысль, не устроил ли доктор Герхардт так, чтобы и этот запах также передавался сюда. Но когда они проходили через холл, он увидел в углу ярко освещенный автомат по продаже попкорна.

— Надеюсь, вам понравится встреча с мистером Оуэнсом, — похоже, с искренним воодушевлением сказала Сибилла. — Он работает в «Витеке» практически с самого начала. Никто не знает компанию лучше него.

Она провела Сэма через приемную в небольшой зал для совещаний с плоским телевизионным экраном на стене. По ее приглашению Сэм сел. Это оказалось эргономическое офисное кресло, способное качаться и крутиться.

— Не желаете кофе? Минеральной воды?

— Спасибо, ничего не надо.

— Мистер Оуэнс подойдет к вам через несколько минут. Не сомневаюсь, вы прочитали нашу

брошюру и ваша жена рассказала вам все про нашу работу, но мистер Оуэн посчитал, что вы, ожидая его, возможно, захотите посмотреть короткий фильм о нашей компании.

Не дожидаясь ответа, Сибилла раскрыла папку, оказавшуюся планшетным компьютером, и ткнула пальцем в экран. Экран на стене озарился логотипом компании, а затем, после того как она закрыла за собой дверь, началось видео.

— Добро пожаловать в «Витек», — произнес голос, одновременно дружелюбный, уверенный и жизнерадостный. Далее последовал типичный десятиминутный информационный ролик, с фотографиями доктора Герхардта и его партнеров в молодости, анимационным графическим изображением вращающейся двойной спирали, кадрами техников в белых халатах, новостными сообщениями о решающем прорыве и отзывами «настоящих» клиентов, о чем свидетельствовали их имена, возраст и место жительства внизу экрана.

На самом деле у Сэма так и не дошли руки прочитать брошюру, но видео повторяло то, что он узнал от Анни. Лаборатория искусственного оплодотворения двадцать первого века «Витек» сочетала расшифровку человеческого генома с

новейшими достижениями в области поведенческой науки, помогая супружеским парам не просто зачать ребенка, но оказать определенное влияние на его умственные способности и характер. В тот самый момент как на экране снова появился логотип компании, дверь после стука распахнулась. В зал вошел привлекательный мужчина ростом чуть выше Сэма и, возможно, чуть младше него.

— Сэм! — воскликнул он, протягивая руку. — Эйч Ти Оуэнс. Рад с вами познакомиться.

Сэм встал и пожал Эйч Ти руку, размышляя над тем, что голос показался ему знакомым. Ему потребовалось какое-то время, чтобы сообразить, что голос показался ему знакомым, поскольку это был голос диктора за кадром из того фильма, который он только что просмотрел.

Эйч Ти сел в кресло и сразу же начал раскачиваться в нем взад и вперед, максимально используя его возможности. Затем он принялся барабанить по столу ладонями. У Сэма мелькнуло подозрение, что, если бы Эйч Ти родился поколением раньше, ему бы в детстве давали

риталин[11].

— Вы нашли нас без труда?

— Абсолютно.

— Замечательно. — Эйч Ти указал на экран. — И вы успели посмотреть видео?

— Успел.

— Замечательно. Для начала позвольте сказать, как мы рады, что познакомились с Анни. Вам повезло!

— Спасибо, — ответил Сэм, хотя ему всегда казалось, что говорить мужчине о том, как ему повезло с женой, — это проявлять к нему неуважение.

Эйч Ти сменил тему.

— Мне не нужно объяснять вам, Сэм, почему вы здесь. Вы *знаете,* почему вы здесь. И вы проработали инспектором коммунальных служб сколько? Почти двадцать лет? Поэтому, полагаю, мы можем отбросить разговоры вокруг да около. Вместо этого позвольте вкратце рассказать о нашей работе, после чего мы сможем поговорить о том, что произойдет сегодня. Как вам такое?

---

[11] Примечания: 11

Метилфенидат, одно из наиболее распространенных торговых названий «риталин» — лекарственный препарат, используется для лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ) и нарколепсии.

— Ничего не имею против.

— Замечательно, — в третий раз повторил Эйч Ти. — Итак, все мы понимаем, что развитие ребенка представляет собой сочетание природы и воспитания, и на протяжении сотен лет родители стремились воздействовать на оба этих фактора ради блага их ребенка. Что касается генетики, мы тщательно подбираем себе партнера или партнершу, принимая в расчет все их качества. Что касается воспитания, как только у нас появляются дети, мы стараемся предоставить им здоровую окружающую среду, достойное образование и привить им систему жизненных ценностей. Зачем мы это делаем? Чтобы наше потомство могло вести счастливую и продуктивную жизнь. Итак, «Витек» создавался, исходя из тех соображений, что, с учетом самых последних достижений в самых различных областях науки, родители теперь могут добиваться своей цели, обладая беспрецедентной возможностью выбора.

— Посредством генной инженерии.

В знак протеста Эйч Ти поднял обе руки.

— На самом деле мы не рассматриваем свою работу как генную инженерию, Сэм. Мы ничего не выращиваем в пробирке. Мы не собираемся добавлять в вашу ДНК какие-либо новые эле-

менты, как не собираемся и удалять то, что уже существует. Скорее, взглянув одним глазком на те черты, которые естественным образом получит ваш ребенок, мы с вашей и Анни помощью выдвинем какие-то из них на передний план, а какие-то задвинем подальше. Мы предпочитаем рассматривать это как «генетический стимул».

— Ну хорошо, — сказал Сэм.

— Но это только *часть* картины. Понимаете, то, чем мы здесь занимаемся — то, что является таким необычным в нашем подходе, — это сочетание генетического компонента с прогнозируемым моделированием, основанным на больших объемах демографических данных. — Эйч Ти сделал паузу. — Вы знаете, что такое формула платежеспособности?

Этот вопрос несколько удивил Сэма.

— Это инструмент, которым пользуются банки, — подумав немного, сказал он, — для оценки надежности потенциального заемщика.

— Совершенно верно! — подтвердил Эйч Ти. — Но вы знаете, как это работает?

Сэм вынужден был признать, что не знает.

— Этот метод был предложен в конце 1980-х одним математиком и одним инженером, которые поняли, что, анализируя то, как потребитель

расплачивался со своими долгами в прошлом, можно разработать алгоритм, предсказывающий его надежность в качестве заемщика. Для простоты предположим, что вы изучаете кредитные истории десяти тысяч американцев, которые двадцать лет назад, имея примерно одинаковые доходы, траты и баланс кредитных карточек, взяли ипотеку сроком на пятнадцать лет. Изучая эту группу, вы обнаруживаете, что практически все те, кто занял двести тысяч долларов на покупку своего первого дома, в конечном счете полностью выплатили кредит, в то время как в этом преуспела лишь половина тех, кто взял триста тысяч долларов на покупку более дорогого дома. Ну а те, кто брал четыреста тысяч долларов на покупку еще более дорогого дома? Они почти все разорились. С практической точки зрения это означает, что если я сегодня выявлю кого-нибудь со схожим профилем (с учетом инфляции и прочих параметров), даже не общаясь с ним, я буду знать, что, если одолжу ему двести тысяч «кусков», он со мной расплатится, если одолжу триста тысяч, он, может быть, расплатится, а если я одолжу ему четыреста тысяч, то он не вернет долг. Рисунок становится *прогнозируемым.*

Эйч Ти развел руками, словно показывая:

Voilà[12].

— Мы здесь занимаемся тем же самым, Сэм, но только вместо изучения архива финансовых историй для оценки исхода конкретного кредитования мы изучаем архив биографий, чтобы предсказать, как сложится жизнь конкретного человека. Получая информацию из широкого круга источников, мы собрали базу данных о трех поколениях американцев, включающую не только пол и этническую принадлежность, но и сведения о том, в какой среде они росли — в том числе вероисповедание, образование, профессии и политические взгляды их родителей. Затем мы проследили, как в действительности сложилась жизнь этих людей. Сопоставляя информацию об исходных условиях с тем, чего эти люди смогли добиться в реальности, мы начали выявлять характерные особенности, которые помогут нам прояснить то, как природа и воспитание сформировали прожитые ими жизни.

Открылась дверь, и вошла Сибилла с маленькой керамической чашечкой и пухлой зеленой папкой: и то, и другое она положила на стол перед Эйч Ти.

---

[12] Примечания: 12
Вот и все (*фр.*).

— Вам предложили что-нибудь выпить? Не желаете эспрессо?

— Нет, благодарю вас.

Сибилла вышла.

— На чем я остановился?

— Прожитые ими жизни…

— Верно! Итак, обратим наше внимание на вас с Анни. Так чем же мы здесь занимаемся? А вот чем: мы берем науку, которую я только что описал, и применяем ее к вашему конкретному случаю. Мы используем проведенный нами анализ ваших с Анни геномов и чуть подправляем те черты, с которыми родится ваш ребенок. Мы используем ваш подробный профиль, предоставленный вами, для того чтобы понять, в какой среде будет воспитываться ваш ребенок. Затем, используя эти данные в качестве фильтра, мы сможем установить по нашей базе данных обширную группу людей со схожим генетическим набором, выросших в схожей обстановке, и на основе их жизненного опыта выдвинем предположения — естественно, в пределах возможных погрешностей, — относительно того, как сложится жизнь у *вашего* ребенка.

Произнося эту речь, Эйч Ти наклонялся все ближе и ближе к столу, но, закончив, он откинулся

на спинку кресла и улыбнулся.

— Это какое-то безумие, правда?

Сэм помимо воли также уселся прямо.

Оглядываясь назад, он понимал, что, отправляясь на эту встречу, не знал, чего от нее ожидать. Когда Анни впервые высказала предположение (после весьма бурного разговора), что, быть может, пришла пора попробовать экстракорпоральное оплодотворение, именно Сэм предложил обратиться в «Витек» — он слышал о компании от коллеги, связанного с естественными науками, затем еще от состоятельной клиентки, которая воспользовалась услугами «Витека» и осталась очень этим довольна. Однако Сэм не обсуждал с ними подробности. Как только они с Анни решили действовать, Сэм старательно заполнил все анкеты и прилежно сдал образец спермы в лабораторию компании. Однако вплоть до сегодняшнего дня он полагал, что они с Анни смогут выбрать пол будущего ребенка, устранить риск врожденных заболеваний и, быть может, чуточку повысить его коэффициент интеллекта. Небольшая фора в нашем мире, пронизанном соперничеством. Что-то вроде того, чтобы отдать своего ребенка в частную школу или обеспечить ему хорошую работу. Однако то, о чем говорил

Эйч Ти, казалось чем-то гораздо более продвинутым…

— Сущее безумие, — помолчав, согласился Сэм.

– *Потрясающее* безумие! — улыбнулся Эйч Ти. И тут же снова сменил тему: — Я знаю, что последние шесть недель вы провели в разъездах. А это значит, что, пока мы собирали все необходимые материалы о вашем прошлом, у нас не было возможности обсудить с вами возможные варианты. Положительный момент заключается в том, что Анни уже уладила за вас многие юридические формальности. Она несколько часов беседовала со мной и другими консультантами, просматривая каталог профилей, и в итоге сократила выбор до трех вариантов, из которых вам предстоит тоже сделать выбор.

Эйч Ти помолчал для пущего эффекта.

— Не могу не отдать должное вашей жене, Сэм. Большинство тех, кто ради своего супруга сужает нашу вселенную до трех кандидатов, совершает классическую ошибку: в итоге остаются три варианта, по большому счету, идентичных. В определенном смысле эти люди уже сделали свой выбор относительно того, какого ребенка хотят воспитывать, но просто еще не поделились этим со своим супругом.

Он подмигнул Сэму.

— Но Анни… — Эйч Ти накрыл ладонью папку, лежащую рядом с нетронутым кофе. — Она выбрала три совершенно *разных* профиля. Я хочу сказать, это три совершенно разных человека, которые проживут совершенно разную жизнь, однако все трое будут вашими детьми, которыми вы с Анни сможете гордиться. Итак, теперь я мог бы передать вам подробные биографии, чтобы вы получили некоторое представление об этих трех кандидатах, но мы уже давно выяснили, что большинству людей трудно перевести все существенные детали в зрительный образ. Поэтому мы поступили следующим образом: мы взяли все данные из биографий и превратили их в три коротких фильма, и эти фильмы представят вам трех разных детей, которые, с нашей помощью, могут быть у вас с Анни. Мы называем их «проекциями». Каждый фильм длится всего несколько минут, но они предоставят вам пищу для размышлений, чтобы вы с Анни смогли выбрать лучший вариант.

Эйч Ти хлопнул ладонью по столу.

— Что скажете, Сэм? Вы готовы?

— Я готов.

— Тогда за дело!

Первая «проекция»

Схватив пухлую зеленую папку, Эйч Ти вскочил с кресла и повел Сэма по коридору, по пути приветливо махая рукой коллегам. Где-то в середине здания он открыл дверь и жестом пригласил Сэма войти. Внутри был зрительный зал с экраном и шестнадцатью удобными креслами, расставленными по четыре в ряд.

От Эйч Ти не укрылось, как удивленно поднял взгляд Сэм при виде такого количества кресел.

— Иногда наши клиенты приводят на просмотр своих родственников или друзей, — объяснил он. — Но, между нами, я считаю, что это не лучшая затея. Я хочу сказать, непросто обсуждать со своими родственниками и друзьями, как *назвать* своего ребенка, правильно? А тут речь идет о нюансах характера и личностного потенциала.

Появился молодой мужчина в черных брюках и белой сорочке, похожий на официанта. Эйч Ти повернулся к Сэму.

— Вы точно не хотите ничего выпить? Капучино? Минеральная вода? Джин с тоником?..

Должно быть, при словах «джин с тоником» Сэм выразил удивление, потому что Эйч Ти хитро

усмехнулся.

— Это ведь ваш любимый напиток, верно? — Вместо объяснения он похлопал по зеленой папке, затем перешел на более серьезный тон. — Согласен, до пяти вечера еще далеко, но мы считаем, что выпить стаканчик чего-нибудь бывает очень полезно. Это позволяет человеку расслабиться, чтобы он откинулся назад и наслаждался процессом — что очень важно. Потому что вы должны получать удовольствие от процесса.

— Один джин с тоником, — сказал Сэм.

— Принеси два, Джеймс!

Джеймс моментально вернулся с двумя джинами с тоником в хрустальных стаканах — похожих на те, из которых Анни и Сэм пили на своей свадьбе. У Сэма мелькнула мысль, есть ли это в папке.

В третий раз за час Сэму предложили сесть, и он воспользовался этим приглашением. Как и в зале совещаний, кресла крутились и качались, и Эйч Ти опять максимально полно воспользовался их техническими возможностями.

— Ваше здоровье! — сказал он.

— Ваше здоровье.

Они чокнулись, после чего Эйч Ти обернулся в сторону кинопроекторской.

— Так, Гарри, начинай.

Свет погас, Сэм отпил глоток и откинулся в кресле. Он вынужден был признать, что кресло поразительно удобное. Как и раньше, на экране появился логотип «Витека», но только теперь он начал уменьшаться в размерах, словно растворяясь вдалеке, и наконец полностью исчез. После подходящего промежутка времени — достаточно длинного, чтобы забыть логотип, но недостаточно длинного, чтобы нетерпеливо заерзать, — в середине экрана появилось одно-единственное слово: «Даниэль».

Сэм удивленно оглянулся на Эйч Ти, но тот улыбнулся и кивнул. С самого начала Сэм и Анни решили, что у них будет мальчик, но они спорили о том, какое ему дать имя. Анни хотела назвать сына Энди, в честь своего отца, а Сэм — Даниэлем, в честь своего дяди; оба родственника ушли из жизни недавно. Сэма тронуло то, что его жена остановилась на Даниэле, ничего ему не сказав.

Первыми кадрами «проекции» стал новорожденный младенец, спеленатый в голубое одеяло. Хотя человека, державшего ребенка, в кадре не было, по его рукам становилось очевидно, что это мужчина, предположительно, отец. Младенец не плакал. Не морщил личико, не дергался. Скорее,

как заметила комментатор: «С самого рождения с лица Даниэля не сходила улыбка».

Далее комментатор описала покладистый характер маленького Даниэля и его позитивный взгляд на жизнь, сопровождая свой рассказ короткими сюжетами о том, как мальчик в восемь лет помогает своему другу на игровой площадке, в пятнадцать лет накрывает на стол, а в двадцать два года на площадке перед престижным колледжем в Новой Англии в окружении своих сокурсников бросает в воздух студенческую шапочку, а родители с гордостью смотрят на него.

Сэм вздрогнул, осознав, что родители, стоящие спиной к камере, напоминали постаревших его и Анни. Но, разумеется, так и должно быть. Это ведь предположительно *их* ребенок. И руки в первых кадрах были не какими-то «отцовскими»; это были *его собственные* руки. При этой мысли Сэм уселся в кресле прямее.

Теперь Даниэль сидит за рулем потрепанного фургона, рядом с ним миловидная светловолосая девушка, а сзади картонные коробки. Проезжая по мосту, молодые люди наклоняются вперед и смотрят в лобовое стекло на небоскребы мегаполиса. Они останавливаются перед узким шестиэтажным зданием, из серии дешевого

арендного жилья, в котором начинают свою взрослую жизнь молодые горожане. Держа в руках коробку, Даниэль придерживает плечом входную дверь, пропуская в дом свою подругу. Далее Даниэль стоит перед входом в современный деловой центр под названием «Сенчури-Тауэр». Проверив адрес по записанному на листке бумаги, Даниэль поднимает взгляд на сияющий фасад здания, после чего решительно проходит во вращающуюся дверь.

Хоть Сэм прекрасно сознавал, что вся эта постановка от начала до конца является вымыслом, он помимо воли ощутил определенный оптимизм, даже гордость, увидев, как Даниэль едет в машине вместе со своей очаровательной подругой, придерживает перед ней дверь, входит в это сверкающее офисное здание. Это чувство гармонировало с теплым шумом в голове, начинающимся от джина.

Поднявшись наверх, Даниэль представляется своему начальнику, тот проводит его в кабинет и знакомит с коллегой — еще одним молодым парнем лет двадцати с небольшим, который, это чувствуется сразу, станет первым другом Даниэля в большом городе. Когда Даниэль занимает свое место, готовый приступить к работе, ком-

ментатор подтверждает, что Даниэль начинает новую жизнь «с теми же самыми покладистым характером и позитивным взглядом на жизнь, которыми отличался с самого своего рождения».

Но не успела она завершить эту фразу, как набежали черные тучи, в ускоренном темпе проносящиеся над «Сенчури-Тауэр», и звучание музыкального сопровождения стало более зловещим. После чего комментатор подправила свое предыдущее замечание, добавив, что «не все в окружении Даниэля были такими же беззаботными».

Быстро сменяющиеся сюжеты показывают, что среди коллег Даниэля действительно есть более честолюбивые, более целеустремленные, более беспощадные люди. Кульминацией становится кадр, в котором «первый друг» Даниэля останавливается перед его столом и кладет ему документы на обработку. Камера фокусируется на настенных часах, стрелки которых начинают крутиться все быстрее и быстрее, до тех пор пока не сливаются, затем останавливаются на шести часах. Камера отъезжает назад, показывая Даниэля за тем же столом, но только теперь ему уже за тридцать. Работу ему подкладывает другой сотрудник, заметно его моложе.

От Сэма, не отрывавшего взгляда от экрана, не укрылось, что на всех этих кадрах Даниэль продолжал улыбаться. Однако теперь улыбка его была чуточку усталой, виноватой, быть может, даже смущенной. Сэму было больно видеть это.

Вечером Даниэль возвращается домой, в то же самое шестиэтажное здание. Он поднимается пешком по лестнице и заходит в маленькую квартиру, в которой тесно от велосипеда, детской кроватки и игрушек. Сбросив рюкзачок на пол, Даниэль проходит на крохотную кухоньку, где сидит его жена, один ребенок у нее в руках, другой на коленях. Вдруг сверху слышится ритмичный гул громкой танцевальной музыки. Даниэль смотрит на свою жену, по щекам которой стекают слезы усталости.

И сразу же следующий сюжет: утром Даниэль заходит в «Сенчури-Тауэрс», проходит в кабинет начальника, который теперь занимает его бывший друг, и коротко говорит: «Я увольняюсь».

Музыка накатывается волнами виолончели, скрипки — Сэм не может точно сказать. Но это определенно какие-то струнные.

Даниэль и его жена все в том же стареньком фургоне, но только теперь на заднем сиденье двое их детей, а на крыше все их пожитки. Направля-

ясь в противоположную сторону, они проезжают по тому же самому мосту, который выводит их на шоссе, а затем на пустынные проселочные дороги. Даниэль и его жена снова наклоняются вперед, чтобы смотреть в лобовое стекло, но только теперь они наслаждаются зеленой листвой. В маленьком городке — вероятно, где-нибудь в Вермонте, — они проезжают мимо белой церкви и пожарной команды, затем мимо местной начальной школы, на двери которой висит объявление: «Открыт набор». Когда они выбираются из своей машины перед скромным маленьким домом, Даниэль обнимает свою жену за талию, а их маленькие дети радостно бегут по лужайке.

Экран гаснет.

* * *

Когда в зале зажегся свет, Эйч Ти уже смотрел на Сэма.

— Потрясающе, правда?

Сэм не знал, что сказать. У него голова пошла кругом. Возможно, всему виной был джин. Но было также что-то глубоко пугающее в просмотре тридцати лет жизни — жизни твоего собственного ребенка, — сжатых в несколько минут.

— Что это было? — в конце концов спросил

Сэм. — Юридическая фирма? Рекламное агентство?

— Разве это имеет значение?

— А разве нет?

Эйч Ти развернулся лицом к Сэму, чтобы уточнить свое замечание.

— Сэм, не думайте, у нас нет хрустального шара. Это просто «проекция» — тщательно просчитанная, подкрепленная статистическими расчетами, — но тем не менее всего лишь предположение. Она рассчитана на то, чтобы дать вам представление об общих *контурах* жизни Даниэля, без указаний конкретных деталей. Поэтому что это было, юридическая фирма или рекламное агентство? Мы не знаем. Но, с учетом его генетической структуры и вероятного воспитания, мы с большой долей уверены в том, что, окончив довольно престижный гуманитарный колледж, *этот* Даниэль устроится на работу в крупную фирму в большом городе. Так что вы правы, это юридическая фирма, консультационная компания, рекламное агентство. В Чикаго, Атланте или Сан-Франциско. Это переменные величины, но независимо от того, какой именно выбор сделает Даниэль, в конечном счете его жизнь сложится примерно одинаково. Но давайте не будем за-

стревать в мелочах. Что вы думаете *в общем?*

— Вначале все было очень хорошо, — помолчав, признался Сэм. — Мне понравился нарисованный образ. Но было очень тяжело смотреть, как Даниэль дожил до тридцати лет, добившись столь малого. Я имею в виду, в профессиональном плане.

— Разумеется, — кивнув, согласился Эйч Ти, принимая подобающее серьезное выражение. — Это классический провал во втором акте.

Он продолжал кивать.

— Что вы хотите сказать? — нахмурился Сэм.

— Ну как же, вы сами знаете. Провал во втором акте — после уверенного начала человек сталкивается лицом к лицу со своими собственными ограничениями.

— Это обязательно?

Эйч Ти пожал плечами, показывая, что правила устанавливает не он.

— В определенном смысле это неизбежно. Все мы рождаемся с какими-то сильными сторонами, которые в идеале подпитывают наши родители, а затем укрепляет образование и общение с нашим окружением. Однако эти сильные стороны необязательно помогают нам в любых обстоятельствах на всех этапах жизни. Мы растем и входим в но-

вые условия, и внезапно наши сильные стороны начинают мешать нашему продвижению вперед, что, в свою очередь, может вызывать разлад в доме. Оказавшись в подобной ситуации, мы рано или поздно вынуждены принять тот факт, что тот подход к жизни, который был у нас в прошлом, больше не является эффективным. Точно так же, как Даниэль сталкивается с тем, что его доброжелательная предрасположенность, так помогавшая ему в молодости, теперь не приносит ему пользы, когда он работает в крупной фирме, пронизанной духом соперничества.

Эйч Ти снова перешел на воодушевленный тон.

— Так вот, некоторые люди, столкнувшись с таким откровением, могут попытаться превратить себя в тех, кем они не являются. Что мне очень нравится в выборе Анни, так это то, что данный вариант Даниэля с самого начала принимает себя таким, какой он есть. Вместо того чтобы менять себя, он меняет свое *окружение.* Он забирает свою семью и перебирается в мир, в котором его жизненные ценности больше соответствуют пути к счастью. Мы ведь то, кто мы есть, правильно? И нет смысла заталкивать себя в гору.

«Заталкивать себя в гору…»

Услышав эту лаконичную фразу, Сэм, вместо того чтобы привязать ее к Даниэлю, поймал себя на том, что думает о своей жене. Анни училась в престижном гуманитарном колледже — похожем на изображенный в «проекции», — в котором специализировалась на английской литературе и защитила диплом по божественной неопределенности в поэзии Эмили Дикинсон[13]. И хотя затем она окончила юридический факультет университета и устроилась в навороченную фирму, в последнее время она, похоже, стала находить больше удовольствия в своих увлечениях, чем в работе. Быть может, выбирая эту «проекцию», Анни выражала сожаление о той жизни, которую они выбрали для себя в крупном городе, а не в каком-нибудь пасторальном поселке?

Эйч Ти внимательно следил за Сэмом, изучая выражение его лица.

— Ну что скажете? Вы готовы ко второй «проекции»? Или желаете немного прерваться?

— Нет, все в порядке, — заверил его Сэм. — Я готов.

---

[13] Примечания: 13

Дикинсон, Эмили Элизабет (1830–1886) — американская поэтесса. Ее стихи вызвали неблагоприятные отзывы критики в конце XIX и начале XX века, однако в настоящее время Эмили Дикинсон рассматривается критикой как одна из величайших американских поэтесс.

— Замечательно.

Вторая «проекция»

Когда свет погас, Сэм допил джин с тоником. И снова на экране погас логотип «Витека» и появилось имя «Даниэль», после чего начался фильм. На этот раз закадровый текст читал мужчина.

«С самого своего рождения Даниэль прислушивался только к своим собственным желаниям…»

После кадров спеленатого младенца со сморщенным личиком последовали короткие сюжеты. Четырехлетний Даниэль с жаром, словно он всесторонне обдумал этот вопрос, объясняет, что сейчас ему спать не надо. В пятнадцать лет Даниэль спрашивает у преподавательницы по литературе: «*Мы* сейчас читаем «Тома Сойера» и «Великого Гэтсби» только потому, что *вы сами* читали их в школе?» В двадцать один год Даниэль стоит в кабинете декана колледжа, желающего знать, почему он не пришел на экзамен по политической экономике.

— Потому что я писал стихи, — небрежно отвечает Даниэль.

— Разве это не могло подождать?

— Подождать чего?

На экране декан хмурится, но в зрительном

зале Сэм смеется.

Теперь Даниэль сидит в том же самом фургоне, что и в первой «проекции», но вместо хорошенькой блондинки рядом с ним на сиденье старенькая пишущая машинка. Когда он отъезжает, вдалеке видны его однокурсники в мантиях, подбрасывающих в воздух шапочки. Даниэль проезжает по тому же самому мосту и оказывается в том же самом городе. Он заходит в то же самое шестиэтажное здание с пишущей машинкой в одной руке и холщовой сумкой в другой, ни перед кем не придерживая дверь. И снова Даниэль приходит к «Сентрал-Тауэр» и смотрит на написанный на бумажке адрес. Однако теперь, окинув взглядом сверкающий фасад небоскреба, он бормочет: «Да пошло все это!..» Швырнув бумажку в урну, он проходит мимо, засунув руки в карманы.

Внезапно мы слышим характерные вступительные аккорды «Словно перекати-поле» Боба Дилана[14]. Под звуки музыки на экране монтаж, показывающий жизнь Даниэля в городе: он моет посуду в китайском ресторане, выпивает в какой-то забегаловке в компании забулдыг, далеко

[14] Примечания: 14

Боб Дилан (наст. имя Роберт Аллен Циммерман, род. 1941) — американский музыкант, художник и писатель.

за полночь стучит на пишущей машинке в своей однокомнатной квартире и, наконец, отправляет рукопись, которая, попав на чей-то стол, удостаивается односложного ответа: «Отклонить».

Под гимн Дилана образы повторяются: мойка посуды, выпивка, печатание на машинке, отклонение. Когда серия повторяется в третий раз, музыка затихает, и мы слышим, как хозяин ресторана делает Даниэлю выговор. «Да пошел ты», — говорит Даниэль и швыряет фартук на пол. В забегаловке, где он торчит со своими дружками, появляются прилизанные молодые парни. Когда один из них делает Даниэлю замечание, что здесь курить нельзя, тот разбивает ему в кровь нос. А когда через минуту вышибала выбрасывает его на улицу, Даниэль кричит ему вслед: «Да пошел ты!..»

Помимо воли Сэм отметил с родительским беспокойством, что Даниэль, после того как бросил колледж, произнес всего три фразы, и все три приблизительно одного и того же содержания.

Следующий кадр: Даниэль сидит в оцепенении перед пишущей машинкой со свисающей с губы сигаретой, рядом бутылка бурбона и еще одна законченная рукопись. После неуютной паузы Даниэль печатает несколько слов и вынимает

страницу из машинки. Крупным планом показывается название его новой книги: «Да пошла ты, Америка». Но на этот раз рукопись, попав на чей-то стол, получает одобрительное: «Купить».

Далее смена сюжетов ускоряется. Работает типографский пресс. В книжном магазине складывают стопки книг под вывеской: «Сногсшибательный бестселлер». В роскошной гостинице в Беверли-Хиллз Даниэль пожимает руку знаменитому кинопродюсеру, который только что купил у него права на экранизацию книги. После премьеры он выходит из кинотеатра под руку с актрисой, снявшейся в главной роли. В Голливуде риелтор вручает ему ключи от роскошного особняка в стиле модерн. Когда Даниэль входит в дом, камера показывает панораму холмов и рекламный щит с афишей «Да пошла ты, Америка». На дальнем плане сгущаются мечущиеся тучи. Несколько раз день сменяется ночью и наоборот, и на рекламном щите появляется афиша продолжения «Да пошла и ты, Европа».

Теперь на экране бульвар Сансет, по которому Даниэль поздно ночью мчится в дорогом кабриолете, виляя из стороны в сторону. На горном серпантине он врезается в почтовый ящик перед собственным домом, после чего, шатаясь, бредет

мимо выстроившихся в ряд роскошных автомобилей, не обращая внимания на разбитый в кровь лоб. В особняке в разгаре беспорядочная пьянка, судя по всему, продолжающаяся уже несколько дней. Даниэль хватает в баре бутылку бурбона, уходит к себе в комнату, садится на кровать и отпивает из горлышка солидный глоток.

Утро. Крупный план лица Даниэля: следы похмелья, щетина, на лбу засохшая кровь. Камера отъезжает назад, показывая, что он лежит на полу. Когда его налитые кровью глаза открываются, он замечает в темноте под кроватью громоздкий силуэт. Даниэль прищуривается, и силуэт оказывается в фокусе. Это пишущая машинка. У Даниэля на лице появляется хитрая усмешка.

Экран гаснет.

* * *

На этот раз когда зажегся свет, уже Сэм смотрел на Эйч Ти.

— Вы шутите?

Эйч Ти опешил от его тона.

— Это вы о чем?

— Анни видела это? — указал на экран Сэм.

— Разумеется, видела. Она *выбрала* эту «проекцию». Это задело какую-то струну у нее в душе.

— Задело струну!

Эйч Ти чуть повернулся в кресле.

— В чем дело, Сэм? О чем вы думаете?

— Данная «проекция» дает ясно понять, что этот Даниэль жалок.

— Ну хорошо, — кивнув, согласился Эйч Ти. — Но мне бы хотелось взглянуть на все несколько иначе. Вы абсолютно правы в том, что, учитывая характер успеха Даниэля, его жизнь наполнилась пустой роскошью и лживыми отношениями. Однако именно пустота своей жизни и позволяет ему увидеть ситуацию такой, какая она есть.

— И это должно согреть мне душу.

— Ну конечно! — Крутанувшись в кресле, Эйч Ти развернулся к кинопроекторской. — Эй, Гарри, верни последний кадр.

На экране снова появилось помятое лицо второго Даниэля.

— Сэм, вы видите эту улыбку? Неужели она не вызывает у вас зависть? Я хочу сказать, Даниэлю только что явилось видение того, что является важным в жизни. Я обожаю визуальный подтекст этого кадра, потому что куда сейчас смотрит Даниэль? На свою пишущую машинку! Все те годы, что он вкалывал на кухне, жил в дешевой квартире, писал книги, которые никто не хотел

читать, он испытывал нужду и отвержение, но при этом у него также были свобода и внутренняя целостность. — Эйч Ти удовлетворенно покачал головой. — Полагаю, мы можем предположить, что его жизнь сделает потрясающий поворот.

Сэм смотрел на застывшее лицо Даниэля, думая о своем. Что мог означать тот факт, что Анни выбрала именно *эту* «проекцию»? В определенном смысле Сэм не мог не принять ее на свой счет. Он тоже поступил в гуманитарный колледж, где на первом курсе изучал Шекспира и баловался стихами — как и все остальные. Но затем он выбрал своей специальностью экономику и защитил диплом по Джону Мейнарду Кейнсу[15]. Но можно ли его из-за этого считать предателем? Был бы он более *свободным* и *внутренне цельным*, если бы мыл посуду и жил в однокомнатной квартире?

— Вы готовы к третьей «проекции»? — спросил Эйч Ти.

— Я готов ко второму стакану джина с тоником.

Эйч Ти, до того неизменно готовый удовлетворить любую прихоть клиента, замялся.

---

[15] Примечания: 15

Кейнс, Джон Мейнард (1886–1946) — выдающийся английский экономист, основатель кейнсианского направления в экономической науке.

— Вы точно хотите еще один?

— Абсолютно точно.

— Как я вам уже говорил, Сэм, один стакан алкоголя повышает степень восприятия, однако мы заметили, что второй стакан может ее понизить.

— Думаю, я как-нибудь с этим справлюсь.

Эйч Ти, словно хороший адвокат, выразил без слов дружескую озабоченность.

Сэм, клиент, поднял стакан и погремел кубиками льда.

Поэтому появился Джеймс в черных брюках и белой сорочке, быстро принесший второй коктейль.

— Теперь вы готовы? — с некоторой прохладой спросил Эйч Ти.

Подняв в воздух указательный палец, Сэм залпом выпил треть джина с тоником. Затем, поставив стакан, сказал:

— Поехали!

Третья «проекция»

«С самого рождения все давалось Даниэлю легко…»

Под рассказ комментатора — снова женщины — о «природной хватке» Даниэля подборка коротких сюжетов показывала, с какой легкостью он заводил друзей, учился, занимался спортом.

Скептик у Сэма в душе хотел закатить глаза при виде этого Даниэля, которому все давалось без труда. Однако он знавал таких людей — таким, например, был Джон, его сосед по комнате в общежитии на первом курсе. У этого Джона, родившегося в Уилмингтоне и выросшего в Сент-Поле, спорилось любое дело. Сэму хорошо запомнился тот день, когда Джон впервые попробовал свои силы в лакроссе[16]. Увидев, как другие студенты играют на площадке, Джон взял клюшку и через считаные минуты уже ловил, вел и бросал мяч как заправский игрок в лакросс — точно так же некоторые юные музыканты откладывают один

[16] Примечания: 16

Лакросс (лякросс) — командная контактная спортивная игра с использованием небольшого резинового мяча и клюшки, представляющей собой сетку на длинной рукоятке.

инструмент и начинают играть на другом, даже не потрудившись послушать объяснения.

У Сэма ничего такого не было. Но наши гены не просто выражают то, какие мы. Они содержат всевозможные способности, накопленные предыдущими поколениями, которыми, возможно, не будем обладать лично мы, но мы сможем передать их своему потомству. Так что кто может утверждать, что он не породит сына, обладающего природной хваткой его бывшего однокурсника?

Обнадеженный этой мыслью, Сэм смотрел, как на экране сцены в студенческом городке сменились «Сенчури-Тауэр», где Даниэль, уже тридцатилетний, в сшитом на заказ костюме идет по коридору. У него на лице улыбка, под мышкой несколько папок, проходят мимо коллеги одних с ним лет в похожих костюмах, он приветственно вскидывает вверх руку. Затем останавливается перед столом, за которым другой молодой мужчина забивает данные в компьютер. Когда мужчина поднимает взгляд, Сэм с ужасом понимает, что это тот же самый актер, который играл роль Даниэля в первой «проекции». Новый Даниэль бросает папки на стол старому Даниэлю, отпуская самодовольное замечание о том, что «покой нам

только снится».

Вечером того же дня (пока первый Даниэль предположительно корпит над работой) третий Даниэль сидит в дорогом ресторане, обхаживая официантку. Через секунду после того, как та сует ему бумажку со своим телефоном, появляется очаровательная молодая женщина, целует Даниэля и садится. Даниэль берет ее руку, и мы видим у нее на пальце кольцо, которое он ей только что надел.

На экране снова офис, молоденькая секретарша выходит из служебного помещения, поправляя юбку, а следом за ней выходит сияющий Даниэль, поправляющий галстук. Когда Даниэль возвращается в свой просторный кабинет, там его ждет начальник.

— Можно тебя на минутку, Данно?

«Данно?» — подумал Даниэль.

Он проводит Данно в зал для совещаний, где уже сидят еще два высокопоставленных руководителя, мужчина из отдела кадров и женщина из юридического отдела. Даниэлю предлагают сесть.

— Нам стало известно, — говорит мужчина из отдела кадров, — что этим летом вы, предположительно, спали с одной из практиканток…

— С двумя, — поправляет женщина из юридического отдела.

— С двумя практикантками.

— Насколько я помню, — выразительно подмигивает Даниэль, — спать нам особо и не пришлось.

Следующий кадр: охранник выводит из кабинета Даниэля, несущего в руках картонную коробку. Когда он проходит через офис, кое-кто из сотрудников, включая первого Даниэля, встает и аплодирует.

Предвидеть следующую последовательность сюжетов Сэму до боли легко. Невеста швыряет Даниэлю кольцо и захлопывает дверь; Даниэль пробует устроиться на работу, но его нигде не берут; Даниэль проводит вечера в полном одиночестве в квартире, на вид роскошной, но холодной и неуютной.

Проходит год, возможно, два. Присмиревший, скромный, близкий к краху Даниэль стоит перед маленьким офисным зданием, читает список арендаторов и находит фирму «Макклинток и компания». Поднявшись наверх, он заходит в приемную с обшарпанной мебелью и пустым столом секретарши.

— Я могу вам чем-либо помочь? — спрашивает

шестидесятилетняя негритянка, вышедшая из кабинета.

— Да, — отвечает Даниэль. — Я бы хотел поговорить с мистером Макклинтоком.

— Это *я* мистер Макклинток, — кисло отвечает негритянка.

Даниэль смущенно кашляет.

— Прошу прощения, миссис Макклинток. У меня десятилетний опыт работы в этой области, и я надеялся, что у вас есть вакансия…

— Единственная вакансия, которая у нас есть, — перебивает его негритянка, указывая на стол секретарши, — вот здесь.

— Я согласен, — говорит Даниэль.

— Всё, хватит, хватит! — воскликнул Сэм. — Я понял! Достаточно!

Когда Гарри остановил воспроизведение и зажег свет, Эйч Ти удивленно повернулся к Сэму.

— Разве вы не хотите увидеть, что было дальше? Это же самое интересное!

— О, могу себе представить, — ответил Сэм. — Под чутким руководством этой новой мудрой наставницы Даниэль станет хорошим.

— Совершенно верно, — подтвердил Эйч Ти. — Классно, правда?

— Но в таком случае почему он должен был

быть таким козлом, чтобы стать хорошим?

— Это классический второй акт, Сэм. Вначале…

— Эйч Ти, позвольте тут прервать вас. Что такое этот ваш «классический второй акт»? Мы же говорим не о голливудском фильме.

— Разумеется, Сэм, мы говорим не о голливудском фильме. Мы говорим о жизни вашего сына. Но откуда, по-вашему, идет трехактовая структура? И почему именно с ее помощью чаще всего обращаются к зрителям? Потому что это идеал. Универсальный образ, переходящий из поколения в поколение. Не случайно, когда Сфинкс задает Эдипу свою загадку, ответом являются три стадии человеческой жизни.

— Эдип! Вы знаете, что он спал со своей матерью и убил собственного отца?

— Ну хорошо, — примирительно поднял руки Эйч Ти. — Возможно, не лучший пример. Бесспорно, человеческая жизнь сложная и многогранная. Но она склонна двигаться по дуге, ведущей от юношеской самоуверенности через период неудач к третьей фазе, в которой, если человеку повезло, он принимает свои ограничения и, став мудрее, может вести полноценную жизнь.

— А поскольку Даниэлю все давалось легко, он кончает тем, что становится козлом?

— Не «кончает», Сэм. Он *начинает* козлом. Но к тому времени как он признаёт полную бездуховность своей жизни, у него остается еще много лет — быть может, полстолетия, — чтобы найти более достойное применение своим способностям. Какой потрясающий третий акт! Вы шутите? Да я с радостью пробыл бы козлом первые тридцать лет своей жизни, для того чтобы последующие пятьдесят быть мудрым!

Сэм не знал, как отнестись к такому признанию. В конце концов он просто обреченно покачал головой.

— На мой взгляд, все это ваше предположение — чистое безумие. Далеко не все жизни разыгрываются так. Например, лично мне не пришлось последние пятнадцать лет пьянствовать и попрошайничать, чтобы подготовиться к третьему акту.

Эйч Ти, внимательно слушавший его, открыл было рот, собираясь заговорить, но все-таки оставил свое мнение при себе, что было совершенно не в его духе.

— В чем дело? — спросил Сэм.

— Ничего.

— Говорите же! В чем дело?

Эйч Ти пожал плечами.

— Вы, если так можно выразиться, смешали яблоки с апельсинами. Только и всего.

— Это вы о чем?

— Последние пятнадцать лет у вас уже шел третий акт.

— Прошу прощения?

— Что я могу вам сказать? У нас есть ваше генетическое строение и профиль вашей личности. Мы знаем, как вас воспитывали, какое образование вы получили, как двигалась ваша карьера, и мы сопоставили все это с имеющейся у нас базой данных того, как складывается жизнь того или иного человека. Не вызывает никаких сомнений, что второй акт был у вас, еще когда вы учились в колледже.

— В колледже?

— Порой бывает и так, Сэм. Вы сами все рассказали в своей анкете. У вас было идиллическое детство в красивом доме в пригороде с летними поездками на море. Но затем ваш отец бросил свою работу инженером в крупной корпорации, купил медный рудник, перевез свою семью в Юту, и тут начались неприятности. Подождите. Как вы их описали? — Эйч Ти раскрыл зеленую папку и быстро нашел нужную страницу. — «Ни одно обещание полностью не выполнялось, ни

один счет полностью не оплачивался, ни одна мечта полностью не осуществлялась».

— Я помню, что я написал.

Почувствовав по его тону, что он зашел слишком далеко, Эйч Ти принял более сочувствующий тон.

— За время учебы в колледже, Сэм, вам многое пришлось пережить. В то время как остальные заботились только о том, как бы выпить и потрахаться, вы помогали своему отцу договариваться с поставщиками, успокаивать рабочих, умолять банки, а в конце концов проходить через банкротство. И в процессе этого вам пришлось принять то, что человек, которого вы идеализировали всю свою жизнь, на самом деле оказался совсем не таким, каким вы его представляли. И после всего пережитого вы дали себе зарок никогда не ввергать *свою* семью в такие испытания. Вы прилежно учились, целеустремленно двигались вперед, старательно избегали любого риска, обеспечивая то, что ваши дети, когда они у вас появятся, будут расти на фундаменте финансовой стабильности. Вот почему вам нечего стесняться своего третьего акта, Сэм. Наоборот, вы должны невероятно гордиться тем, чего достигли.

И Сэм, возможно, ощутил бы хотя бы частично

эту гордость, если бы Эйч Ти не упомянул о том, что он «старательно избегал любого риска». В отличие от большинства своих коллег Сэм никогда не стремился заняться куплей-продажей — устроиться в частную финансовую фирму или инвестиционный фонд, где жизнь и смерть аналитика определяются тем, какие рекомендации он дает своим клиентам, но зато есть возможность заработать *настоящие* деньги. Он даже не пытался сделать шаг вбок в той компании, в которой работал, перейти в быстрорастущие отделы новых технологий или телекоммуникаций. Пусть в коммунальных услугах все строго расписано и темпы роста невелики, как любил повторять своим клиентам Сэм, но зато здесь все предсказуемо и доход стабильный.

Однако хоть упоминание Эйч Ти об этих упущенных возможностях и укололо Сэма, это не шло ни в какое сравнение с тем, как больно его укололо осознание того, что в своей анкете для «Витека» он ни о чем таком не обмолвился ни словом. Если все это есть в его досье, значит, эту информацию выдала Анни, предположительно в качестве примера отсутствия у ее мужа честолюбия и силы характера.

Сэм покачал головой.

— Возможно, в ваших словах и есть доля истины, — наконец признал он. — Но я полагаю, нас с Анни ждет еще один акт.

— О, — ответил Эйч Ти, — я не говорил, что у Анни это третий акт. Мы убеждены в том, что у нее это еще второй.

Мы как раз говорили о вас

Сэм хлопнул дверью своей новой машины. Точнее, попытался хлопнуть. Но дверь, как и двигатель, была настроена на то, чтобы работать гладко и бесшумно. Поэтому когда Сэм дернул ее на себя, она двинулась, приостановилась и закрылась с негромким щелчком.

— Твою мать! — бросил Сэм двери.

Он нажал кнопку включения, и двигатель ожил с едва уловимой дрожью. Словно в унисон у Сэма в кармане завибрировал телефон, сообщая о входящем звонке, предположительно от Анни или с работы. Не обращая на него внимания, Сэм включил навигатор.

«Куда собираетесь поехать?» — спросил тот.

— Дом двести десять по Восточной восемьдесят пятой улице.

«Следуйте по выделенному маршруту. Поверните направо на дублер и езжайте восемь миль до выезда на автостраду».

На выезде со стоянки перед «Витеком» Сэм притормозил, хотя машин на шоссе не было. Навигатор рассчитал, что домой он приедет в 19.34 — до ужина времени более чем достаточно.

Однако Сэм вдруг ощутил желание повернуть налево и доехать до самого Ориент-Пойнт — чтобы посмотреть на тот домик у моря, который снимали на лето его родители до того, как отец ушел с работы, с корнем выдрал свою семью и перетащил ее на Запад.

Сзади Сэму посигналили.

Не включая поворотник, Сэм повернул направо и поехал обратно в город. Начался дождь.

Вдоль дублера, проходящего параллельно автостраде, тянулись столбы телефонной линии, по которой, вероятно, телефонные разговоры больше не передавались. Одно время это шоссе было главной артерией, ведущей из города в конец полуострова, но автострада превратила его во второстепенную дорогу, окруженную захудалым бизнесом. Так, Сэм проехал мимо мотеля, построенного в конце 1950-х, со стоянкой в три раза больше той, что требовалась сейчас.

Впереди Сэм увидел другое напоминание о лучших днях старого шоссе: бар, представляющий себя как «Наполовину полный стакан», с огромной неоновой вывеской, изображающей наклоненный стакан с мартини, над допотопной будкой телефона-автомата на обочине. Проезжая мимо, Сэм обратил внимание на то, что на

дне стакана была неоновая оливка, теперь не горящая.

Сэм свернул к обочине; пропустив две машины, он развернулся в три приема и направился обратно.

Навигатор запищал, сообщая о перестройке маршрута.

«Поверните налево на Мейпл-стрит, проезжайте одну восьмую мили, после чего поверните налево на Чёрч-стрит.

Вместо этого Сэм свернул налево на стоянку перед «Наполовину полным стаканом». Она также была втрое больше необходимого; сейчас на ней стояли лишь несколько пикапов и старых седанов американского производства. Выйдя из машины, Сэм поспешил к входной двери, спасаясь от усилившегося дождя.

Внутренняя обстановка определялась подсвеченными эмблемами различных сортов пива, висящих на стенах, и доносящимся откуда-то стуком бильярдных шаров. Справа от Сэма тянулся ряд кабинок, занятых группами по два-три человека, а слева была стойка, вдоль которой на высоких табуретах сидели мужчины в рабочей одежде. Кое-кто обернулся и посмотрел на Сэма, показывая всем своим видом, что привык

узнавать всех, кто заходит в бар. Увидев Сэма, все снова отвернулись к своим кружкам пива.

Дав своим глазам привыкнуть к полумраку, Сэм прошел в зал в поисках тихого места. Вдруг он с изумлением увидел в четвертой кабинке Эйч Ти, беседующего с темноволосой женщиной. Сэм не мог себе представить Эйч Ти в подобном заведении. Быть может, он вдруг подумал, что его «впечатления будут усилены», если он выпьет сразу после работы. Сэм шагнул было к нему, собираясь сделать язвительное замечание на этот счет, но вдруг сообразил, что брюнеткой в кабинке была Анни.

Сбитый с толку, Сэм застыл на месте. Они с Анни собирались обсудить свои «варианты» за ужином сегодня вечером. Неужели она приехала сюда, чтобы заблаговременно узнать у Эйч Ти реакцию мужа? Но, еще задавая себе этот вопрос, Сэм обнаружил, что между двумя бокалами красного вина на столе лежат переплетенные пальцы Эйч Ти и Анни.

Подняв взгляд, Эйч Ти выпустил руку Анни.

— Сэм! — бодро воскликнул он. — Вы появились как нельзя кстати! Мы как раз говорили о вас.

Выскользнув из кабинки, Эйч Ти встал, чтобы пожать Сэму руку.

Что было к лучшему, потому что так Сэму оказалось проще ударить его в лицо. Сэм еще никогда никого не бил. Поэтому со всей остротой новых ощущений он почувствовал, как хрустнул хрящ у Эйч Ти в носу, увидел, как его голова дернулась назад и он отпрянул в кабинку.

Послышался стук в стекло.

— Эй! Приятель, у вас там все в порядке?

Встрепенувшись, Сэм увидел, как кто-то заглядывает ему в машину. Это был небритый мужчина лет шестидесяти, развернувший над головой газету для защиты от дождя. Сэм опустил стекло.

— Все в порядке? — снова спросил мужчина.

— Да, — ответил Сэм. — Все нормально. Спасибо.

— Ну хорошо, — пробормотал мужчина и заковылял к бару.

Какое-то время Сэм сидел, глядя на скользящие из стороны в сторону щетки стеклоочистителя. Настроение его приподнялось после удара, который он не нанес. Выйдя из машины, он последовал за незнакомцем.

Внутри «Наполовину полный стакан» оказался почти таким же, каким Сэм его представлял. Хотя бильярдный стол в дальнем углу действительно

стоял, шары по нему никто не катал; и хотя слева была стойка, а справа тянулись кабинки, между ними стояло несколько столиков на четверых; и хотя перед стойкой на табуретах действительно сидели работяги, никто из них не потрудился обернуться на вошедшего в зал Сэма.

Сэм сел у самого конца стойки, в нескольких табуретах от мужчины, стучавшего в стекло его машины. Из музыкального автомата в углу доносился мелодичный ритм-энд-блюз. Сэм тщетно попытался вспомнить исполнителя.

— Джин с тоником, — сказал он бармену, кладя свой телефон на стойку экраном вниз. — О, я передумал, дайте лучше с мартини.

— У вас есть какие-нибудь предпочтения насчет джина?

— Любой приличный.

Зазвучала другая песня, и Сэм начал постукивать пальцами по стойке, радуясь своей способности вспомнить или — предугадать ее заразительные ритмы. Но когда бармен принес ему коктейль, налитый в стакан для виски с кубиками льда, Сэм испытал разочарование.

— С вас десять долларов, — сказал бармен.

— А что же в таком стакане?

— Стаканов для мартини у нас нет.

— Но как же вывеска?

— Какая вывеска?

Сэм собирался объяснить, но тут верзила в бейсболке, сидящий справа от него, повернулся и оглядел его с ног до головы.

— Все в порядке, — уступил Сэм. У него снова завибрировал телефон. — На самом деле почему бы вам не приготовить еще один?

«Наполовину полный стакан»

Сэм был пьян. Он чувствовал это по тому, что начинал терять счет. Он потерял счет времени. Потерял счет тому, сколько «мартини» выпил и сколько раз жужжал лежащий на стойке его телефон. Он также не помнил, когда небритый мужчина, которого звали Носатым, пересел на табурет слева от него и как речь зашла об отце Сэма.

— Медный рудник! — воскликнул Носатый заплетающимся языком. — Хотел бы я владеть медным рудником!

— Поверь мне, — также заплетающимся языком ответил Сэм, — рудник тебе на хрен не нужен.

Носатый высказал удивление, и Сэм принялся перечислять причины.

— Сложившаяся отрасль… недифференцированный продукт… большие трудозатраты… чувствительна к состоянию экономики…

Загнув четыре пальца, Сэм остановился, уверенный в том, что должна быть еще и пятая причина.

Носатый слушал его, кивая с видом человека, который глубоко заинтересован, но ничего не

понимает.

— Если то, что ты говоришь, правда, — спросил он, — почему же твой предок ее купил?

— Это была его мечта, — сказал Сэм, поставив слово «мечта» на место, нарисовав пальцем в воздухе пару кавычек. Отпив глоток, он посмотрел на своего соседа. — Ты хочешь знать, какая задница это горнорудное дело?

— А то как же.

— Как-то раз, когда я учился в старших классах школы, мой старик забрал из банка все наши сбережения, гнал шесть часов до Лас-Вегаса, поставил всю пачку на черное и сорвал куш. Шесть… раз… подряд.

— Ни хрена себе! — пробормотал Носатый. — Ник, ты слышал?

Бармен, протирающий стаканы, сказал:

— Слышал.

— Ты знаешь, какова вероятность того, что в рулетке шесть раз подряд выпадет черное? — подавшись к Носатому, спросил Сэм.

Тот молча покачал головой.

— Один к семидесяти шести. И вот благодаря такому везению, которое случается раз в жизни, мой отец оттянул неизбежное еще на четырнадцать месяцев. — Сэм поднял стакан. — За

одиннадцатую главу[17], — сказал он, залпом выпивая мартини.

— Ну, по-моему, в конечном счете все сложилось, — заметил Носатый, указывая на костюм Сэма, а затем на стоянку, предположительно в направлении его машины.

— Если все и сложилось, — возразил Сэм, — то уж никак не благодаря моему папаше. Эта машина, костюм…

Сэм покачал головой, не закончив фразу. Затем он сменил тему.

— Мне сорок пять лет, и я только собираюсь завести своего первого ребенка. И знаешь почему? Потому что я ждал. Ждал, когда у меня в кармане будут деньги, «подушка безопасности» в банке и трехкомнатная квартира в Ист-Сайде с выплаченной ипотекой. Вот почему!

— У тебя будет ребенок! — воскликнул Носатый, словно только это он и услышал.

— Мы этим занимаемся… — неопределенно махнул рукой Сэм. — Вот почему я здесь.

Улыбка у Носатого на лице погасла.

— Вот почему ты где?

---

[17] Примечания: 17

Одиннадцатая глава Федерального закона о банкротстве США позволяет должнику временно сохранить контроль над своей компанией и разработать план погашения долгов.

— «Через одну милю воспользуйтесь съездом номер 46 и держитесь левее», — спародировал Сэм.

— Ты имеешь в виду «Витек»?

— Он самый.

Отвернувшись от Сэма, Носатый многозначительно посмотрел на Ника. По крайней мере, так многозначительно, как это мог сделать пьяный. Затем он снова повернулся к Сэму.

— Это одна из этих клиник искусственного оплодотворения, верно?

— Не «одна из», — поправил Сэм. — Это *та самая* клиника.

— Ну и как там все это делают? Ты платишь деньги и выбираешь, мальчик или девочка, глаза голубые или карие?

Сэм презрительно рассмеялся.

— Голубоглазый мальчик, кареглазая девочка — это все ерунда для дилетантов. В «Витеке» тебе предоставляется возможность выбрать *очертания* своего ребенка.

— Очертания?

— То, какой у него будет характер. Какую он сделает карьеру. Как у него сложится жизнь.

— Высший класс, — заметил Ник.

Сэм посмотрел на бармена. Ему захотелось

спросить, что должна означать эта хохма, но Носатый опередил его.

— Это как раз то, Ник, о чем я тебе говорил.

— Что ты ему говорил? — вопросительно посмотрел на него Сэм.

Носатый склонился к нему.

— Ты знаешь, когда открылся «Витек»?

— Где-то с год назад?..

— Совершенно верно. Но известно ли тебе, что до того находилось в этом здании на протяжении десяти лет?

— Нет.

— «Рейтеон». — Увидев на лице у своего собеседника полное недоумение, Носатый уточнил: — Компания «Рейтеон» из Уолтэма, штат Массачусетс. Один из крупнейших в мире подрядчиков в военной сфере. Десять лет компания занимала это здание, люди приходили и уходили в любое время дня и ночи. И вдруг как-то утром в сентябре прошлого года все машины исчезли, здание стоит темным, вывеска исчезает. Через две недели стоянка полна, свет снова горит, а вывеска гласит: «Корпорация Витек».

Он выразительно кивнул Сэму, надеясь на полное понимание.

Тот покачал головой, показывая, что по-преж-

нему сбит с толку.

— Всего через две недели! — сказал Носатый. — Тебе это не кажется несколько странным? Одна компания в одночасье освободила здание, а совершенно новая корпорация заняла ее место всего через четырнадцать дней? Существует только одно возможное объяснение этому. На самом деле здание не меняло хозяев. И корпорация «Витек» на самом деле не корпорация «Витек». Это *отделение* «Рейтеона». — Он подался к Сэму. — Что, если задуматься, имеет смысл.

— Какой смысл?

— Как какой — генетика является будущим военной промышленности.

Сэм уже подозревал, что у Носатого не все дома, и все-таки у него по спине пробежала холодная дрожь.

— Не зря же это называется контролем за рождаемостью, — продолжал Носатый. Отпив глоток пива, он добавил: — Я все это записал.

— Твоя беда в том, — вставил Ник, — что у тебя слишком много свободного времени и тебе нечем его занять.

Не обращая на него внимания, Носатый прищурился, глядя на Сэма.

— Позволь спросить тебя вот о чем: чтобы

произвести это оплодотворение, тебе всучили грязный журнал и отправили в маленькую комнату, чтобы получить образец?

— Что-то в таком духе, — подтвердил Сэм.

— Но это назвали «образцом», верно?

— Кажется, да.

Носатый кивнул с видом человека, знавшего это с самого начала.

— Выбор слов не случаен. Это называют «образцом», чтобы ты думал, будто это какая-то маленькая характерная часть чего-то другого. Но на самом деле ты дал этим людям не какую-то маленькую характерную часть чего-то другого. Это и есть то самое. На самом деле именно в этом вся соль.

Сэм посмотрел на Носатого, пораженной величием его мании. Затем он повернулся к Нику.

— Как насчет того, чтобы еще по одной мне и моему другу?

— Вам не кажется, что с вас достаточно? — посмотрел на него Ник.

— Ну всего по одной? — попросил Сэм, стараясь улыбнуться в духе Даниэля номер один.

Или, быть может, в духе Даниэля номер три.

Так или иначе, он улыбнулся.

— Я вам вот что скажу, — сказал Ник. — Я при-

несу вам стакан воды. Выпейте сначала его, а затем мы поговорим о продолжении.

— Как скажете, хозяин.

Ник ушел за стаканом воды, а у Сэма снова завибрировал лежащий на стойке телефон.

— Слушай, приятель, — сказал Носатый, — это опять твой телефон. Наверное, он жужжит уже в десятый раз. Может, тебе лучше ответить.

Сэм огляделся по сторонам.

— Ты слышишь какое-то жужжание? — Взяв телефон, он покрутил его над стаканом воды и разжал пальцы. — Потому что я ничего не…

Но прежде чем Сэм успел договорить, сидящий справа от него верзила положил руку ему на плечо, повернул его лицом к себе и ударом кулака отправил в нокаут.

Мелкие монеты

Лежа на спине, Сэм открыл глаза и увидел над собой яркий свет.

«О господи! — подумал он. — Я лежу на операционном столе!»

Но тут в поле зрения появилось небритое лицо Носатого.

— Эй, Ник, он очнулся!

Теперь над Сэмом склонился бармен.

— Аллилуйя, — сказал он.

Сэм попробовал было пошевелиться, но Ник положил ему руку на плечо.

— Дружок, полежи-ка минутку неподвижно. Ты грохнулся и ударился головой.

Несмотря на предложение Ника, Сэм закинул ноги вправо и уселся, прислонившись спиной к стойке. Стараясь собраться с мыслями, он заметил, что музыкальный автомат не играет, что у него на рубашке кровь и что почти все табуреты перед стойкой пусты — в том числе тот, на котором сидел верзила в бейсболке.

— Этот человек ударил меня! — воскликнул Сэм, указывая обвиняющим перстом на пустой табурет.

— Кто? — сказал Ник. — Тони?

— Верзила, который сидел здесь. Я положил свой телефон в стакан с водой, а он ни с того ни с чего развернул меня и ударил.

— На самом деле ты бросил свой телефон в водку с содовой Тони. Так что… — Ник пожал плечами, выражая вселенское отпущение грехов.

С помощью Носатого Сэм поднялся на ноги. В зеркале у Ника за спиной он увидел, что вокруг левого глаза у него уже набухает синяк.

— Классный будет фингал, — подтвердил Ник.

— Мне еще никогда не ставили синяки.

— Ну надо же когда-то начинать, — усмехнулся Носатый. — Недаром это заведение называется «Наполовину полный стакан»!

Когда Сэм снова уселся на табурет, Ник положил на стойку полиэтиленовый пакет со льдом и поставил рядом стакан мартини.

— Пей, — сказал он. — Это за счет заведения.

— Я так и не выпил свою воду.

— Ты все равно протрезвел.

Приложив пакет со льдом к глазу, Сэм наблюдал, как Ник занимается своими делами.

— Я тебе не нравлюсь, да?

— Я тебя не знаю.

— Наука утверждает, что мы можем сформиро-

вать долгосрочные впечатления о других людях всего за две минуты, — сказал Сэм.

— Вот как?

— Это правда, — подтвердил Носатый. — Я читал в каком-то журнале.

— Послушай, Ник… Я могу называть тебя Ником?

— Ты можешь называть меня как тебе угодно.

— Я понимаю, что мы не знаем друг друга. И я приношу свои извинения, если чем-то тебя задел. Но я все-таки хочу понять, в чем дело.

Ник снова смерил Сэма взглядом, словно оценивая его более тщательно. Затем, кивнув дважды, в основном себе самому, он положил обе ладони на стойку.

— Мы с женой женаты уже тридцать четыре года, — начал он. — Выросли мы в глухом маленьком городишке, жена забеременела, когда ей был двадцать один год. Я в ту пору работал водителем-дальнобойщиком, был членом профсоюза и зарабатывал по десять долларов в час, а Бетти работала в больнице. Мы отложили немного денег и купили маленький дом с маленьким двориком, рассуждая, что, если Бог даст, заведем второго ребенка. Мы родили второго ребенка? Не поверишь, оказалось, это тройня. Мальчики-двойняшки

и девочка. Я даже не знал, что такое бывает. С четырьмя детьми в возрасте до четырех лет я вынужден был уйти из дальнобойщиков, а Бетти уволилась из больницы. Но мы не сдавались. Я устроился в местную строительную фирму, а по выходным красил дома. Дети росли на гамбургерах и наггетсах и учились в государственной школе, трое мальчишек спали в одной комнате, Салли в другой. Но постепенно мы с женой поняли, что наша Салли — самая слабая из помета — в то же время была самой умной. Умнее всех своих братьев. Умнее нас с женой. Поэтому мы решили отдать ее в частную школу. Мы выжали лимон чуть сильнее. И действительно, школу Салли окончила первой в классе, владея тремя языками. Она поступает в долбаный Йельский университет. Да, мы получаем кое-какую финансовую помощь, но ее явно недостаточно. Поэтому мы сажаем мальчишек за стол и объясняем, что нам придется пойти кое на какие жертвы. Близнецам придется довольствоваться государственным университетом или перед колледжем поработать пару лет. Что они и делают, без жалоб. Затем после первого семестра наша маленькая Салли приезжает домой на Рождество и не может встать с постели. Она полдня проводит у себя в комнате

с зашторенными окнами, говоря, что не хочет никуда выходить. Определенно, она не хочет возвращаться в Йель. Итак, мы приглашаем к ней психолога — опять выжать лимон. Проходит два месяца, и психолог говорит, что Салли хочет, чтобы мы все сели вместе и всё обсудили. Понимаешь, не только мы с Бетти, но все вшестером. Эд просит краткосрочный отпуск в своей части в Кэмп-Пендлтоне, Джимми приезжает на автобусе из Нью-Йоркского университета, а Билли возвращается из Форт-Лодердейла, где он днем работает официантом, а вечером учится в кулинарном училище. Но приезжают все. И мы собираемся все вместе в кабинете психолога. Всем неуютно. Никто ничего не говорит. Проходит десять минут, пятнадцать. Вдруг кто-то что-то говорит, и все четверо начинают говорить разом. Они говорят о своем детстве. О том, что они думают о нас и друг о друге. О том, что думают о себе. И знаешь что? Это был самый интересный день в моей жизни. — Ник взял у Сэма пустой стакан. — Так что в конечном счете, думаю, твой отец мне ближе.

Сэм понял, что последнее замечание должно было стать пощечиной, и именно это он и почувствовал. Он встал с табурета, едва не опрокинув его. Достав из бумажника две новенькие

сотенные бумажки, он показательным жестом швырнул их на стойку. После чего вышел из «Наполовину полного стакана» под проливной дождь.

Еще когда Сэм бежал через стоянку к своей машине, он уже пожалел о том, что бросил деньги на стойку. Ник воспримет это как доказательство худших своих подозрений насчет типов в костюмах на заказ с навороченными машинами. Но Сэм бросил деньги на стойку не для того, чтобы похвалиться своим богатством. Он сделал это, чтобы показать, что он не из тех, кому нужно ехать шесть часов в Лас-Вегас и поставить на кон всё только для того, чтобы еще какое-то время поддержать на плаву свою глупую затею.

Сев в машину, он дернул дверь, но та закрылась не сразу, позволив дождю промочить салон. Нажимая на кнопку включения двигателя, Сэм случайно взглянул на часы и увидел, что опаздывает уже на два часа.

— Проклятие!

Достав из кармана телефон, Сэм нажал на кнопку, но ничего не произошло. Ему потребовалось какое-то время, чтобы сообразить, что телефон не откликается, потому что он сам окунул его в водку с содовой Тони.

— Проклятие! — снова выругался он.

Тряхнув головой по поводу этого фиаско, сотворенного собственными руками, Сэм вытер с лица дождь и ощутил резкую боль в скуле. Включив свет в салоне, он посмотрел на себя в зеркало заднего вида и увидел, что фингал уже расцвел. Можно добавить это к списку того, в чем ему придется каяться, когда он вернется домой. Но, размышляя над этим, Сэм заметил в углу зеркала гордый прямоугольник телефонной будки на обочине.

От этого зрелища Сэм испытал душевный подъем. Он похлопал себя по карманам брюк и куртки, проверяя, не завалялось ли у него какой-нибудь мелочи, — но, разумеется, ничего не нашел. Черт возьми, у кого сейчас есть мелочь? Сэм заглянул в лоток между сиденьями, однако машина была слишком новая, чтобы накопить обычный автомобильный мусор.

Загнанный в тупик, Сэм огляделся по сторонам.

Определенно, в «Наполовину полный стакан» он не вернется.

Но на стоянке оставались другие машины…

Собравшись с духом, Сэм выбрался из машины и проскользнул к стоящему рядом пикапу, на вид

еще более древнему, чем бар. По каким-то необъяснимым причинам двери оказались заперты. Сэм перешел к «Крайслеру», давно нуждающемуся в покраске. Дверная ручка многообещающе поддалась. Оглянувшись на бар, Сэм быстро открыл дверь, забрался внутрь и снова закрыл за собой дверь, чтобы вспыхнувший в салоне свет был виден не больше секунды. Поскольку было уже темно, Сэм сунул руку в карман, чтобы воспользоваться фонариком на телефоне. На этот раз он вспомнил, что телефон умер, еще до того, как его достал.

В лотке между сиденьями стояли два пустых стаканчика из-под кофе. Переставив их на соседнее сиденье, Сэм нащупал на дне две десятицентовых монетки. Они прилипли, поэтому ему пришлось отдирать их ногтем. Сэм понятия не имел, сколько будет стоить звонок в город, но определенно двадцати центов хватить не могло. Сознавая то, что в любой момент из бара может появиться хозяин машины, Сэм порылся в бардачке — тщетно. Затем его вдруг осенило детское воспоминание — образ того, как он обшаривает отцовскую машину в поисках завалявшейся мелочи, чтобы можно было сходить в кино. Развернувшись на сто восемьдесят градусов, Сэм

засунул пальцы в щель между сиденьем и спинкой. Через считаные секунды он безошибочно нащупал диски двух четвертаков. Включив мышечную память, Сэм зажал монетки кончиками указательного и среднего пальцев и осторожно вытащил их из щели, куда они провалились.

Раздобыв необходимую мелочь, Сэм открыл дверь «Крайслера», намереваясь как можно быстрее покинуть машину. Но, уже вылезая из-за рулевого колеса, он заметил две фотографии, закрепленные на приборной панели. На обеих были сняты три мальчика и девочка. На первой фотографии, выцветшей от времени, дети, в возрасте восьми-девяти лет, стояли перед опрятным маленьким домом. На плечах у них были здоровенные ранцы — судя по всему, это был первый день нового учебного года. На второй фотографии они стояли в том же месте в том же порядке, но теперь им уже было лет по двадцать. Сэм решил, что этот снимок, вероятно, был сделан в то время, когда у Салли начались проблемы. Как правильно заметил Ник, она была самой маленькой из детей, ростом на полфута ниже своих братьев. Сэм со стыдом сообразил, что так и не поинтересовался у Ника, как сложилась жизнь у его дочери.

Выбравшись из машины бармена, Сэм на-

последок еще раз оглянулся, затем побежал к телефонной будке в конце стоянки. Открыв дверь, он удивился тому, что в будке зажегся свет, затем испытал облегчение.

— Благослови, господи, телефонную компанию, — пробормотал он.

Придерживая дверь ногой, чтобы свет не погас, Сэм вставил в щель всю добытую у Ника мелочь и набрал номер сотового Анни.

Но как только в трубке послышались гудки, до него дошло, что он совершил большую ошибку. Нужно было звонить на домашний — потому что дома Анни никогда не носит сотовый телефон с собой. Войдя в прихожую, она неизменно кладет его на пуфик у входной двери, вместе с ключами и бумажником. Даже если Анни услышит звонок, она не успеет добежать до телефона.

И действительно, после пяти гудков включилась голосовая почта.

Сэм не представлял себе, на сколько минут хватит его мелочи, но как только раздался сигнал, он не стал терять времени. Он извинился перед Анни. Извинился за то, что звонит так поздно, что не успел на ужин, что не смог позвонить. Сэм хотел извиниться и за многое другое, но, испугавшись, что время разговора подходит к концу,

он остановился, ожидая услышать записанный голос, требующий двадцать пять центов еще за две минуты.

Однако записанный голос так и не звучал, и Сэм стоял, молча прижимая трубку к уху — словно ожидая, когда ему ответят.

— Анни, извини, я очень виноват… — наконец начал он, но в трубке уже раздались частые гудки.

Выйдя из телефонной будки под дождь, Сэм непроизвольно поднял взгляд на неоновую вывеску. Быть может, это был обман зрения, быть может, в неоновых трубках на мгновение отразился свет проезжающей мимо машины, но Сэму показалось, будто на целую секунду оливка на дне стакана с мартини ярко вспыхнула.

Постояв, Сэм направился к своей машине. Предоставив двери закрыться так, как ей было угодно, он включил двигатель и выехал со стоянки.

«Задайте конечную цель поездки», — попросил навигатор.

Но Сэм его выключил. Ему не нужны были указания для того, чтобы доехать туда, куда он хотел.

Столик на четверых

Без четверти одиннадцать Ник и Носатый сидели в пустом баре за столиком на четверых, с чашкой кофе и стаканом пива. Пришла пора закрываться, и Ник еще должен был немного прибраться, так что, наверное, ему следовало бы выдворить Носатого, но дождь не утихал, а машины у Носатого не было, поэтому Ник решил угостить его пивом за счет заведения, пока сам он будет пить кофе. Он изредка поступал так — позволял Носатому задержаться после закрытия, лишь бы тот не болтал слишком много.

Они сидели молча, погруженные каждый в свои размышления, и вдруг дверь «Наполовину полного стакана» распахнулась настежь, и вошел мистер Нервный, промокший до нитки. Остановившись в дверях, он обвел взглядом зал. Затем сунул руку в карман и решительно направился к столику. На какое-то мгновение у Ника мелькнула мысль, что этот ненормальный вернулся с пистолетом. Должно быть, Носатый подумал то же самое, поскольку он побледнел. Но когда Нервный подошел к столику, он рухнул на стул напротив Ника и, не сказав ни слова, вытащил

руку из кармана и хлопнул ею по столу. Когда он убрал руку, посреди стола, освещенная лампой над головой, лежала маленькая пластмассовая пробирка, на дне которой была мутная белая жидкость.

— Матерь божья! — воскликнул Носатый, резко толкнув стол назад, словно это была взрывчатка.

— Ого, будь я проклят, — пробормотал Ник.

Нервный не казался самодовольным. Не казался победителем. Похоже, он был на грани принятия какого-то судьбоносного решения.

Не дожидаясь вопросов Ника и Носатого, Нервный объяснил, что, когда вернулся в «Витек», ему пришлось пятнадцать минут колотить в дверь, прежде чем охранник впустил его внутрь. После чего потребовалось еще пятнадцать минут, чтобы дозвониться до какого-то типа по имени Эйч Ти, для того чтобы вернуть назад свою хреновину.

Когда Нервный закончил говорить, Ник и Носатый не произнесли ни слова. Какое-то время они втроем сидели молча, не глядя друг на друга, сосредоточившись на том, что лежало посреди стола — на маленькой пластмассовой пробирке, в которой было и не было будущее. В которой было и не было наше будущее.

ОБ АВТОРЕ

Амор Тоулз

Американский писатель, родился в 1964 году в пригороде Бостона. Окончил колледж в Йеле и получил степень магистра по английскому языку в Стэнфордском университете. Двадцать лет работал в инвестиционной компании. Первый роман Rules of Civility (2011), как и следующий — «Джентльмен в Москве» (2016), — стали бестселлерами. Совокупный тираж составил четыре миллиона экземпляров. Книги были переведены на тридцать языков. Это позволило Тоулзу уйти с работы и посвятить все свое время писательскому ремеслу. В настоящее время он живет в Нью-Йорке с женой и двумя детьми.

Последний разговор. Пол Дж. Тремблэй

Paul Tremblay
The Last Conversation © 2019

001

В твоей комнате темно. Ты ничего не видишь. Ты лежишь в кровати. Твое тело накрыто одеялом. Ты шевелишь пальцами на руках и ногах, и шорох кожи по простыне звучит пугающе громко. Малейшее движение причиняет боль, от которой гудят мышцы и суставы.

Ты бодрствовал и не бодрствовал на протяжении нескольких дней, возможно, ночей, может быть, еще дольше. Ты не знаешь, где ты был тогда и до *тогда.* Прошло значительное количество времени, но от какого начала, ты не знаешь. Ты задумываешься над происхождением этого времени, в течение которого бодрствовал и не бодрствовал, и заключаешь, что в настоящий момент определить это невозможно.

Ты прислушиваешься. Ты моргаешь. Возможно, ты видишь в темноте какие-то силуэты, но полной уверенности у тебя быть не может. Твое дыхание учащается, как и пульс. Ты становишься в большей степени собой. В этом ты уверен; время больше тебе не враг, и чем дольше ты остаешься в сознании, тем дольше ты остаешься собой. Эта мысль тебя поддерживает и в то же

время пугает.

Ты ненадолго забываешься и представляешь себе ярко освещенную комнату с белым потолком, деревянным полом и желтыми стенами; такую окраску имеет какой-то цветок, однако ты пока не можешь думать о каких-то конкретных цветках. Ты прогоняешь случайные образы и вместо этого сосредоточиваешься на своей необъяснимой сонливости. В то же время есть ощущение пропущенного времени, из чего следует, что твое сознание в достаточной степени бодрствовало в этот промежуток и посему отдает отчет в том, что пропущенное время было. Ты был собой, и сейчас ты — это ты.

Ты пытаешься сесть, напрягаешь мышцы живота и отрываешься от кровати, поддерживая вес своего тела локтями и руками. Острая боль электрическим разрядом разливается по спине и уходит в дрожащие конечности. Ты вскрикиваешь. Боль невыносимая, всепоглощающая, она порождает ослепительные белые вспышки перед глазами, после чего крепко поселяется у тебя в голове. Боль подобна гигантской волне, грозящей смыть тебя прочь. Ты знаешь, что такое волна, но не можешь вспомнить, приходилось ли тебе когда-нибудь с ней сталкиваться.

Ты боишься повернуть голову, боишься пошевелиться. Ты боишься темноты, полного отсутствия света. Ты боишься погаснуть, сжаться, превратившись в ничто, вернуться туда, где ты был прежде. Ты боишься того, что движешься по кругу: ты уходишь только для того, чтобы затем снова очнуться в слепой агонии, после чего вернуться в бессознательное состояние, и потом снова очнуться в агонии, снова и снова.

Звучит электрический писк, затем жужжание и гудение каких-то механизмов. Тепло разливается по твоей левой руке, начиная от кисти и до самого плеча. Твое сознание сжимается до одной точки, и это тебя бесконечно пугает.

Ты ускользаешь прочь, и в твоей нарождающейся вселенной звучит эхо голоса, не принадлежащего тебе.

— Тебе станет лучше, — говорит женщина. — Боль утихнет. Я позабочусь о тебе. Мы начнем с завтрашнего дня. Отдохни немного.

005

— Доброе утро, _____.

— Доброе утро, доктор Кюн. Вы сегодня в комнате вместе со мной?

— Нет, меня там нет.

— О, я расстроен.

— Сожалею. Изоляция является необходимой мерой предосторожности, учитывая твою поврежденную иммунную систему, но эта мера временная.

— Ясно. Я хочу сказать, я понял.

— Да, конечно, _____. По десятибалльной шкале, один — боли нет, десять — боль худшая из всех мыслимых, оцени боль, которую ты испытываешь сегодня утром.

— Один.

— Ты уверен? Абсолютно никакой боли нет?

— Да.

— Спасибо, _____. Пожалуйста, расслабь руки, ноги, плечи. Хорошо. Пожалуйста, согни тело в пояснице. Спасибо. Боль какую-либо почувствовал? Если почувствовал, пожалуйста, оцени ее по той же самой десятибалльной шкале, что и прежде.

— По-прежнему единица. Если вы меня видите, я сейчас проверяю мышцы лица широкой улыбкой.

— Я очень рада, что боли больше нет.

— Когда я только очнулся, боль… ну описать боль трудно, правда? Боль — это очень субъективное ощущение, но та боль навеяла мысли, что я один или даже, быть может, что я — это не я.

— Я сожалею, что тебе пришлось через это пройти.

— Я так думаю, по вашей шкале это была десятка. Это было ужасно.

— У тебя замечательный прогресс. Свои мысли ты формулируешь значительно лучше, чем прежде.

— Кажется, я забыл, что значит «формулируешь».

— Ты отчетливо выговариваешь все слова, правильно произносишь взрывные и твердые согласные. Твоя речь стала более связной и понятной.

— Спасибо.

— Пожалуйста.

— Можно задать вопрос?

— Да.

— Я слепой или в комнате темно?

— Ты помнишь, что спрашивал у меня это накануне и позавчера?

— Помню.

— Пока что ответ прежний: и то, и другое.

— И то, и другое?

— В комнате темно. Твои глаза еще должны полностью откликнуться на лечение.

— А со временем я смогу видеть?

— Да.

— Я помню, что раньше мог видеть.

— Что еще ты помнишь?

— Я помню океан. Помню желтую комнату.

— Что еще, _____? Это все? Вчера ты смог вспомнить гораздо больше.

— Мне бы хотелось, чтобы вы спрашивали у меня, что я помню о конкретных событиях или образах, вместо общего «что еще ты помнишь?». Отвечать на такой расплывчатый вопрос очень трудно.

— Я понимаю твое огорчение, но наши разговоры являются частью твоего лечения. Они должны тебе помочь.

— Вижу. То есть я понимаю.

— Что еще ты помнишь, _____?

— Я помню, что у денег очень характерный запах, но я не помню этот запах. Я помню дождь.

Помню, что жил в маленьком коричневом доме с деревом во дворе.

— Как только зрение к тебе вернется, я покажу тебе картинку этого коричневого дома.

— На картинке будет дерево? Я не помню, что это было за дерево. Мне известны многие виды деревьев, например, береза и ель, но не все.

— Это была дикая яблоня. Ты помнишь еще что-нибудь?

— Кажется, я помню вас. По прошлому. Да, я помню вас по прошлому. Это так, доктор Кюн?

007

— Доктор Кюн, вы поставите мне еще раз музыку? А потом я, пожалуй, хотел бы снова послушать «звуки океана».

— Да, я поставлю музыку, но после нее будут «звуки леса». Однако сначала мы сыграем в слова-ассоциации. Я буду называть какое-нибудь слово, а ты должен будешь говорить первое слово, какое пришло тебе в голову. Это понятно?

— Да, думаю, понятно.

— Птица.

— Это теплокровное животное, откладывающее яйца, которое…

— Нет, _____. Тебе не нужно перечислять факты или определять данное слово. Твои темпы усвоения информации впечатляют, но я хочу, чтобы ты просто говорил первое слово, которое придет тебе на ум, или описывал образы, которые увидишь у себя в голове. Это понятно?

— Увижу в голове?

— Да. Попробуем еще раз. Если ты ничего не увидишь, тогда не надо ничего говорить.

— Я попробую.

— Вода.

— Влажный.
— Дом.
— Дикая яблоня.
— Птица.
— Я уже отвечал на этот…
— Я хочу, чтобы ты попробовал еще раз.
— Яйцекладущее… животное. Правильно?

009

У тебя чешутся глаза, и тебе сказали, это означает, что они выздоравливают и скоро ты снова сможешь видеть.

Последние три дня ты вставал с кровати и обходил по периметру свою комнату. Ты попеременно прикасался к стенам левой или правой рукой, в зависимости от того, в каком направлении двигался.

Тебе объяснили, что тренировки в темноте — это не идеальный выход, но они необходимы для предотвращения атрофии мышц, для их разработки. Ты проспал очень долго, и теперь после пробуждения следует ожидать проблем с физическим состоянием.

Сегодня в углу твоей комнаты тебя ждет беговая дорожка. Ты перебиваешь доктора Кюн, перечисляющую характеристики модели, установленной у тебя в комнате, и говоришь ей, что первая беговая дорожка была изобретена в конце девятнадцатого века в Англии. Она предназначалась для того, чтобы наказывать заключенных, ломать их психику. Ты процитировал некоего тюремного охранника по имени Джеймс Хар-

ди, написавшего о беговой дорожке: «ужас ее заключается не в жестокости, а в монотонном однообразии».

Первоначально ты воспринимаешь молчание доктора Кюн как удивление тем, что ты смог так быстро вспомнить эту информацию. Тебя беспокоит то, что информация может быть расплывчатой или ее нельзя усвоить. Что это говорит о тебе как о личности, о твоих интересах до того, как ты попал сюда?

Ты спрашиваешь, по-прежнему ли доктор Кюн здесь. Ты спешишь подправить свой вопрос объяснением: под «здесь» ты понимаешь другую комнату, обособленную от твоей, откуда доктор Кюн продолжает наблюдать за тобой, имея возможность при желании с тобой связаться. Опередив ее ответ, ты пытаешься пошутить, спрашиваешь, можно ли считать тебя арестантом, наказанным занятиями на беговой дорожке. О том, что это шутка, ты показываешь доктору Кюн своим смехом.

Она не смеется.

— Ты не арестант, — говорит она.

Ты скидываешь ноги с кровати, твои босые ноги шлепают по полу, который оказывается холоднее, чем воздух. Ты волнуешься и подумы-

ваешь о том, чтобы сказать доктору Кюн, будто испытываешь боль на уровне три или даже четыре из десяти, чтобы тебя не заставили заниматься на беговой дорожке, машине, как тебе известно, изобретенной для заключенных.

Следуя указаниям, ты делаешь четыре шага влево, затем три шага вправо. Твои руки хватают поручни, установленные на уровне пояса. Мягкие рукоятки проминаются, принимая форму твоих пальцев. Ты сжимаешь руки, не чувствуя своей силы, и ты не можешь вспомнить, чувствовал ли когда-либо себя сильным. Ты встаешь на край беговой дорожки и, шаркая ногами, продвигаешься вперед до тех пор, пока доктор Кюн не говорит тебе остановиться.

Она объясняет, что будет обратный отсчет из пяти электронных гудков, последний самый громкий и долгий. После чего лента у тебя под ногами придет в движение. Скорость движения будет регулироваться голосовыми командами доктора Кюн в соответствии с твоими шагами.

— Я не жду, что у тебя получится идеально, особенно с учетом твоего состояния и обстановки, — говорит доктор Кюн. — Не буду кривить душой: травма не исключена, может быть, даже неизбежна. Я сожалею, но, учитывая то, сколько

времени ты уже бодрствуешь, преимущества реальных аэробных упражнений многократно превосходят то, чего можно добиться воздействием на мышцы электрическими импульсами низкого напряжения. У тебя все получается великолепно, но, пусть и не по своей вине, ты отстаешь от графика.

Начинает пищать обратный отсчет. Гудки громче, чем ты предполагал. Ты ежишься от холода. Звучит последний сигнал, отзываясь отголосками в комнате и у тебя в голове. Ты непроизвольно хихикаешь от возбуждения и ужаса. У тебя в желудке образуется пустота. Твои ноги трясутся.

Ты скользишь назад, ахнув, поскольку это ощущение до странного напоминает то, как ты проваливался в бессознательное состояние в свой первый день, в тот самый первый день, когда ты очнулся в этой комнате.

«Ты не арестант».

* * *

— Иди.

Ты поднимаешь свою правую ногу, она такая тяжелая и неуверенная, и неуклюже заваливаешься вперед. Второй и третий твои шаги получаются чересчур широкими, и ты промахиваешься мимо

движущейся ленты, налетая одной ногой, должно быть, на кожух двигателя беговой дорожки. Ты уменьшаешь шаг, но слишком резко, спотыкаешься, теряешь равновесие и с размаха падаешь на одно колено, ударяясь подбородком о другое. Твои пальцы разжимаются, руки отрываются от поручней, тебя оттаскивает назад и сбрасывает на пол.

Жужжание электродвигателя прекращается. Ты пытаешься отдышаться. С трудом поднимаясь на ноги, ты хватаешь руками ноющий от боли подбородок и говоришь:

— Извините.

Ты плачешь.

Доктор Кюн не спрашивает, ушибся ли ты. Она снова и снова повторяет твое имя. В ее голосе нет ничего — ни изменения интонации, ни каких-то скрытых намеков на сострадание. Твое имя, многократно повторенное, это команда, призывающая к вниманию и сосредоточенности. Доктор Кюн произносит его до тех пор, пока твое дыхание не становится нормальным и ты не перестаешь плакать.

Она говорит, что у тебя все в порядке, хотя на самом деле тебе плохо. Она приказывает тебе сделать три глубоких вдоха и выдоха, после чего

снова подняться на беговую дорожку.

Что-то у тебя внутри кричит, что доктору Кюн нельзя больше верить, и требует спросить у нее, почему она хочет, чтобы ты вернулся на беговую дорожку, почему ты по-прежнему пребываешь в темноте, почему ты вообще здесь?

Ты ничего не спрашиваешь. Ты ничего не требуешь. Ты делаешь то, что приказано. Дрожащими руками ты стискиваешь поручни. Тебе говорят, что начнется обратный отсчет из пяти электронных гудков, последний из которых будет самым громким и длительным.

— Иди.

Ты еще дважды падаешь. Второй раз ты ударяешься лицом о поручень, от чего в темноте вспыхивают россыпи ярко-белых звезд.

— Иди.

Ты удерживаешь равновесие и находишь удобный ритм и ширину шага. Ты идешь и идешь, наслаждаясь механическим ритмом своего тела, освобождая сознание думать о коричневых домах и диких яблонях.

Доктор Кюн предупреждает тебя о том, что положенные тридцать минут истекли, и беговая дорожка останавливается. Лента больше не ползет, но ты ощущаешь под ногами призрачное

движение. Призрак — это нечто такое, что только тебе кажется, чего на самом деле нет. Ты гадаешь, не является ли призрачным время, поскольку тебе кажется, что шел ты гораздо дольше тридцати минут. Ты гадаешь, не лжет ли тебе доктор Кюн.

010

— Ты родился в Род-Айленде.

— Род-Айленд относится к группе Атлантических штатов. Это самый маленький штат по площади. Мы сейчас в Род-Айленде?

— Нет. В детстве ты спал плохо.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать.

— Твой рисунок сна — когда ты засыпаешь, сколько времени тебе требуется, чтобы заснуть, продолжительность сна, время, когда ты проснешься, — это все меняется.

— Сожалею, что со мной так трудно.

— Можешь не извиняться, по крайней мере передо мной. Ты был всего лишь ребенком и не принимал осознанных решений.

— Почему вы рассказываете мне все это?

— Я делюсь с тобой анекдотическим случаем из твоего детства, _____, потому что это частица того, кем ты являешься. По словам твоих родителей, им приходилось катать тебя на машине по району, чтобы ты заснул.

— Кажется, мне нравились поездки на машине.

— Твои родители также пытались держать

тебя на руках, прислонившись к стиральной машине, и даже издавали звуки машины, чтобы тебя убаюкать.

— Я этого не помню. Я не помню своих родителей. Я не помню Род-Айленд.

— Вспомнишь. Я помогу.

— Могу я спросить, где мы находимся?

— Мы очень далеко от Род-Айленда.

011

«Ходьба» переходит в «бег трусцой».

Ты падаешь всего один раз. И без приказа снова поднимаешься на беговую дорожку.

012

— Что еще ты помнишь, _____?

— Я помню ваше имя: Анна.

— Что еще ты помнишь?

— Я помню, как мои родители, когда я был маленьким, издавали губами глупые звуки, подражая машине.

— Что еще ты помнишь?

— Я помню музыку.

— Ты помнишь какую-то конкретную песню?

— Я помню первую песню, которую вы мне поставили. Это было восемь дней назад?

— Да.

— Мне очень нравится эта песня. Я прокручиваю ее у себя в голове, когда засыпаю, и нахожу ее там, когда просыпаюсь.

— Тебе всегда нравилась эта песня…

— Всегда? Это же очень долго?

— Да. А под «всегда» я подразумеваю то, что она нравилась тебе с того самого момента, как ты ее впервые услышал. Эта песня важна для нас обоих.

— Почему она важна для нас обоих?

— Эта песня звучала… в общем, она знаменует

особенный момент в наших жизнях. Это все, что я могу тебе сказать сейчас.

— Вы физически не можете сказать больше? Или не хотите мне говорить?

— В самую точку. Мой ответ: понемногу и того, и другого.

— Я не совсем понимаю.

— Ты помнишь какие-либо другие песни, которые я тебе не проигрывала?

— Кажется, да. У меня в голове звучит простая мелодия.

— Ты можешь напеть или насвистеть ее мне?

— У меня нет свистка.

— Попробуй напеть…

— Ну как, получилось? Вы ее узнали?

— Это было просто прекрасно. Я ее узнала. Мне очень нравится эта песня, но она неизменно навевает на меня грусть.

— Я ее помню именно поэтому?

014

Со стороны доктора Кюн, или Анны, как тебе теперь полагается ее называть, нет никаких торжественных церемоний, заявлений или хотя бы предупреждений касательно твоего зрения. Однажды ты просто просыпаешься и обнаруживаешь, что видишь.

В комнате темно, но далеко не так темно, как прежде. Возвышающиеся под одеялом контуры твоих ног и торса является желанным зрелищем. Ты говоришь себе: «Я все время видел вот так же», и веришь в это. Ты поднимаешь руки вверх и смотришь на них, сжимая кулаки.

Ты усаживаешься в кровати. Облегающая рубашка с коротким рукавом, надетая на тебе, не белая. Возможно, она зеленая. Ты помнишь, что такое зеленый цвет, не так ли? Стены в твоей комнате гладкие, и ты думаешь, что они белые, но сказать точно ты не можешь, потому что все еще темно. Беговая дорожка в углу размерами меньше, чем ты предполагал. Ты снова смотришь на стены, затем на потолок, на дверь в ванную и на очертания двери в нише, которая еще не открывалась с тех пор, как ты пришел в сознание.

— Я вижу, что ты можешь видеть, _____, — смеется Анна. Она радуется своему каламбуру или тому, что твоим глазам вернулась способность видеть? Возможно, и тому, и другому. В последних разговорах она советовала тебе не ограничивать свое мышление двузначной логикой. Черное или белое, то или это, правильно или неправильно — вот были ее примеры двухмерного мышления.

— Да, могу. Как вы это определили? Вы обладаете способностью видеть моими глазами?

— Нет. Я определила это, наблюдая за твоим поведением, глядя на то, как ты обводишь комнату своими большими красивыми глазами. — Она снова смеется.

— У меня красивые глаза?

— Да, красивые.

Вспыхивает сетка прямоугольных световых панелей под потолком. Яркость свечения нарастает, рассеивая темноту.

Анна говорит, что тебе потребуется несколько минут, чтобы привыкнуть к свету. Ты щуришься и терпеливо ждешь, а тем временем твои зрачки сужаются, регулируя световой поток, попадающий на сетчатку глаз.

В стене слева от тебя сдвигается панель, открывая плоское черное стекло. В этом стекле

маленькое перевернутое отражение тебя, сидящего на кровати.

— Пожалуйста, обрати свое внимание на экран.

Экран заполняется обширным пустым полем, заросшим зелено-бурой травой. Высокая трава колышется и качается на ветру. Ты слышишь шелест и шорох, и это сочетание изображения и звука по какой-то необъяснимой причине вызывает у тебя слезы. Над полем такое же бескрайнее голубое небо, усеянное клочьями белых облаков. Одно облако медленно продвигается в верхнюю часть экрана.

Ты вспоминаешь зеленый цвет и понимаешь, что твоя футболка обладает другим оттенком зелени.

— Я помню это место, — говоришь ты. — Я здесь бывал. — Возможно, это неправда, но тебе это кажется правдой, что хорошо, поскольку ты выходишь за границы двухмерного мышления, за пределы правды и неправды.

018

Анна заставляет тебя напрячься (ее выражение).

Ты выполняешь последовательность отжиманий, начиная с пятнадцати, затем десять секунд отдыха, потом четырнадцать, и так далее до одного отжимания на трясущихся руках.

Затем «ходьба», переходящая в «бег трусцой», переходящий просто в «бег».

Ты больше не падаешь.

020

— Анна, если можно, пожалуйста, я бы хотел снова увидеть то просторное поле или посмотреть еще один фильм про океанские глубины. Или послушать еще одно оркестровое произведение.

— Вначале мы сыграем в слова-ассоциации. Я буду называть какое-нибудь слово, а ты должен будешь говорить первое слово, какое…

— Да-да, понимаю.

— У тебя плохое настроение?

— Да, наверное.

— На то есть какие-либо причины?

— Я хочу посмотреть те фильмы, о которых говорил, и…

— Да, _____, продолжай.

— Я хочу выйти из этой комнаты.

— Обещаю, что ты выйдешь из этой комнаты, однако пока что ни ты, ни я к этому не готовы. Твоя иммунная система еще не готова.

— Если я не могу выйти, вы должны рассказать мне больше обо мне, больше о нас и о том, где я нахожусь и как сюда попал.

— Я начну это в самое ближайшее время.

— Правда?

— Да.

— А почему не сейчас? Я бы хотел, чтобы вы начали прямо сейчас.

— Сейчас мы сыграем в слова-ассоциации. Я буду называть какое-нибудь слово, а ты должен говорить первое слово, какое пришло тебе в голову. Это очень важно, _____.

— Почему это важно?

— Подобные игры помогают тебе восстанавливать память и совершенствовать свою речь. Твой мозг не отличается от мышц в том плане, что после такого продолжительного сна ему нужно упражняться, набираясь сил. И точно так же как беговая дорожка для развития сердечно-сосудистой системы гораздо эффективнее воздействия на мышцы электрическими разрядами, я могу стимулировать когнитивное восприятие и память только в очень ограниченных объемах без твоего… без твоего активного участия.

Ты злишься и решаешь не давать Анне удовлетворения своим вопросом, что такое «когнитивное восприятие», даже полагая, что она сразу же даст тебе ответ.

— Например, — продолжает Анна, — помнишь наш спор о способности использовать в речи

метафоры?

Разумеется, ты помнишь, и ты помнишь, как тогда попробовал описать светильники под потолком как клетки шахматной доски. Ты знаешь, что такое шахматная доска, но не помнишь, играл ли когда-либо в шахматы.

— Ты на меня злишься, _____?

— Я хочу, чтобы вы перестали спрашивать у меня, помню ли я что-либо из того, что было всего три дня назад.

Следует недолгое, но очень пугающее молчание, и ты спрашиваешь:

— Анна, вы еще здесь?

— Птица.

— У меня нет на это настроения. Я не хочу…

— Птица, — повторяет Анна, когда ты не отвечаешь. — Птица.

— Муха, — говоришь ты.

— Облако.

— Я.

— Я? Почему ты ответил «я»?

— Не знаю. Это первое, что пришло мне на ум. Вы нарушаете правила своей собственной игры, прося меня объяснить свой ответ.

— Ну хорошо. Небо.

— Голубое.

— Семья.
— Распалась.
— Мы.
— Мы?
— Да, мы.
— Ну, *вы* мне говорите, что мы партнеры.

022

— Пожалуйста, подойди к экрану. — Экран синий, не такой, как небо, другой. — Когда на нем появится красная точка, прикоснись к ней как можно быстрее указательным пальцем любой руки.

— Очень хорошо, _____. Теперь ты видишь перед собой лабиринт. Пожалуйста, протащи мигающий значок в левом нижнем углу к выходу в правом верхнем углу. Каждый последующий лабиринт будет более сложным.

— Отлично! Да, я довольна количеством пройденных лабиринтов. Ты заслужил перерыв. У меня для тебя подарок. Под кроватью лежат очки виртуальной реальности. Сядь на кровать, повернись лицом к комнате и надень очки.

— Ты видишь перед собой то место, где мы жили.

— Да (*смех*), погода там сейчас замечательная.

— Пожалуйста, медленно иди вперед, вытянув перед собой руки.

Если ты почувствуешь, что сбился с пути, и тебе станет страшно, помни, что ты можешь снять очки.

— Коричневый, с дикой яблоней перед входом. Он самый.

— Да, это был старый дом.

— Да, мы были в нем счастливы.

023

— Анна, там есть еще кто-нибудь, кроме вас?

— Ты постоянно меня об этом спрашиваешь. Мой ответ остается неизменным.

Ты продолжаешь спрашивать, потому что тебе не нравится ее ответ. Ты продолжаешь спрашивать, потому что, возможно, неправильно формулируешь свой вопрос. Вот чего ты боишься: ты не задаешь нужные вопросы и останешься в этой комнате до тех пор, пока их не задашь.

— Как я могу знать, — говоришь ты, — что никто другой вдруг не появился с тех пор, как я спрашивал в последний раз?

— Если бы здесь был кто-либо помимо меня, я бы тебе сказала. Но я не жду, что кто-нибудь еще появится в Комплексе.

— Почему?

— Как мы уже говорили, в мире бушует пандемия, и мы в изоляции. Ты веришь мне, _____?

— Да, по большей части. Но иногда не верю. Я с вами откровенен.

— Знаю и очень это ценю.

— Временами мне кажется, что я слышу за стенами своей комнаты голоса других людей. На

мой взгляд, это не *изоляция.*

— Здесь больше никого нет. Ты слышишь меня, или шум воздуха в вентиляционной системе, или другие механические звуки, или ты слышишь звуки, раздающиеся в твоей комнате, и неправильно их интерпретируешь.

— Возможно.

— Здесь только ты и я. Обещаю. Скоро ты сам это увидишь.

— Скоро. Вы постоянно говорите: «скоро». По-моему, мы с вами по-разному понимаем значение этого слова.

024

— Твоя мать сидела с тобой дома до тех пор, пока ты не пошел в детский сад.

— Это сейчас она на экране, вместе со мной?

— Да.

— Я ее помню.

— Что ты помнишь?

— Я… я ее помню. Помню ее смех, помню, как она смущала меня перед моими друзьями, называя «солнышком» и «милым». Это так? Разве вы мне не говорили об этом?

— Когда ты пошел в школу, твоя мать снова стала работать в агентстве недвижимости. Она частенько работала по двадцать пять часов в сутки.

— Разве в сутках не двадцать четыре часа? Ой, подождите, вы использовали образное выражение. Вы хотели сказать, что моя мама работала подолгу, дольше обыкновенного, дольше, чем от нее требовалось.

— Твой отец работал в газовой компании Уэйкфилда, в основном как мастер по установке и обслуживанию оборудования.

— Скажите, на кого я больше похож, на маму

или на папу?

— На мой взгляд, ты в равной степени похож на обоих родителей.

Ты уверен в том, что Анна ждет, чтобы ты снова спросил у нее, как ты выглядишь. Это унизительный вопрос. Сколько она ни говорит, что старается помочь тебе восстановить свою память, осознать в полной мере, кто ты такой, но если не считать нескольких твоих детских фотографий, она до сих пор не позволяет тебе увидеть то, какой ты сейчас. Зеркала в твоей комнате нет. В ванной тоже нет. У тебя есть только плоский экран и мимолетные мгновения, когда он становится черным. Ты плаваешь в этих чернилах, разлитых по черному стеклу, но это лишь силуэт, контур, размытое лицо, а затем экран скрывается за раздвижной панелью.

— Я бы хотела, чтобы ты рассказал мне о поездках на море со своими родителями.

— Зачем? Мы уже делали это вчера, дважды, а до того накануне.

— Потому что повторение поможет тебе вспомнить, и вспомнить больше.

— Практически каждые выходные, — говоришь ты, — мы уезжали из нашего старого дома в Потукете, в котором жили две семьи, на море в

Наррагансетт.

Ты останавливаешься, недоверие и раздражение бесследно улетучиваются, и ты погружаешься в бесконечное наслаждение воспоминаний. Это истинное наслаждение, потому что теперь у тебя есть зрительные образы, связанные с этими воспоминаниями. Бессвязное появление этих образов в твоем сознании кажется естественным, правильным. И хотя ты не знаешь, действительно ли данные образы являются неприукрашенными воспоминаниями, на самом деле это не имеет значения. Это твои воспоминания. Они принадлежат тебе, и они разветвляются в бесконечную сеть новых воспоминаний. Эти воспоминания являются доказательством того, что ты существуешь, и *скоро* тебе уже не придется полагаться на Анну, чтобы самоопределиться.

— Обыкновенно мы вставали рано, чтобы добраться до побережья к восьми часам утра, найти на улице свободное место для машины и не покупать билеты на пляж. Определенно, в первую очередь эти ранние выезды были обусловлены вопросом денег, но мои родители представляли всё как игру, будто мы поступаем так просто из удовольствия победить систему. Мама всегда говорила о борьбе с системой, а я представлял

систему в виде людей в черных костюмах и темных очках, которые следят за нами, чтобы выписать огромные штрафы, из-за которых родителям придется работать допоздна и не бывать дома со своими детьми. Накануне вечером я ложился спать пораньше, уже надев плавки, даже несмотря на то, что на пляже были раздевалки. Раздевалки были похожи на маленькие темные бункеры из фильмов про войну, которые вы показывали, а пол в них был покрыт мерзкой жижей из песка и морской воды. В дороге к морю мама обыкновенно спала, укрывшись пляжным полотенцем. Папа включал радио и подпевал, на ходу сочиняя новые тексты песен, от которых я хохотал.

«Ты погружаешься в бесконечное наслаждение воспоминаний».

* * *

— Я обожал дорогу к морю. Для меня это был самый любимый момент. Когда мы проезжали через город, а затем оказывались у просторного пляжа, мне казалось, будто мы словно по волшебству перенеслись куда-то в другое место.

Идя от машины к берегу, мы с папой спорили, какими будут волны, большими или нет. Оце-

нивала высоту волн всегда мама. Проигравший должен был первым нырнуть под воду, всегда оказывавшуюся холодной. Настолько холодной, что я, вынырнув, непроизвольно глотал ртом воздух. Папа, проиграв, иногда жульничал и, схватив меня, увлекал под воду вместе с собой.

После обеда мы с мамой отправлялись на прогулку, и если был отлив, мы уходили к песчаным отмелям в нескольких сотнях футов от берега. На обратном пути к нашим полотенцам мама бегала со мной наперегонки. Она выжидала, когда я припущусь со всех ног, затем низменно обгоняла меня, показывая, что бегает быстрее, но потом сбавляла скорость, притворяясь, будто выдохлась, и позволяла мне одержать победу.

026

У стены под экраном стоит длинный деревянный стол. Все четыре ножки у него разные. Ты предполагаешь, что эти ножки от других столов и здесь они получили свою вторую жизнь. Вместо столешницы дверь, вероятно, из фибергласа. Она выкрашена в белый цвет, но раньше она была другой, судя по красным царапинам и выбоинам.

— Я подготовила кое-какие занятия, чтобы помочь тебе восстановить навыки ручного труда. Уверена, все вернется быстро, учитывая то, сколько лет ты работал руками.

Ты поднимаешь свои руки и внимательно их рассматриваешь. Ты не можешь избавиться от ощущения, будто они чужие, будто произошла какая-то ошибка и эти руки тебе не принадлежат. Невозможно представить, что твои руки создали и обслуживали все то, о чем говорит Анна.

— Это доставит тебе удовольствие — тактильные ощущения от манипуляций с физическими предметами. Это будет гораздо полезнее прикосновений к экрану и действиям в виртуальной реальности, чем ты занимался в предыдущую

неделю.

Тебе хочется спросить, как Анне удалось в одиночку втащить сюда стол, пока ты спал. Ты снова с тревогой гадаешь, в какой степени она способна контролировать твой сон. Возможно ли, что ты вместо нескольких часов проспал несколько дней? И Анна не затолкала в комнату этот стол, а смастерила его на месте? Стол кажется тяжелым и громоздким. Ты полон решимости не спать, если понадобится, всю ночь. Ты принимаешь такое решение каждый вечер и неизменно засыпаешь.

На столе (двери) четыре неглубокие пластмассовые корзинки. В первой корзинке деревянные палочки в виде миниатюрных бревен, в каждой по краям вырезаны пазы, у некоторых пазы есть и в середине. На экране инструкция, только картинки и цифры, показывающая поэтапно, как нужно построить домик.

— Это же какая-то детская игрушка, разве не так?

— Сложность упражнений увеличивается постепенно.

Во второй корзинке квадратики разноцветной бумаги. В третьей лежат всевозможные стальные гайки, винты, колеса, шестеренки, пластины, резиновые ремни и заклепки. Четвертая кор-

зинка самая большая, доверху наполненная деревянными фигурками причудливой формы и инструментами.

— Когда ты дойдешь до третей корзинки, тебе нужно будет воспользоваться отверткой. С четвертой ты будешь работать дрелью, молотком и пилой. Инструмент лежит под столом. У тебя есть какие-либо вопросы, прежде чем приступить к первой корзинке?

В этом импровизированном собрании запасных деталей, лежащих на столе, есть что-то такое, от чего тебе становится не по себе. Тут есть какой-то намек на более серьезную проблему касательно твоего положения, но ты никак не можешь за это ухватиться.

— Кто-то сделал этот стол.

— Ну да. Кто-то сделал всё, _____.

— Я имел в виду не это.

— Ты можешь приступить к первой корзинке.

— Это вы сделали стол?

— Нет.

— Это я сделал его до того… до того как проснулся здесь?

— Ты его не делал. Но если у тебя возникнет такое желание, после небольшой практики ты сделаешь другой стол, гораздо лучше.

Ты трешь лицо руками. Почему-то именно этот ответ, больше, чем все другие вопросы, ответы и недоговорки Анны, вызывает у тебя яростное раздражение.

— Послушайте, откуда вы знаете, что я не поранюсь этими инструментами?

— Ты должен работать аккуратно. Я уверена, что у тебя все получится.

— Нет, я хочу сказать, откуда вы знаете, что я не поранюсь умышленно?

— Зачем тебе это?

— Потому что я в отчаянии. Потому что нет сомнений, что я арестант, что бы вы ни говорили.

— Ты не поранишь себя, потому что ты не арестант. Я говорю это как можно убедительнее.

Ты нагибаешься под стол и достаешь отвертку и ножовку. Ты поднимаешься на ноги и размахиваешь ими. Ты чувствуешь себя одновременно могущественным и слабым.

— Я ощущаю себя арестантом. У меня нет такого чувства, что мы с вами заодно, чем бы это ни было.

— Мы были партнерами до Комплекса, _____, и остаемся партнерами сейчас. Пожалуйста, поверь, мне понятно твое недовольство. Честное слово. Согласна, понять это в полной мере невоз-

можно, но нужно делать все постепенно, шаг за шагом, не торопясь.

— Я требую, чтобы вы рассказали больше обо мне, о себе, о нас, обо всем, иначе я сделаю что-нибудь радикальное…

Ты склоняешься над столом, положив левую руку ладонью вверх, открытую, беззащитную. Опускаешь на запястье ножовку. Зубья острые. Ты не знаешь, сможешь ли распилить свое тело, но хочешь это сделать.

— Пожалуйста, _____, в этом нет необходимости. Я начну показывать тебе больше видео, обещаю. Я и так собиралась показать тебе больше о нас с тобой, потому что — и ты должен мне поверить — у тебя получается очень хорошо, и мы близки к тому, чтобы ты вышел в эту дверь.

— А куда я пойду, выйдя в эту дверь? — Ты на какое-то мгновение усиливаешь нажим на зубья ножовки и тотчас же отдергиваешь ее. На коже остается ровный ряд красных углублений.

— Мы с тобой отправимся в наш дом.

— В старый, коричневый?

— Да.

Тебе хочется спросить, нельзя ли отправиться в этот дом прямо сейчас, но ты молчишь. Ты знаешь: Анна ответит, что пока что еще рано.

Тогда ты снова поставишь ножовку на запястье, но прежде чем сможешь начать угрожать и торговаться, Анна скажет: «Если ты себя поранишь, ты не попадешь в коричневый дом. Если ты порежешь себя пилой, ты потеряешь сознание от потери крови. Возможно, ты очнешься, привязанный к кровати, а может быть, вообще не очнешься».

028

Ты в течение двух дней смотрел и, по твоей собственной просьбе, пересматривал эти видео. Любительскую видеосъемку с участием Анны. Первые видео низкого качества; изображения размытые, краски попеременно блекнут и становятся чересчур яркими. Но по мере того как Анна на видео взрослеет, их качество повышается.

Полуторагодовалая Анна сидит на траве и хлопает ладошкой по спящему коричневому с белым жуку. За кадром ее дядя Деннис пытается научить ее сказать: «блин». Она говорит: «бин».

Четырехлетняя Анна обвивает руками шею своего старшего брата Мэтта. Тот играет в видеоприставку и не желает уступать ее требованиям «поиграй со мной».

Шестилетняя Анна радостно прыгает перед тортом со свечками. У нее короткие прямые волосы, в улыбке не хватает передних зубов. Все присутствующие хором поют: «С днем рожденья тебя!»

Девятилетняя Анна мчится на велосипеде к небольшой горке (лист фанеры на пакете из-под молока), построенной ее братом и его друзьями на улице перед домом. За кадром родители спо-

рят, не нужно ли ее остановить. Анна неуклюже подлетает на горке. Велосипед опускается на землю передним колесом и петляет из стороны в сторону, едва не налетая задним колесом на бордюрный камень, но Анна выравнивает его и едет дальше, торжествующе вскинув вверх кулак.

Двенадцатилетняя Анна сидит рядом со своим братом за столиком на лужайке. Мэтт празднует одновременно свой восемнадцатый день рождения и окончание средней школы. Анна кажется такой худенькой и маленькой рядом со своим новоиспеченным взрослым родственником. Мэтт читает поздравительные открытки, но Анна не смеется его шуткам. Она сидит надувшись, положив подбородок на кулаки.

Четырнадцатилетняя Анна выполняет победный трехочковый бросок в баскетбольном матче. Ее обнимают ликующие партнерши по команде.

Пятнадцатилетняя Анна с добродушной улыбкой смотрит на то, как ее подруги расписываются на гипсе у нее на ноге.

Шестнадцатилетняя Анна вместе с командой своего университета на международном соревновании в Монреале. Еще только первокурсница, она уже ведущий специалист в области гистологии. Прильнув к микроскопу, Анна стремится

определить как можно больше образцов мышечных и мозговых тканей за отведенный интервал времени. Она налепила себе на щеки наклейки в виде глаз и уговорила своих подруг сделать так же. Девушки торжествуют, одержав победу.

Анна (теперь уже нынешняя) бормочет что-то невнятное по внутренней связи, затем прокручивает в ускоренном режиме остальные видео, которые ты уже успел запомнить: общежитие в колледже, Анна со своими подругами готовится к вечеринке, видео из лаборатории, где Анна со своей подругой Изабеллой, обе в белых халатах, танцуют и распевают: «Мы ученые!» на мотив популярной песни, выпуск в университете, переезд в первую квартиру, Анна на похоронах своей бабушки, Анне вручают диплом доктора наук, поток семейных праздников в окружении родственников, которые стареют на глазах, увеличиваясь в числе.

— Твою мать! — ругается Анна.

Ты не можешь взять в толк, в чем дело. Не понимаешь, чем она так недовольна.

— Анна, что-то случилось? — спрашиваешь ты. — С тобой все в порядке?

— Я не могу… не могу снова смотреть это. Я уже столько раз все видела… Извини. Давай, ну, пере-

скочим на самый конец. Просмотрим последнее видео несколько раз.

— Я сделал что-то не то? Чем-то тебя расстроил?

— Нет, _____. Ты вел себя… практически идеально.

— Практически идеально?

— Я хотела сказать, насколько это в твоих силах.

Ты определенно не чувствуешь себя идеальным. У тебя ноют мышцы, покрытые мозолями ладони болят от неумелого сверления отверстий и забивания гвоздей. Носовые пазухи забиты, горло болит с того самого момента, как ты проснулся утром, — признак того, что иммунная система по-прежнему не в порядке. Но ты не хочешь, чтобы Анна это знала.

— Просто я очень устала, — говорит Анна.

— Может быть, нам следует остановиться. Устроить перерыв.

Она не отвечает на твое предложение. Начинается последнее видео.

Это то видео, в котором ты следуешь за Анной по пустым помещениям шоколадно-коричневого дома, купленного вами, снимая ее на телефон. Время от времени ты разворачиваешь телефон,

и твое лицо попадает в кадр. Естественно, на этом видео ты моложе, чем сейчас, но на сколько именно лет, ты не знаешь. Ты думаешь: «Вот мое лицо». Даже хотя ты уже видел это видео десятки раз, ты по-прежнему испытываешь разочарование от своего появления, но в то же время все больше влюбляешься в того, какой ты, и тебе нестерпимо хочется снова оказаться в том мгновении потерянного времени.

Во время осмотра дома, в те короткие моменты, когда ты попадаешь в кадр, ты корчишь глупые рожи, изображая, будто ты восхищен. Анна выступает в роли гида и называет себя «архивисткой коричневого дома». В каждом новом помещении она рассказывает какую-нибудь выдуманную историю, комическое, романтическое или трагическое событие из давно забытой эпохи. В качестве ответа ты бормочешь сочувствующие или восторженные фразы вроде «Поразительно!», «На самом деле им не нужно было заниматься этим в ванне», «Мы будем мудрее и тщательно вымоем полы» или «После чего они жили долго и счастливо».

Твой голос не похож на твой голос. То есть твой голос на видео, звучащий из динамиков, — это не тот голос, который ты слышишь, когда го-

воришь. Ты знаешь, что каждый человек в той или иной степени испытывает слуховые диссоциации, слыша свой собственный голос, что-то вроде: «Неужели у меня правда такой голос?» Ты понимаешь, что высота и интонации твоего собственного голоса определяются сочетанием условий воздушной среды и звуков, распространяющихся непосредственно к ушной раковине через кости черепа. Но чтобы записанный голос звучал настолько чуждо и был практически неузнаваемым? Разве не должно быть какого-либо внутреннего ритма или размера, по которому ты узнал бы в говорящем себя?

Видеотур заканчивается в спальне наверху, в комнате, о которой у тебя сохранились самые живые воспоминания. Стены выкрашены в ярко-желтый цвет. Анна проходит в комнату и открывает окно. «Обыкновенно желтый цвет я не люблю, — говорит она. — Но этот оттенок я обожаю». Ты отвечаешь, что терпеть его не можешь. Анна закатывает глаза, показывает язык камере (*тебе*) и говорит: «В любом случае это мой кабинет, так что не имеет значения, что ты о нем думаешь». Она ложится на пол, раскидывает руки в стороны и говорит: «Мое, все мое!» Ты проходишь в комнату и держишь камеру над лицом

Анны. Та смотрит прямо в объектив и усмехается, словно ей известно что-то такое, о чем ты не догадываешься. (Именно с таким выражением лица ты представляешь ее себе, когда она говорит с тобой сейчас.) Ты напоминаешь себе, что она до сих пор не рассказала историю этой комнаты. Усмешка исчезает, ее рот приоткрывается, и она на мгновение отводит взгляд в сторону. «Эта комната была грустной, она выкрашена в грустный цвет», — говорит Анна. «Блохи?» — спрашиваешь ты. «Это была грустная детская комната грустной женщины с очень грустным ребенком, — говорит она. — Затем кто-то предусмотрительно выкрасил ее в этот желтый цвет, чтобы мой кабинет не был грустным». Какое-то время Анна смотрит в камеру, и вы оба молчите. «Откуда ты знаешь, что ребенок грустный?» — спрашиваешь ты. «Потому что малышка плачет, вот откуда!» — отвечает она. Вы оба смеетесь, ты наводишь камеру крупным планом на лицо Анны, та притворно кричит и выбивает телефон у тебя из руки.

Анна прокручивает снова видео с обходом коричневого дома. Она повторяет вслух все то, что говорит в кадре. Когда ты смотришь видео в третий раз, ты присоединяешься к ней и говоришь свои реплики.

030

Тебе плохо. У тебя одышка, вызванная острой болью в груди. Скрывать это от Анны ты не можешь. Ты говоришь ей об ухудшающихся симптомах.

Похоже, Анна нисколько этим не удивлена и, если учесть якобы бушующую в мире пандемию, не встревожена. Ты не уверен в том, как понимать ее слова.

Ты не бегаешь на беговой дорожке. Ты ходишь, и то всего пять минут, поскольку у тебя начинает кружиться голова. Остановившись, ты говоришь Анне, что у тебя голова словно заполнена песком. Ты хочешь произвести на нее впечатление этим образным сравнением. Но она лишь спрашивает, что ты имеешь в виду.

Тебя немного лихорадит. Анна не объясняет, какая температура выше 36,6 градуса считается повышенной. Тебе попеременно жарко и холодно. Ты потеешь и дрожишь, и мышцы у тебя ноют так, как когда ты только очнулся в этой комнате.

Сегодня видео познавательное: как построить забор.

031

— Сейчас я войду к тебе в комнату, _____. Возможно, моя внешность тебя шокирует. Я покажусь тебе… ну я на несколько лет старше, чем ты меня помнишь.

Ты цепляешься за образ Анны, сформированный видео и звуками ее голоса, тем, что она сказала и говорила. Ты медленно встаешь с кровати, ковыляешь в середину комнаты и кашляешь в руку. Ты смотришь на дверь. Ты провел несчетное количество часов, фантазируя о том, как она откроется. Воображаемые встречи и планы бегства становились все более драматичными, более сложными и более расплывчатыми. Вчера вечером, перед тем как заснуть, ты представлял, как за открывшейся дверью окажется мрак, пустота, и хотя едва ли за дверью будет бесконечный вселенский вакуум, возможно, ты случайно наткнулся на верную метафору.

— Ты готов к моему появлению? — Анна смеется.

— Да, — говоришь ты, однако сегодня тебе еще хуже, чем было вчера. Песка в твоей голове еще больше, и он просыпается в твое тело, от чего

мышцы становятся тяжелыми и слабыми.

Вместо бесконечной радости или страха от перспективы того, что дверь наконец откроется, ты испытываешь тревогу по поводу того, что у тебя в сознании уже есть образ Анны, ты готовишься к тому, чтобы сравнить его с действительностью и заменить на то, что тебе откроется.

Раздается шипение пневматических поршней, и дверь скользит вбок, исчезая в стене слева.

— А вот и я, — говорит Анна.

Она выходит из тускло освещенного коридора и проходит в комнату; поступь ее быстрая и уверенная. Ее длинные седые волосы ниспадают до плеч. Седина поражает. В уголках губ и глаз скопились морщины. Черты лица больше не состоят из острых углов и туго натянутой кожи, как ты запомнил. На ней та же самая одежда, какая была на видео из коричневого дома: джинсы и черная толстовка с капюшоном. Ты зажимаешь ладонью рот и начинаешь плакать.

— Привет, _____. — Анна машет рукой. Улыбка у нее та же самая, что и на видео, что и в твоих воспоминаниях.

— Здравствуй, Анна. — Ты машешь рукой в ответ, затем ты не знаешь, как быть со своими руками. Она ниже ростом, чем ты представлял

себе, однако своим присутствием она заполняет комнату. — Ты выглядишь… хорошо.

— Ого, пауза получилась красноречивой.

— Извини.

— Не извиняйся. Я просто пошутила.

Твой смех переходит в приступ кашля, разжигающий причиняющий адскую боль пожар у тебя в горле.

— Этот кашель мне совсем не нравится.

— Мне… мне столько же лет, сколько и тебе? — Ты снова остро чувствуешь то, что до сих пор еще не видел полного и четкого отражения своего собственного лица. Однако по мимолетно увиденным образам в темном экране ты знаешь, что волосы у тебя не седые. И кожа твоя не в морщинах.

— Теперь уже нет. Все это довольно сложно. А теперь идем. — Анна протягивает руку, ладонью вверх.

— Куда?

— Нам нужно сделать кое-какую работу по дому.

— Я болен, так что тебе, наверное, лучше держаться от меня подальше…

Анна молча берет тебя за руку.

* * *

Петляющие широкие белые коридоры пустыни. Плафоны под потолком такие же, как и у тебя в комнате, однако приглушенный свет не такой яркий. Сначала окон нет, только гладкие стены и контуры раздвижных дверей рядом с маленькими квадратными мониторами системы безопасности. Выложенный плиткой пол скользкий от пыли, на которой следы ног разных размеров и формы.

— Все эти следы оставила ты? — спрашиваешь ты и помимо воли примеряешь свою ногу к некоторым из отпечатков.

— Кроме нас с тобой, здесь никого нет.

Ты мысленно отмечаешь то, что Анна не ответила на твой вопрос прямо, и внезапно тебе становится очень страшно. Ты замедляешь шаг и уже собираешься спросить, не может ли Анна отвести тебя обратно в твою комнату. Тебе не хочется находиться в таком обширном, запутанном, мертвом пространстве.

Анна мягко увлекает тебя вперед и говорит:

— Если бы у нас было больше времени, я бы отвела тебя туда, где ты работал раньше, на завод. Солнечные батареи и поля ветряных генерато-

ров — это настоящее чудо, зрелище, от которого невозможно оторваться. Они являются во всех отношениях самодостаточными, разумеется, благодаря тебе и отделу обслуживания. Сгорел всего один генератор, и мне пришлось заменить только две панели солнечных батарей.

— Где мы сейчас находимся?

— Мы по-прежнему там, что большинство из нас называли просто Комплексом. Мы сейчас в одном из внешних медицинских контуров. На самом деле тебе здесь смотреть особенно нечего. Большинство биотехнических лабораторий находится во внутренних контурах. Скоро мы выскочим и окажемся снаружи, и тогда мы будем дома.

— Дома?

— Да, дома.

Ты идешь вперед, и наконец гладкие стены коридора сменяются окнами от потолка до пола. Темное стекло также покрыто слоем пыли.

— Что это за комната, мимо которой мы только что прошли?

— Еще одна генетическая лаборатория.

— Чем вы занимались в этих лабораториях?

— Сожалею, но у тебя нет допуска спрашивать об этом. — Анна смеется, и ты не можешь понять,

почему. — И я не работала в лабораториях внешнего контура.

— А кто там работал?

— Другие ученые.

— Где эти другие ученые?

— Ушли.

— Почему?

— Потому что практически все заболели.

— Пандемия?

— Да.

— Люди болели так, как сейчас болею я?

— Боюсь, да. Я очень сожалею.

— Что со мной произойдет?

— Ты или поправишься, или нет. Опять же, я очень сожалею. А пока что давай насладимся сегодняшним днем.

Крепче сжав твою руку, Анна увлекает тебя из внешнего контура.

— Ты готов выйти наружу? Мне это нравится больше всего.

Прежде чем ты успеваешь спросить: «Больше всего из чего?», Анна обеими руками нажимает на горизонтальную рукоятку, и открывается дверь аварийного выхода. Тебя заливает яркий свет солнца, порожденный реакциями ядерного синтеза, и ты зажмуриваешься, закрываешь лицо

трясущимися руками. Ты слушаешь отголоски ветра в ушных раковинах. Запах воздуха, его прикосновение к твоей коже, губам, проникновение в глубь легких не поддаются описанию, и это к лучшему, потому что ты все равно не стал бы осквернять это восхитительное мгновение попыткой подобрать пустые, примитивные слова.

Анна медленно увлекает тебя из тени здания на жаркое солнце.

— Это не Атлантический штат, но мы примерно в миле от океана, — говорит она. — Ты чувствуешь запах соли? Сегодня он очень сильный. Разве ты не помнишь запах океана?

Несмотря на ужасный насморк, ты чувствуешь запах океана. По крайней мере тебе кажется, что ты его чувствуешь. У тебя нет обонятельных воспоминаний, связанных с водой и волнами, с чем можно было бы сравнивать. К своему стыду (да, стыду, как ты можешь быть не виноват в этом?), ты полностью забыл чувственные восприятия нахождения рядом с океаном. Забыть — значит потерять то, что когда-то принадлежало тебе, было твоей частицей. Но как можно потерять в пыльном уголке сознания что-то такое бескрайнее, как океан? А что, если наоборот, забыть — это открыть дверь в пустоту; воспоминания недо-

ступны, потому что их нет и никогда не было.

* * *

В Комплексе несчетное количество других зданий. Снаружи они кажутся связанными друг с другом дугами из стекла и стали. Ты гадаешь, не строились ли они с расчетом того, чтобы внешне напоминать морские волны. Но ты ничего не спрашиваешь.

Анна объясняет, что овальное здание в противоположном конце комплекса называлось Дортуаром. Ты отвечаешь, что помнишь это, однако на самом деле ты ничего не помнишь.

Тебе нет никакого дела до Дортуара и до обширного Комплекса. Ты предпочитаешь смотреть на листья на деревьях, чьи ветки похожи на огромные руки, тянущиеся к зданиям. Ты предпочитаешь смотреть на клочки облаков, плывущие по голубому небу. Когда у тебя получается не спотыкаться, ты идешь с закрытыми глазами, подставляя лицо солнцу.

Петляющие по Комплексу дорожки заросли сорняками, пробивающимися сквозь трещины в побелевшем асфальте. Ты шел совсем недолго, но ты уже задыхаешься. Анна подает тебе бутылку с водой и говорит, что до дома совсем недалеко.

Ты поднимаешься на вершину холма, и впереди, покуда хватает глаз, простираются, как ты предполагаешь, развалины научно-исследовательских монолитов. Но прямо перед тобой, внизу, шагах в ста, прямо посреди пустынной стоянки стоит маленький двухэтажный коричневый дом. Твой дом.

— Сегодня мы должны заняться забором.

* * *

Посреди моря неровного асфальта коричневый дом примостился на прямоугольной лужайке. На зеленой траве кое-где бурые проплешины, но в целом лужайка ухоженная. Дикая яблоня перед крыльцом не такая большая, как тебе запомнилось. Анна сокрушается, что, вероятно, здесь слишком много солнца, не позволяющего дереву полностью раскрыть свой потенциал.

— Это наш дом? Мы здесь жили?

— Да. Ну это не тот самый дом. Это копия. Не идеальная, но, сам знаешь, — Анна останавливается и гладит тебя по руке, — ничего идеального не бывает.

Анна объясняет, что первым делом пришлось разломать и убрать асфальт, чтобы подготовиться к строительству. На это ушли годы, но затем она

сделала фундамент из подручных материалов, используя кирпичи, столбы и бетонные блоки волноломов.

— Вероятно, официальную инспекцию строительной комиссии он бы не прошел, но дом стоит.

— Все это ты сделала сама? — спрашиваешь ты.

— У меня было много времени и много помощников.

— Где все эти помощники сейчас?

— Никого не осталось.

— Они тоже заболели?

— Да. Но, будем надеяться, ты поправишься.

Сначала тебе было очень хорошо на солнце, но теперь от жары и света у тебя разболелась голова.

— Вот почему я оставался так долго в своей комнате?

— И да, и нет. В основном ты оставался там до тех пор, пока не вспомнил, кто ты такой.

— Я забыл практически все, потому что очень долго спал.

— Совершенно верно.

Теперь ты помнишь многое, даже несмотря на то, что у тебя раскалывается голова и перед

глазами все плывет.

— Я спал так долго, потому что я и все остальные заболели и ты пыталась мне помочь? Почему ты сама не болеешь?

Ты кашляешь и нагибаешься вперед, и периферийное зрение тотчас же становится размытым. Ты делаешь несколько глубоких вдохов и выдохов, прежде чем заговорить снова.

— Копия нашего дома, как ты сказала, — говоришь ты.

Ты выходишь на лужайку перед крыльцом. Лужайка похожа на ту, что у тебя в памяти. Ты жаждешь узнать дом, ощутить если не счастье, то хотя бы удовлетворение.

— Это то же самое.

— Правда? — Ты отворачиваешься от дома и обводишь взглядом растрескавшийся асфальт и обвалившиеся громадные экзоскелеты Комплекса. — Остальной мир выглядит так же?

— По большей части, — пожимает плечами Анна. — Уверена, есть и другие *счастливчики,* которым удалось остаться в живых, но к нам в дверь никто не стучится.

— Все это произошло, пока я спал? Зачем ты вообще меня разбудила?

Улыбка у Анны на лице гаснет.

— Идем, — говорит она. — Материалы для забора во дворе за домом.

* * *

Дерево и инструмент сложены у края лужайки. Анна объясняет, что небольшая часть материалов со склада, но за несколько лет она успешно обобрала заброшенные дома по соседству, а также нашла в двух часах езды строительный магазин, который не был полностью разграблен.

— Сегодня мы только приступим к задней части забора, _____. Мы не будем излишне усердствовать. Я знаю, что ты чувствуешь себя неважно.

Ты помогаешь Анне отмерить расстояние между столбами, обозначая места деревянными колышками, делаешь шесть ям ручным буром, устанавливаешь столбы и заливаешь их бетоном. После чего отдыхаешь. Ты сидишь в тени, пьешь лимонад и ешь сухой паек. Лимонад обжигает тебе горло, но ты не жалуешься. Анна говорит. Ты молчишь. Полностью сосредоточившись на том, чтобы беречь свои силы и не отключиться.

Остаток дня вы с Анной проводите, закрепляя на столбах перекладины, а на перекладинах — штакетник. Несмотря на постоянные подбадривания и похвалы Анны, тебе стыдно,

поскольку помощи от тебя гораздо меньше, чем тебе хотелось бы. Ты загибаешь гвозди и криво закручиваешь шурупы. Анна вынуждена исправлять твои ошибки и переделывать значительную часть того, что ты должен был сделать сам. Ты медлительный и неловкий. Твои руки не помнят, кому они когда-то принадлежали.

* * *

Значительная часть праздничного ужина (кукуруза, жареная картошка, сочная зелень) из сада, который Анна разводит в другой части Комплекса.

— Я рассудила, что ты после напряженной работы не будешь возражать против углеводов. А вот найти замену белковой пасте я не смогла, извини. Я пробовала разводить кур и уток, но они у меня постоянно болели.

Кухня в точности такая, какой ты ее помнишь, что приносит облегчение, поскольку на видео ты видел лишь пустую кухню, еще до того, как линолеум был заменен ламинатом, до того как появился этот маленький столик, и ты не помнишь замену шкафов и кухонной техники, но каким-то образом ты вспоминаешь, что все стоит в точности на своих местах, и, возможно, ты даже

помнишь, как Анна сидела вот так, как сидит сейчас, и выглядела так же, как выглядит сейчас, но ты понимаешь, что это невозможно, ведь так? Быть может, твои воспоминания сами себя создают; подобно солнечным батареям и ветряным генераторам, твои воспоминания становятся самодостаточными.

— Ты не хочешь есть?

Ты не хочешь есть. У тебя распух язык, и жевать и глотать для тебя — невыносимая мука.

— Все в порядке, — говоришь ты.

— Вид у тебя неважный. — Анна видит тебя насквозь. Тебе знакома эта идиома, и сейчас, вероятно, впервые, ты понимаешь ее смысл. Она говорит: — Так, давай поднимемся наверх.

— Анна, кто мы такие?

Анна склоняет голову набок и морщит лоб, наблюдая за тобой, мысленно подсчитывая.

— Анна, кто *мы?* Почему мы с тобой вместе?

Она забирает волосы назад и завязывает их в хвостик.

— Я не совсем понимаю, о чем ты спрашиваешь.

Ты кашляешь и морщишься от острых заноз боли в горле и голове.

— Как ты опишешь нас с тобой? Мы просто

вместе работаем? Мы друзья? Супружеская пара? Возлюбленные? Кто мы?

Анна прикрывает рот ладонью и смеется. Она смеется до тех пор, пока ее лицо не становится красным и она не начинает задыхаться. Несмотря на то что ты чувствуешь себя отвратительно, ты тоже смеешься.

Анна умолкает. У нее на лице остается лишь тень улыбки. Ее взгляд опущен на стол.

— Было время, когда мы с тобой были всем этим. Сейчас же мы просто партнеры.

«Твои руки не помнят, кому они когда-то принадлежали».

* * *

Солнце еще не зашло, но в доме уже сгустились сумерки. Анна ведет тебя за руку по лестнице на второй этаж, и, если твои воспоминания о планировке дома верны, к себе в кабинет, в тот, что с желтыми стенами.

— Я недавно решила устроить там спальню, — говорит она. — Понимаю, комната маленькая, но мне доставляет наслаждение смотреть на то, как по утрам солнечный свет отражается от желтого.

С помощью Анны ты переодеваешься в чистую пижаму. Она из более мягкой ткани, чем те, из

которых сшиты пуловер и белый халат с поясом, которые были на тебе до этого. Ты медленно забираешься на двуспальную кровать; деревянная рама скрипит под твоим весом. Ты ложишься на правый бок, лицом к окнам. Когда твоя голова погружается в подушку, Анна накрывает тебя одеялом по самую шею. Лихорадка усиливается. Ты клацаешь зубами, и твоя пижама тотчас же промокает насквозь от пота.

Анна отходит к бюро в противоположном углу комнаты, рядом с дверью. Она зажигает свечу. На стене у тебя перед глазами пляшут причудливые отсветы.

— Тебе нужно отдохнуть. Завтра большой день. Большой день для нас обоих.

Анна ложится на кровать, но остается на одеяле, а не забирается под него к тебе. Она кладет руку тебе на плечо и обещает оставаться с тобой до тех пор, пока ты не заснешь. Ты закрываешь глаза, но по-прежнему видишь оранжевый свет на стене.

* * *

Ты не спишь, сидишь в темноте на краю кровати, опустив ноги на паркетный пол, и ты плачешь.

Анны рядом с тобой в кровати нет. Мышцы твои ноют, суставы заполнены толченым стеклом. У тебя нет никакого желания двигаться, но ты встаешь, и твой мозг словно отстает на шаг от тела. Ты ковыляешь к двери и шаришь в поисках дверной ручки, которая кажется холодной в твоей вспотевшей руке. Ты открываешь дверь, и тебе очень страшно, чего именно, ты не знаешь, но этот страх отключает твой рассудок. Ты бредешь по коридору в ванную, словно пол — это лента беговой дорожки. Ты поворачиваешь краны, но воды нет. Ты дрожишь, стонешь, у тебя трясутся руки, и тут ты вдруг замечаешь на стене зеркало. В ванной темно, но ты видишь в зеркале свое отражение. Видишь, какой ты. Ты хлопаешь ладонью по выключателю на стене, но свет не зажигается. Ты перестаешь дышать и шевелиться, и ты в зеркале делаешь то же самое. Вы оба моргаете. Оба подносите руку к лицу. Ты не тот, кого помнишь. Ты не человек из видео, которые тебе показывала Анна. Ты кто-то совершенно другой, и тебе хочется закричать, но у тебя вырывается лишь тихий жалобный стон.

Ты моргаешь, не в силах вспомнить, как здесь очутился, но ты снова в желтой спальне. Ты стоишь перед окном. Ты раздергиваешь занавески

и неловко поднимаешь шторы. Луне на небе недостает дольки, но она все равно большая и яркая. Ты садишься на кровать и смотришь на нее. Затем ты встаешь и смотришь вниз на Дортуар, и он не так далеко, как ты предполагал, и в лунном свете ты хорошо видишь, хорошо видишь всё. Ты смотришь на мраморный вход с пересохшим фонтаном, и из стеклянных дверей Дортуара выходит Анна. Она пятится задом, таща за собой каталку. На каталке лежит кто-то, накрытый простыней. Анна разворачивается; ее руки не дают тебе разглядеть лицо человека на каталке. Ты видишь их с трудом, потому что они маленькие под большой луной, потому что до них гораздо дальше, чем ты думал.

* * *

Ты не спишь, сидишь в темноте на краю кровати, опустив ноги на паркетный пол, и ты плачешь. Ты слышишь громкие шаги Анны, на лестнице, в коридоре, затем в твоей комнате. Свеча догорела, а лунного света, проникающего в окно у тебя за спиной, недостаточно.

Ты спрашиваешь, снова и снова: «Кто я, кто?» Спрашиваешь снова и снова: «Кто лежал на каталке?»

Анна стоит посреди комнаты, обхватив себя руками за плечи.

— Что стряслось? — спрашивает она.

Ты рассказываешь ей о том, что видел, но ты понимаешь, что у тебя получается плохо, и твой голос звучит где-то далеко, далеко в стороне.

Анна говорит: «Тсс!», и «Нет», и «Это тебе приснилось», и «Это все из-за твоей лихорадки», и «Это был бред», и «Галлюцинация», и «Вот почему все казалось таким реальным», и «Никакого зеркала в ванной нет, завтра сам сможешь убедиться». Она не отвечает на твой вопрос «кто лежал на каталке». Анна укладывает тебя на кровать и накрывает одеялом.

Ты просишь ее остаться, но она уходит. Закрывает за собой дверь и запирает ее на ключ.

032

Анна окликает тебя по имени и ласково трясет за плечо.

Комната залита светом, и желтые стены кажутся злыми. Каждый твой вдох отзывается глубоко в груди хрипом, а выдох звучит свистящим сипом.

— Доброе утро. Понимаю, тебе нехорошо, но мы должны спуститься вниз и сесть за стол, а потом ты сможешь отдохнуть. Идем. Мы уже почти закончили.

Анна усаживает тебя на кровати, закидывает твою правую руку себе на плечо и поднимает тебя на ноги. Утреннее солнце усиливает желтый цвет; стены сияют, и свет превращается в опьяняющий туман, сбивающий с толку. Ты не хочешь покидать эту комнату. Ты мог бы оставаться здесь вечно.

Вы вдвоем медленно идете по коридору, затем спускаетесь по лестнице, по ступеньке за раз, с паузой. Ты хочешь попросить показать тебе ванную, чтобы узнать, есть ли там зеркало, или на стене пустое место там, где оно должно быть, но уже слишком поздно. Подняться по лестнице наверх ты уже не сможешь.

Анна опускает тебя на стул за столом. Твоя голова не держится на шее, падает на грудь, и ты, возможно, засыпаешь или отключаешься, но когда ты приходишь в себя, ты ощущаешь боль на тыльной стороне левой руки.

— У тебя сильное обезвоживание, и я ввожу тебе жидкость внутривенно, — говорит Анна. — Это поможет лучше, чем просто стакан воды.

По всему предплечью разливается холод. Вскоре ты уже можешь поднять голову и оглядеться вокруг. Рядом с тобой стоит стальной штатив, на нем висит прозрачный пластиковый мешок с прозрачной жидкостью, и тонкая трубка соединяет мешок с твоей рукой. На кухонном столе лежит толстая черная тетрадь, в корешок вставлен карандаш.

— _____? Ты меня слышишь? Тебе стало получше?

— Я здесь, — отвечаешь ты.

Ты в коричневом доме, в копии: это ты помнишь. Тебе больно говорить, и голос это не твой. Тебе не нравится то, каким он стал.

Анна отодвигает тетрадь от тебя на противоположный край стола.

— Нам с тобой нужно поговорить, _____, — говорит она. — Это самый важный разговор, какой у

нас был — какой у нас будет. Пожалуйста, держи в голове все, что ты помнишь, и все, что ты узнал о себе, о том, кем ты был и кто ты теперь. Ты добился очень хороших результатов за короткий период времени. Я горжусь твоими достижениями, но ты должен оставаться сосредоточенным в течение всего разговора и не отвлекаться. Ты должен оставаться *собой* в рамках параметров, которые будут обсуждаться. Ты не должен больше спрашивать у меня о прошлой ночи и предыдущих тридцати днях. Пожалуйста, _____, мне нужно, чтобы ты это сделал. Для меня.

— Потому что мы партнеры?

— Да. Потому что мы партнеры в самом священном смысле этого слова. Я оставлю тебя здесь одного, пока сама переоденусь, но меня не будет всего несколько минут. Не вставай, не двигайся. Это также очень важно, потому что вот так — ты сидишь один за столом — я хочу тебя найти. Так я тебя *найду*. Так это начнется.

Анна уходит. Ты кашляешь, этот звук просто ужасный, и ты понимаешь, что у тебя в груди все разорвано. Ты смотришь на иголку, воткнутую в руку, и на отходящую от нее трубку. Ты представляешь себя, того, которого видел в зеркале вчера ночью, представляешь, будто *ты* всегда сидел

здесь, на кухне, и ждал возвращения Анны. Ты пытаешься строить догадки, что она тебе скажет и что ты скажешь ей.

Анна возвращается. На ней фланелевая рубашка и синие джинсы. Она кладет тетрадь на пол, так, чтобы ее не было видно. Закрывает глаза, дважды глубоко вздыхает и начинает.

— Что ты там делал? Тебе следовало оставаться в кровати.

Ее тон изменился. Отношение к тебе становится другим. Ты видишь это по ее позе, по широко раскрытым глазам, по нервно дергающимся рукам.

Ты не знаешь точно, кто ты, кем должен быть. Ты не знаешь, что должен говорить.

— Было слишком жарко, — наугад говоришь ты. — Я захотел выпить воды. Я…

— Голос у тебя ужасный, _____.

— Я чувствую себя так же ужасно, как звучит мой голос.

— Тебе нужно вернуться в Комплекс. Там я смогу лучше о тебе позаботиться.

— Нет, я не вернусь. Ни за что. — Ты вспоминаешь, как проснулся в той комнате и что это было, и понимаешь, что больше никогда не хочешь испытать это снова. — Ты не поместишь меня в ту комнату и не оставишь одного…

— Прекрати, я от тебя никуда не уйду. Но если ты останешься здесь, ты не поправишься.

— Я не поправлюсь и если вернусь туда.

— Мы должны попробовать. Мы должны что-нибудь попробовать! Я не могу просто сидеть и смотреть, как ты умираешь.

Ты молчишь, не зная, что сказать, не зная, чего ждет от тебя Анна. Ты пытаешься представить, что твое лицо не то, какое ты видел вчера в зеркале, а другое, из видео, из твоих воспоминаний.

— Ну хорошо, я не хочу, но так уж и быть, если ты очень этого хочешь, я пойду.

Анна качает головой, выходя из эмоционально напряженного аффекта. Криво усмехнувшись, она прикладывает ладонь к губам и шепчет:

— Ты бесподобен. Это единственный раз, когда я тебя поправлю, обещаю. Тебе нужно сказать: «Зачем мне туда возвращаться? И почему ты хочешь идти? Это ты сказала, что убеждена в том, что вирус вышел из Дортуара». Скажи это, и мы двинемся дальше, и я больше не буду тебя поправлять. Итак, пожалуйста!

Ты кашляешь. Ты киваешь. Анна повторяет то, что хочет от тебя услышать, и ты произносишь это дословно.

— Я никогда не говорила, что убеждена, — го-

ворит Анна.

— Анна, ты же сама сказала…

— Я сказала, что у нас была группа бланков, выращенных с новыми модификаторами для репрограммирования ДНК, и эти пациенты заболели первыми. Но корреляция еще не означает причинно-следственную связь. Может, какой-нибудь долбаный природно-очаговый вирус выскочил из лаборатории с животными, мало ли что. На самом деле мы до сих пор не знаем, откуда он появился… — Она осекается, очевидно, сама не до конца веря своим словам.

Ты так устал, что с трудом удерживаешь голову. Ты не до конца понимаешь, что тебе говорит Анна, но слова приходят сами собой, словно этот разговор — частица тебя, скрытая где-то глубоко внутри.

— Ты единственная не заболела? — спрашиваешь ты.

— Нет. Брианна и Алехандро тоже были здоровы. Но…

— Но?

— Теперь я уже не знаю. Я не знаю, как они сейчас. Они покинули Комплекс четыре дня назад, как и все остальные.

— А ты, не знаю, не вакцинировалась, не при-

вилась?

— Господи, нет! Если бы я могла, неужели ты думаешь, что я не спасла бы и тебя? Как ты мог сказать такое? — Анна уставилась себе на колени и не смотрит на тебя, затем она закрывает лицо руками. Когда она снова поднимает голову, выражение лица у нее пустое, непроницаемое. Но ты уверен в том, что эта непроницаемость что-то означает.

Ты молчишь.

Анна отвечает на твое молчаливое обвинение словами:

— Но я хочу тебе помочь. Давай вернемся обратно, и я попробую.

— Не заставляй меня возвращаться обратно. — Даже после всего случившегося ты не хочешь расставаться с обещанием и ложью про маленький коричневый дом.

— Я не хочу смотреть, как ты умираешь.

— Не заставляй меня возвращаться обратно! — Это говоришь ты такой, какой ты сейчас. Тебе наплевать на то, насколько точно ты изображаешь *тебя* из прошлого.

Анна ругается и ударяет кулаками по столу. Она закрывает глаза, затем медленно тянется через стол и берет твою правую руку. Ее кожа

холодная.

— Если ничего не… Если ты не поправишься — я смогу тебя вернуть?

— Что ты имеешь в виду?

— Я понимаю, это очень трудно, это просто невозможно спросить, твою мать, но после того как ты… После!

— После того как я умру?

— Да, после. Только если ты прямо сейчас скажешь «да», я смогу вернуться в Комплекс, у нас еще сотни жизнеспособных бланков и… ты знаешь, что я смогу сделать. Я смогу тебя вернуть.

— Учитывая все то, что сейчас происходит, ты действительно спрашиваешь это?

— Спрашиваю. Я… я не хочу быть без тебя. Пожалуйста.

— Я хочу, чтобы ты это сказала.

— _____, пожалуйста!

— Ты должна это сказать.

— Разреши мне вернуть тебя. Я не хочу быть одна, без тебя. Я…

— Анна, ты должна произнести вслух это слово.

— Разреши мне клонировать тебя. Пожалуйста, разреши мне это сделать. Я хочу, чтобы ты разрешил мне вернуть тебя.

Ты плачешь. Сидящая перед тобой Анна расплывается и начинает казаться молодой Анной из твоих воспоминаний.

— Я не хочу возвращаться. На самом деле ты вернешь не меня.

— Но послушай, подумай о…

— Анна!..

— О том, каких поразительных успехов мы добились, увеличивая клеточную память наших пациентов, напрямую загружая информацию и образы, а потом упражнения и психотерапия…

— Анна! Это буду не я. — Ты смотришь на свои руки и гадаешь, чьи это руки.

— Я заложу все это в него. И он будет тобой.

— Это буду не я, — повторяешь ты. На самом деле ты хотел сказать: «Это никогда не был я», но в самый последний момент тебе не хватило мужества.

— Если ты откажешься, я не буду тебя клонировать. Даю слово. И я понимаю, что это безумие, это полное безумие, твою мать, но я тебя прошу. Пожалуйста, ты мне разрешаешь?

— Нет. Извини, Анна. Нет. Не надо. Это буду не я.

Анна вытирает глаза, вздыхает, нагибается и подбирает с пола тетрадь. Сердито черкнув в ней

несколько слов, она швыряет карандаш на стол.

— Спасибо, — говорит она, но безразличным тоном, сквозь стиснутые зубы, не глядя на тебя.

— Сколько нас уже было? — спрашиваешь ты. Твое дыхание стало неровным, твой голос похож на тихий скрип.

— Много, слишком много.

— Мы помогли построить наш дом. — Тебе отчаянно хочется ощутить близость с остальными «ты», которые провели все эти годы вместе с Анной. Тебе отчаянно хочется почувствовать что-нибудь, принадлежащее тебе, что-нибудь помимо пустоты.

— Да, помогли.

— И со всеми нами у тебя был этот разговор.

— Да.

— Сколько из нас согласились?

— Никто. Ни один из вас, твою мать!

Вскочив со стула, Анна подходит к окну и кричит, давая выход своему отчаянию. Затем она останавливается и быстро заменяет капельницу, хотя первый пакет был еще на четверть полон. На этот раз у тебя по руке разливается тепло.

Анна закрывает глаза и вздыхает.

— Осталось совсем мало тех, кто еще может согласиться, — говорит она.

Анна гладит тебя по голове. У тебя тяжелеют веки, ты пытаешься заговорить, но не можешь. Тебе кажется, будто ты таешь; твое сознание сжимается в точку.

— Я тебе не солгала, _____… — шепчет Анна.

001

В твоей комнате темно. Ты ничего не видишь. Ты лежишь в кровати. Твое тело накрыто одеялом. Ты шевелишь пальцами на руках и ногах, и шорох кожи по простыне звучит пугающе громко. Малейшее движение причиняет боль. От которой гудят мышцы и суставы.

Ты бодрствовал и не бодрствовал на протяжении нескольких дней, возможно, ночей, может быть, еще дольше. Ты не знаешь, где ты был тогда и до *тогда.* Прошло значительное количество времени, но от какого начала, ты не знаешь. Ты задумываешься над происхождением этого времени, в течение которого бодрствовал и не бодрствовал, и заключаешь, что в настоящий момент определить это невозможно.

ОБ АВТОРЕ

Пол Дж. Тремблэй

Американский писатель, автор триллеров и романов ужасов. Лауреат премии Брэма Стокера за романы The Cabin at the End of the World (2018)

и A Head Full of Ghosts (2015). Член жюри премии Ширли Джексон. Живет в пригороде Бостона.

Случайные числа. Энди Вейер

Andy Weir
Randomize © 2019

Эдвин Ратледж смотрел в окно на уходящий вдаль бульвар Лас-Вегас-стрип. Его кабинет на последнем этаже здания гостиницы и казино «Вавилон» представлял собой образец роскоши. Итальянские кожаные диваны окружали изящный стеклянный кофейный столик. Гости даже не догадывались о том, что сидят на мебели стоимостью со средний автомобиль. Но в городе крайностей молчаливое качество импонировало Ратледжу больше, чем кричащая неоновая вывеска «**Я очень важный**».

И все-таки определенная демонстрация статуса была необходима. Книжные шкафы из красного дерева и антикварные бюро стояли на персидских коврах ручной работы. Письменный стол из ореха расположился у окна, откуда открывался потрясающий панорамный вид на город.

— Сэр, — послышался из коммутатора голос секретарши, — пришел глава информационно-

технического отдела.

Ратледж поправил бриллиантовые запонки и нажал кнопку коммутатора.

— Пусть войдет.

Двустворчатые двери отворились, и в кабинет вошел мужчина непрезентабельного вида. Внешне он больше походил на посетителя казино, чем на сотрудника. Мешковатые джинсы, футболка с кадром из «Звездных войн» (или из «Звездного пути» — Ратледж так и не научился отличать одно от другого), кроссовки и абсолютно никаких попыток укротить дикую шевелюру.

Ратледж указал на кожаное кресло напротив письменного стола.

— Присаживайтесь.

Смущенно кивнув, мужчина сел. Больше всего он сейчас напоминал ученика, которого вызвали к директору.

— Итак, мистер Чен…

— Ник, — перебил мужчина.

— Прошу прощения?

— Зовите меня Ником.

— А, — сказал Ратледж. — Мистер Чен, будьте добры, объясните, почему зал с лототронами отключен.

— Ну на самом деле произошло вот что…

— Эти лототроны приносят «Вавилону» двести тысяч долларов в день, — не дал ему договорить Ратледж.

— Да, но…

— И вы их отключили. То есть *лично* вы обошлись нам сегодня в двести тысяч долларов.

— Нет, я сберег вам миллионы, — оскалился Чен.

Ратледж вопросительно поднял брови.

— Вы что-нибудь слышали о квантовых компьютерах?

— Я время от времени встречаю эту тему в новостях.

— За последние несколько лет в этой области произошел настоящий *прорыв.* Решена проблема снижения уровня шума, защита когерентности близка к идеальной, черт побери, а долговременное управление состоянием кубитов позволяет обеспечить их стабильность в течение месяцев. Но сегодня особенный день. Сегодня на рынок выходит новая Модель-707 компании «Куана-Тех». Это чисто игровой компьютер. У него разрядность 1024 кубита с долговременной памятью размерностью 512 кубит. И речь идет о *логических* кубитах, а не просто физических…

— Здесь я вынужден вас остановить, — сказал

Ратледж. — Во всем этом для меня нет никакого смысла, и это не имеет никакого отношения к лототронам.

— Нет, имеет, и самое непосредственное, — стиснул кулаки Чен. — И я несколько месяцев пытался предупредить ваших людей. Но эти глупые управляющие просто не слушали меня. Поэтому мне пришлось ввести пароль администратора и отключить все автоматы.

— Включите их назад.

— Послушайте, я пытаюсь вас *защитить*. Если вы хотите включить автоматы, нет проблем. Я прямо сейчас войду в систему с вашего компьютера и открою главную страницу управления. Я даже скажу вам, какую клавишу нажать. Но нажмете ее *вы*. А не я. Я не возьму на себя эту ответственность.

Ратледж поднял руку.

— Хорошо, мистер Чен. Очевидно, вы чем-то сильно возбуждены. Успокойтесь и все объясните.

Чен шумно вздохнул.

— Да, хорошо. — Он сел на место. — Квантовый компьютер — это совершенно другой зверь по сравнению с обычным компьютером, — начал он. — Для решения математических задач он

использует такие уникальные особенности квантовой физики, как когерентная суперпозиция и квантовая запутанность. Как правило, он работает медленнее обычного компьютера, однако в некоторых случаях он оказывается экспоненциально быстрее.

Ратледж молча кивнул. Лучше дать этому человеку высказаться, хоть все это, кажется, не имеет никакого отношения к делу.

— Что вам известно о генераторе случайных чисел? — спросил Чен.

— Ничего.

— Вы серьезно?

— Мое дело — заведовать и управлять этим казино. Я не настолько самонадеянный, чтобы полагать, будто я смогу разобраться во всех деталях его работы. Для решения конкретных задач я нанимаю специалистов, таких, как вы. Надеюсь, вы это понимаете.

— Ладно, это справедливо. Ну так слушайте: такой штуки, как генератор настоящих случайных чисел, не существует. Компьютеры выдают *псевдослучайные* числа.

— Какая тут разница?

— Псевдослучайные числа рассчитываются по сложным математическим формулам. В ма-

тематическую формулу вводится одно число, называемое «семенем» или «начальной точкой», а на выходе получается последовательность вроде бы случайных чисел. Формула использует возведения в степень, остатки от деления на простое число и прочие штучки, которые делают обратные вычисления невозможными.

Ратледж протер бриллиант на перстне.

— Хорошо, это понятно. Значит, если дать генератору одно и то же «семя», он снова выдаст ту же самую последовательность чисел?

— Вот именно! — ткнул в него пальцем Чен. — И в этом вся проблема.

— Система используется уже много десятилетий, и никаких проблем не возникало.

— Проблема заключается в квантовых компьютерах. Помните, я говорил, что формула не позволяет произвести обратные вычисления по известному результату? Так вот, это не совсем так. Формула необратима для обычных компьютеров — всем компьютерам Земли потребуется непрерывно работать сотни лет, чтобы перебрать все «начальные точки». Но квантовые компьютеры используют другой подход. Они в каком-то смысле, — Чен развел руки, — пробуют все возможные значения одновременно, последовательно сжи-

мая это множество до единственного решения. Это очень сложный процесс. Перейду сразу к выводу: они *очень* хорошо решают подобные задачи.

— Гм, понимаю, — сказал Ратледж. — И если кто-то это сделает, он получит возможность предсказывать числа, выдаваемые лототроном?

— Да, — подтвердил Чен. — Теперь, когда «Куана-Тех 707» стал доступен любому пользователю, я вынужден был отключить зал с лототронами. Наверняка уже сейчас хакеры работают над тем, как вычислить «семя». Это лишь вопрос времени.

Встав, Ратледж подошел к бару.

— Это очень интересная проблема. Совершенно новая для игорного бизнеса. Я могу вас чем-либо угостить?

— Э… нет, спасибо.

— Мм. — Ратледж всегда относился к непьющим с подозрением. Эти люди или не знают, как получать удовольствие от жизни, или же являются лицемерами, уверенными в собственной правоте. В любом случае с ними трудно иметь дело. Ратледж налил в шейкер ром, сок лайма, сироп и добавил пару кубиков льда. — У вас есть решение?

— Да, сэр. Но оно дорогое.

Ратледж налил коктейль в высокий стакан и отпил глоток. Ничто не сравнится с хорошим дайкири. С *настоящим* дайкири — свежеприготовленным, с кубиками льда, а не пойлом из банки.

— Что вы предлагаете?

У Чена зажглись глаза.

— С квантом мы будем бороться квантом. Мне нужен этот «Куана-Тех». Я напишу на нем программу генерации случайных чисел. *Настоящих* случайных чисел. Квантовая физика является генератором случайных чисел вселенной. Определить с помощью обратных вычислений закономерность этих чисел будет невозможно, потому что никакой закономерности нет.

— Сколько стоит такой компьютер?

Чен откинулся назад.

— Триста тысяч долларов, плюс кое-какие расходы на то, чтобы его установить и запустить. Понимаю, это большая сумма, но…

— И это всё? — перебил его Ратледж. — В таком случае это нужно сделать обязательно.

— Ого! — воскликнул Чен. — Я хочу сказать… я не ожидал, что вы согласитесь так быстро.

— Я был бы идиотом, если бы не прислушивал-

ся к главе своего информационно-технического отдела, — пожал плечами Ратледж.

— Блин, это будет классно! — Чен просиял. — Я хочу сказать… я не хочу показаться непрофессионалом, но о-го-го! У меня будет свой собственный квантовый компьютер! Это же… это же моя самая сокровенная мечта!

— Я рад, что вы счастливы. Сколько времени потребуется, чтобы снова запустить зал лототронов?

Чен поднял взгляд на потолок, мысленно прикидывая.

— Я переговорю с ребятами из «Куана-Тех»; они пришлют сюда человека все наладить. Если мы сделаем заказ сегодня и договоримся о срочной доставке, компьютер будет установлен здесь и настроен через два дня. Написать программу генератора случайных чисел в квантовой логике невероятно просто — я справлюсь с этим за час. Подключить ее к лототронам… полагаю, трех дней будет достаточно.

— Приступайте к работе. Я даю вам четыреста тысяч долларов на компьютер и дополнительные расходы. Деньги будут на счету вашего отдела к тому времени, как вы вернетесь на свое рабочее место.

Чен выходил из кабинета, сияя улыбкой.
«С квантом мы будем бороться квантом».

* * *

Еще никогда прежде Чен не испытывал такой прилив душевных сил.

Гладкий цилиндрический корпус «Куана-Тех 707» сиял в мягком голубом свете. Впереди простой монитор и черная клавиатура, ждущая прикосновения его пальцев.

Прасат Сингх, представитель «Куана-Тех», закончил осматривать соединительные кабели.

— Так, теперь можно включать, — сказал Прасат. Он поднял взгляд на потолок. — Странное помещение. Здесь всегда было такое освещение?

— Я установил эти лампы вчера. — Чен не отрывал взгляда от компьютера. — Для классной штучки и освещение должно быть классным.

— Ваши ребята, похоже, не рады, — заметил Прасат. — Меня провожали недовольными взглядами.

— Чтобы освободить место для этой крошки, мне пришлось переставить серверы в комнату отдыха, — небрежно махнул рукой Чен. — Ничего, как-нибудь переживут.

— Итак… — Прасат нажал кнопку «Сеть». Через

три секунды на экране появился мигающий курсор. Никаких красивых ненужных прибамбасов. Только клавиатура и консоль. Именно таким и должен быть компьютер.

— Прелесть! Я хочу получить случайное число.

Раскрыв инструкцию пользователя, Прасат полистал ее и протянул Чену.

— Для тестирования и отладки имеется несколько предустановленных программ. Все они перечислены здесь.

Взяв инструкцию, Чен прищурился, стараясь разобрать мелкий шрифт. Голубой свет был просто поразителен для создания настроения, но читать при нем было трудно. Неважно. Тут дело не в практичности. А в том, чтобы было классно.

Отложив инструкцию, Чен похрустел пальцами и подошел к клавиатуре.

— Что ж, поехали!

```
>ВЫПОЛНИТЬ ТЕСТ_ГСЧ
>СЛУЧАЙНЫЙ БИТ РЕЗУЛЬТАТ: 1
>КОНЕЦ
>|
```

— О господи! Круто! — просиял Чен. — Теперь все готово? И можно начинать?

— Почти, — поправил Прасат. — Мне еще нуж-

но установить модуль долговременной памяти.

— Да, точно. Потрясающая хрень. Способна хранить состояние по несколько месяцев? Ребята, вы гении.

— Ну не я, — возразил Прасат. — Гении там, на фирме. А я просто торговый представитель. Если честно, я в этом ни фига не смыслю. Но я знаю, что никакая другая компания не может предложить защиту когерентности в пять девятых.

Он раскрыл стоящий на полу пластмассовый чемодан. Внутри находился изолированный металлический ящик с подключенными к нему кабелями.

— Вы не слышали про казино «Бухта»? — спросил Чен. — Это совсем рядом.

— Нет, а в чем дело?

— Сегодня утром они потеряли два миллиона долларов на лототронах, прежде чем спохватились и заткнули пробку. Хакеры делали небольшие ставки, но сотнями. Отделить их от честных игроков не было возможности, поэтому «Бухте» пришлось оплатить все билеты. Это сейчас во всех новостях.

— Мы не потворствуем тому, чтобы наша продукция использовалась для противозаконной деятельности, — нахмурился Прасат.

— Да, знаю, — сказал Чен. — Смысл в том, что я был прав. Теперь босс просто обожает меня за то, что я это предсказал.

— Рад это слышать, — сказал Прасат.

— Готов поспорить, на Рождество в этом году я получу офигенную премию.

— Очень хорошо, очень хорошо.

— Если какой-нибудь хакер попытается обратить *мою* систему, его будет ждать неприятный сюрприз. Она действительно случайная, твою мать!

— Да, но помните, что система надежна до тех пор, пока надежна безопасность этого компьютера, — заметил Прасат. — Если его взломают, можно будет заменить программу на псевдослучайный алгоритм с фиксированным «семенем». И тогда все числа будут известны наперед.

— О, об этом я позаботился, — усмехнулся Чен. — Эта крошка обитает в безвоздушном пространстве. Она не подключена к сети казино, не имеет доступа в интернет и никак не может принимать входящую информацию. К лототронам она подключена по выделенной линии. И я даже не буду связываться со стандартной процедурой запросов и ответов. Малышка будет просто раз в пятнадцать минут выплевывать последователь-

ность чисел. 707-й не будет принимать никаких входных данных. Нельзя взломать то, к чему невозможно обратиться.

— В большинстве случаев мошенничества за этим стоят свои люди. — Прасат оглянулся на дверь, словно проверяя, услышали ли его другие айтишники.

— Тут также никаких проблем. Это помещение представляет собой сейф, ключ от которого есть только у меня. — Чен похлопал по карману. — А система безопасности извещает меня всякий раз, когда дверь открывается. Так что даже если кто-нибудь раздобудет ключ или снимет с него дубликат, я буду знать, как только он войдет в комнату. И меньше чем через минуту здесь появятся вооруженные охранники.

Прасат распутал кабели модуля памяти.

— Похоже, защита и правда хорошая, но помните, что система является надежной только в той мере, в какой мере является надежным обслуживающий ее человек.

— Я в информационной безопасности уже семнадцать лет, — сказал Чен. — Поверьте — я знаю, что к чему.

Прасат подключил последний кабель. Введя с клавиатуры в систему несколько диагности-

ческих команд, он удовлетворенно кивнул на монитор.

— Отлично, память подключена, и система работает исправно.

Чен погладил монитор.

— Чудесно, пришла пора писать квантовую программу! Папенькиным малышам-лототронам нужны случайные числа!

— Развлекайтесь по полной, — сказал Прасат. — Я остаюсь в городе до завтрашнего утра. Позвоните, если возникнут какие-либо проблемы. А пока что вы не посоветуете мне какой-нибудь хороший ресторан поблизости?

— Вы шутите? — сказал Чен. — Вы думаете, что вам сегодня придется самому платить за ужин? О нет, черт возьми! Поднимайтесь в премиум-клуб. Ваша фамилия в списке. Заказывайте все, что пожелаете, — платим мы.

— Ого! Спасибо, — сказал Прасат. — Позвоните мне, если возникнут какие-либо проблемы.

— Договорились! — сказал Чен.

Прасат вышел из помещения с легкой усмешкой на лице.

Накануне…

Шуми собрала мужу чемодан. Его командировка в Лас-Вегас будет подобна урагану. К обеду прилететь в город, в тот же день установить в казино «Вавилон» компьютер, а на следующий день утром самолет домой. Многие женщины встревожились бы, отпуская мужа одного в «Город порока», но Прасат неизменно оставался преданным и любящим.

Вообще-то ему потребуется только одна смена белья, но в чемодане оставалось много свободного места, так что почему бы не добавить небольшой запас? Шуми положила три наглаженные и аккуратно сложенные белые сорочки, а также две пары черных брюк. К этому она добавила два синих галстука и из озорства бросила в чемодан еще и красный. Красные галстуки Прасату очень идут, но он упорно носит только синие. Ну и пусть. Шуми положила в контейнер домашних лепешек с острым соусом — пусть Прасат вечером перекусит в гостинице — и застегнула чемодан.

Она прошла на крохотную кухоньку, где Прасат ужинал рисом с фасолью.

— Йогурта тебе хватает? — спросила Шуми.

— Да, спасибо, — ответил он. — Пальчики об-

лижешь!

— На десерт рисовый пудинг, так что оставь в желудке место.

— Ммм, — ответил Прасат.

Шуми уселась напротив. Они практически никогда не ужинали вместе — Шуми выросла в Индии, где ужинают от восьми до девяти вечера, а Прасат всю жизнь прожил в Соединенных Штатах. Тем не менее устроенный родителями брак был очень удачным. Шуми не представляла, что смогла бы жить с кем-либо другим.

— Ты волнуешься? — спросила она.

Прасат отложил вилку.

— Если честно, да. По-моему, это очень опасно. Лас-Вегас… в общем… люди там очень серьезные.

— Все зависит от тебя. Если захочешь, ты можешь просто ничего не делать.

— Нет, я хочу это сделать. — Он обвел рукой маленькую квартиру. — Не этого я хочу для нас. Для тебя. Невозможно дорогая однокомнатная халупа в сомнительной части Окленда? Те, кто работает в Кремниевой долине, здесь жить бы не стали. Это абсурд.

— Я ни на что не жалуюсь, — сказала Шуми.

— Ты заслуживаешь большего. И мы пробуем завести ребенка. Нам нужно больше простран-

ства. А для этого нам необходимо больше денег. И все-таки, если нас поймают, это может закончиться длительным тюремным сроком…

— Этого не случится, — уверенно произнесла Шуми.

— На самом деле у нас не было возможности проверить, как все это работает. Ты уверена, что нас не схватят?

— Нет. Но в отсутствие доказательств как подозрение может пасть на нас? — Встав из-за стола, она прошла в гостиную. Там тихо гудел ее «Куанта-Тех 707». На мониторе мигал курсор, ожидая ввода команд. К компьютеру были подсоединены два модуля долговременной памяти.

Прасат выкрутил шею, наблюдая за женой.

— Это сложно?

— Проще простого. — Шуми ввела команду с консоли. Меньше чем через секунду дело было сделано. — Вот и все. Теперь каждый кубит в моем модуле памяти связан с кубитом в том модуле, который ты везешь в «Вавилон».

— Ты *уверена* в том, что никто не узнает, что кубиты связаны?

— Физически невозможно определить, что какой-то кубит связан.

— А каким образом эта связь поможет нам об-

мануть лототрон? Эта квантовая ерунда вечно ставит меня в тупик.

Родители Шуми сделали все возможное. Ее невозможно высокий интеллект стал очевиден, как только она начала говорить. Ее отдавали в лучшие школы для одаренных детей, но Шуми все равно находила их скучными. Родители влезали в огромные долги, чтобы нанимать репетиторов, которые просто следили бы за тем, как быстро девочка овладевает знаниями.

Вскоре Шуми сможет расплатиться с ними. И построить ту жизнь, которую хотели они с Прасатом. Американскую мечту.

Ее родители понимали, что ни за что не смогут найти ей такого же умного мужа, как она сама. Поэтому они сосредоточились на том, чтобы найти «достаточно умного, чтобы он не сильно отставал». Прасат оказался по-своему блестящим. Из них получилась идеальная пара.

— Квантовая физика — это очень сложная штука, и интуитивно ее не поймешь, — начала Шуми. — Законы, управляющие вселенной на микроскопическом уровне, не похожи на все то, что мы ждем. Достаточно сказать, что можно связать два кубита так, что, если одному из них придать случайное значение, второй примет

в точности такое же значение. После того как они становятся «связанными», неважно, сколько времени придется ждать и как далеко они будут находиться друг от друга. Будучи связанными, они гарантированно останутся одинаковыми при любом случайном изменении любого из них.

— Значит, у нас две копии одной и той же информации? — спросил Прасат, указывая на модули памяти.

— Нет, не воспринимай это как информацию. Считай эти модули двумя кучками игральных костей, но только эти кости волшебным образом связаны друг с другом, так что, если бросить кость из одной кучки и ее пару из другой, они гарантированно дадут одинаковый результат.

— Это какая-то бессмыслица.

— В квантовой физике нет никакого смысла, — согласилась Шуми. — Пожалуйста, постарайся не загружать себе голову этим. Тут могут прийти самые грустные мысли.

«Будучи связанными, они гарантированно останутся одинаковыми при любом случайном изменении любого из них».

* * *

Парсат заерзал на стуле.

— Их модуль памяти и наш связаны. То есть они, по сути дела, будут общаться между собой через всю страну. Но разве ты не говорила мне в свое время, что квантовую запутанность нельзя использовать в качестве средства связи?

Шуми запустила с клавиатуры короткий тест.

— Да, говорила. И это действительно так. Но мы тут используем нечто другое, — сказала она. — Две стороны не могут общаться друг другом посредством квантовых измерений. Но они обе могут наблюдать за соответствующими результатами и действовать сообразно с этим.

— Это похоже на связь.

— Не совсем. Представь себе перекресток со светофорами. Светофоры функционально связаны между собой. Если я вижу, что на одном горит зеленый свет, я знаю, что на другом должен быть красный.

— Пока что я тебя понимаю, — сказал Прасат.

— Скажем, две машины приближаются к перекрестку с разных направлений. Один водитель видит красный сигнал, другой видит зеленый. Водители не говорят между собой и вообще никак

не общаются друг с другом. Но оба видят свой сигнал, и это показывает им, что нужно сделать и что сделает второй водитель. Связи нет, есть только заранее установленное соглашение относительно того, что означают красный и зеленый сигналы.

— Ну хорошо, то есть у нас есть «заранее установленное соглашение» с казино относительно того, что означают эти кубиты?

— Есть. — Вернувшись на кухню, Шуми помешала пудинг. — В казино «Вавилон» для управления лототронами используется компьютер 2002 года выпуска. Старый, но надежный — именно такие и любят казино. Производитель выложил в интернет полную техническую документацию, поэтому я знаю, как именно случайные значения кубитов будут преобразованы в случайные числа. Выполнение этого алгоритма с нашими кубитами даст нам те же самые случайные числа. Этот алгоритм и есть «заранее установленное соглашение».

— А почему бы не связать все кубиты, а не только те, что в долговременной памяти?

Шуми попробовала пудинг. Как раз то, что надо.

— Связь не является нерушимой. Помнишь, я

говорила тебе о волшебных игральных костях? Так вот, они работают всего один раз. После того как их бросить, связь разрывается, и они перестают иметь какое-либо отношение друг к другу. Если бросить их снова, никакого волшебства больше не будет. Выпадут просто два случайных числа. Так что есть только один бросок — всего один, — когда будет известно, как именно поведет себя вторая кость.

— Понятно, — сказал Прасат. — Значит, насколько я понимаю, при обычном функционировании 707-й использует одни и те же кубиты снова и снова?

Шуми наложила в тарелку щедрую порцию пудинга. Прасат любит сладкое и всегда съедает больше, чем просил.

— Да. Лототрон казино исчерпает наши запасы связанных кубитов за считаные секунды. Так что вся хитрость в том, чтобы заставить их использовать вместо оперативной памяти долговременную и нанести удар именно в этот момент.

Прасат отодвинул от себя миску с рисом, освобождая место для тарелки.

— И как это сделать?

— Один раз в неделю 707-й выполняет само-

тестирование когерентности. Когда будешь устанавливать систему, проследи за тем, чтобы время этого самотестирования было настроено на 23.58 в ближайшее воскресенье.

Шуми поправила сари. Да, американская одежда смотрится хорошо на американцах, но она предпочитала традиционные наряды.

— Процедура самотестирования занимает около пяти минут. Если в этот промежуток времени системе потребуется выполнять операции с кубитами, она использует те, которые хранятся в модуле долговременной памяти, потому что обычная оперативная память будет занята. В «Вавилоне» лототрон получает случайное число раз в пятнадцать минут — очередная загрузка будет ровно в полночь в понедельник. Вот тогда мы и нанесем удар. Но у нас будет только одна попытка. В долгосрочной памяти хранится 512 кубит, а лототрону требуется двадцать восьмибитных чисел.

Прасат поднял палец.

— Двадцать восьмибитных чисел — это всего сто шестьдесят кубит. То есть у нас будет три попытки, прежде чем лототрон съест все пятьсот двенадцать.

Шуми покачала головой.

— Числа не должны повторяться, и они должны быть в диапазоне от одного до восьмидесяти. Будет много одинаковых чисел. Компьютеру придется вырабатывать случайные числа до тех пор, пока не наберется двадцать *различных* чисел.

— А.

— Как только система дойдет до конца долговременной памяти, она зациклится, снова примет случайные значения и начнет повторно использовать уже использованные кубиты. Об этом у нас никакой информации не будет. — Шуми вздохнула. — Все было бы значительно проще, если бы я смогла поработать с самим компьютером до того, как ты его установишь.

— Это точно ни за что не пройдет, — сказал Прасат. — Все входы опечатаны, а операционная система записана в ПЗУ. То же самое с модулем долговременной памяти. Пронести ее сюда оказалось достаточно просто, но если мы попытаемся ее вскрыть или заменить аппаратные средства, в казино сразу же об этом узнают, когда взглянут на систему.

Шуми поставила перед мужем пудинг вместе с чистой ложкой.

— Ты уверен, что кто-то обратит на это внимание?

— Абсолютно уверен, — кивнул Прасат. — Я говорил с главным айтишником «Вавилона» по телефону. Он… очень аккуратный. Крайне дотошный.

— В таком случае это единственный способ, — сказала Шуми. — К счастью, долговременная память поступает с предустановленной когерентной суперпозицией. При первом использовании система пропустит преобразование Уолша-Адамара.

— Тут я совсем ничего не понимаю.

— Важно только то, что в систему добавлена незначительная оптимизация производительности, создающая дыру в системе безопасности, которой мы и воспользуемся. — Вернувшись в гостиную, Шуми села за компьютер. — Ну а теперь пришла пора получить числа…

— Подожди, что? — удивился Прасат. — Прямо сейчас? Ничего не понимаю!

Шуми ввела с консоли несколько команд.

— Квантовая запутанность — это улица с двунаправленным движением. Я могу измерить значения одного модуля памяти прямо сейчас, а в другом они окажутся такими же, когда их измерит «Вавилон».

— То есть ты, по сути дела… прямо сейчас вы-

работаешь те числа, которые выдаст лототрон в воскресенье?

— Да. — Шуми нажала клавишу ввода. На дисплее появилась последовательность чисел. Шуми прильнула к экрану, запоминая результат. Ганеша[18] благословил ее замечательной памятью.

— Что это такое? Числа?

— Да, — ответила Шуми, не отрываясь от экрана.

— Ты их запоминаешь? — удивился Прасат. — А почему бы просто не сохранить их в файл или не сфотографировать на телефон?

— Нет, — покачала головой она. — Никаких цифровых следов. Отныне и до самого конца всё только у меня в голове.

— А, ну да. Разумно.

Закрыв глаза, Шуми мысленно представила себе числа. Все двадцать четко запечатлелись у нее в памяти. Открыв глаза, она проверила себя по экрану и убедилась в том, что запомнила всё правильно. Замечательно.

Прасат рассеянно ковырял пудинг ложкой. Это было совсем на него не похоже — обыкновенно он жадно набрасывался на сладкое.

---

[18] Примечания: 18

Ганеша (Ганапати) — в индуизме бог мудрости и благополучия. Один из самых почитаемых богов индуистского пантеона.

Шуми развернулась в кресле к мужу.

— В чем дело, милый? Ты никак не успокоишься.

Он покрутил в руках ложку.

— А ставку обязательно должна делать именно *ты?*

— Ну конечно, — сказала Шуми. — В тебе сразу же узнают того, кто настраивал компьютер.

— А может быть, лучше заплатить какому-нибудь студенту?

— Сообщники только усложняют дело, — нахмурившись, покачала головой она. — Я единственная, кому мы можем доверить сделать ставку.

— Да, пожалуй.

— Все будет хорошо, муж мой. Ешь свой пудинг.

— Ладно.

Отправив в рот кусок, Прасат расслабился. Сладкое неизменно приводило его в хорошее настроение.

Временами он бывает таким сложным, но иногда он очень простой. Для Шуми было величайшим наслаждением находить эти простые мгновения и доставлять ему радость.

Улыбаясь, она смотрела, как муж ест.

* * *

Шуми не спеша потягивала лимонад в зале лототронов. Толпа была не такая плотная, как в часы пик. Хотя полночь — это тоже оживленное время для казино Лас-Вегаса. Воздух был наполнен обыкновенной какофонией звона, писка и жужжания.

Шуми сжимала в руке выигрышный билет — ну билет, который, хотелось надеяться, станет выигрышным, — вместе еще с несколькими билетами, которые обязательно проиграют. Было бы подозрительно, если бы она купила только один билет.

Многое могло пойти наперекосяк. В модуле долговременной памяти или в самом компьютере произойдет какой-нибудь сбой программного обеспечения, после чего потребуется сброс всех кубитов. Настройка времени проверки когерентности была неправильной, и процедура самотестирования уже завершилась или еще не началась. И в таком случае у билета Шуми шансов выиграть будет столько же, сколько у любого другого.

Чтобы выделиться как иностранная туристка, Шуми надела еще более традиционное сари. Чу-

точку Старого света, с бронзовыми украшениями там и тут. Она сфотографировала себя на телефон. Какой турист удержится от такого?

Зал наполнился электронной мелодией, возвещающей о том, что сейчас начнется очередной розыгрыш. Взглянув на большой экран над лототроном, Шуми крепче стиснула пачку билетов.

На дисплее появилось анимационное изображение таблицы с числами лото, выполненными под клинопись, — словно это была древняя глиняная табличка. Пока вавилонский лучник вкладывал стрелу в лук и прицеливался, числа дергались в своих квадратах. Все это было очень глупо. Если все пройдет хорошо, первой выпадет девятка.

Мультипликационный лучник выпустил стрелу, и та, пролетев по дуге, вонзилась в девятку. Шуми облегченно выдохнула.

Дальше все пошло по плану. Остальные числа выпадали именно так, как и должны были. Разыгрывая роль потрясенного и бесконечно обрадованного победителя, Шуми побежала к стойке сообщить о своем выигрыше.

Выигрыш оказался настолько большим, что вызвали дежурного распорядителя, который проверил билет. Затем по записям камер видео-

наблюдения было установлено, что приобрела его именно Шуми. Ее попросили задержаться для фотосъемки. По такому случаю в зал спустился сам управляющий.

Управляющий, Эдвин Ратледж, пожал Шуми руку.

— Поздравляю, — сказал он.

Они встали перед экраном с надписью: «**ДЖЕКПОТ — 9 ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫХ ЧИСЕЛ В ЛОТО: 741 299 ДОЛЛАРОВ**». Штатный фотограф казино сделал несколько снимков.

— Спасибо, — с сильным индийским акцентом поблагодарила Шуми.

— Как вы выбирали выигрышные числа? — спросил Ратледж.

— Просто наугад, — ответила Шуми. — Я только хотела показать билеты своя подруга в Мумбай. Я даже не думать, что выиграю.

— Как вы собираетесь распорядиться такими деньгами?

— Много отдам своя семья, — улыбнулась Шуми. — Они бедные. Это им очень поможет. И я куплю большая американская машина, чтобы ехать на ней в Индии.

— Спасибо, этого достаточно, — сказал фотографу Ратледж.

Фотограф удалился, а Ратледж повел Шуми к лифтам.

— Мисс Сингх, уверен, для вас это неизведанная территория. Я помогу вам сориентироваться.

— Вы важный человек, — возразила Шуми. — Мне не нужно помогать такой важный человек.

— Для меня это большая честь, — сказал он. — И это прекрасная реклама для «Вавилона». Крупный выигрыш — лучшая реклама для казино.

— Спасибо, мистер Ратледж, — сказала Шуми. — Что мы делать сейчас?

Ратледж нажал кнопку вызова лифта.

— Первым делом вам придется пообщаться с сотрудником налоговой службы. Он захочет получить свою долю прямо сейчас. Мы выдадим ему то, что причитается, а на остальное выпишем вам кассовый счет. Или, если хотите, мы можем расплатиться с вами наличными.

— Нет-нет, — рассмеялась Шуми. — Не наличные. Я не смогу идти со столько наличные.

Двери открылись, и они вошли в кабину. Ратледж провел по считывателю своим электронным ключом. Все горевшие кнопки этажей погасли, и зажглась самая верхняя. Они беспрепятственно поднялись на последний этаж.

Ратледж провел Шуми в пустой кабинет, отде-

ланный красным деревом.

— Извините, моя секретарша уже ушла домой, — объяснил он. — В конце концов, уже час ночи.

— Конечно, — сказала Шуми.

Ратледж открыл двустворчатые двери в свой кабинет, и там тотчас же автоматически зажегся свет. Он направился прямо к бару.

— Что будете пить?

Шуми прошла следом за ним.

— Я не пью, спасибо.

— Какая жалость.

— Где сотрудник налоговая служба? — спросила Шуми.

Ратледж жестом предложил ей сесть на мягкий кожаный диван.

— О, его здесь нет. — Он щедро плеснул себе виски.

— Почему нет? Разве правительство не хочет свои деньги?

— Никаких денег не будет. — Пригубив виски, Ратледж взял со стола папку. — У меня очень дотошная служба безопасности. Вы знали, что мы тщательно проверяем всех тех, кто выигрывает больше ста тысяч долларов?

Шуми стиснула губы.

— Нет, я этого не знала.

— Ваш акцент куда-то исчез. — Ратледж открыл папку. — Вам известно, сколько в мире Шуми Сингх? Много, поверьте. Но только одна из них гений-вундеркинд, защитившая докторскую по физике, математике и квантовой теории. Чертовское совпадение, вы не находите? Талантливая специалистка в области квантовой физики срывает джекпот на девять последовательных чисел через четыре дня после того, как мы установили квантовый компьютер. Да, примечание: вы *замужем за человеком, который его устанавливал.*

Шуми отвела взгляд.

Ратледж сел за стол.

— Лас-Вегас имеет дело со многими умными людьми, пытающимися нас обмануть. С *очень* умными людьми. Гениями, учеными, электронщиками — всем кем угодно. Они съезжаются сюда со всего света, чтобы проверить свои схемы. И они всегда изобретают какой-нибудь новый подход, который нам даже в голову не приходил. Потому что они умные. Как вы. — Он подался вперед. — Вы такая умная, что я не могу даже мечтать когда-либо стать таким же. И я не стыжусь в этом признаться. Однако опыт ничем нельзя заменить. Вы знаете все, что только можно знать

о квантовой физике, но у меня за плечами двадцать лет управления этим казино. А за плечами у Лас-Вегаса сто лет поимки чрезвычайно умных мошенников.

— Вы ничего не сможете доказать, — сказала Шуми. — А если вы не выплатите мне деньги, которые я выиграла, я подам на вас в суд.

— Ого! — удивленно поднял брови Ратледж. — А вы храбрая, следует отдать вам должное.

— Это сущая мелочь по сравнению с прибылью вашего казино, — продолжала Шуми. — Она не сто́ит того, чтобы вы тратили на нее свое время.

— Если у меня украдут хотя бы *четвертак,* я потрачу сотню тысяч долларов, чтобы поймать вора! — повысил голос Ратледж. — И дело тут не в прибыли; я поступлю так, чтобы защитить свое казино. В городе сотня других казино, готовых забрать моих клиентов. Даже тень слухов о мошенничестве или плохом руководстве ляжет пятном на нашем заведении, представив его второсортным. А в Лас-Вегасе нет места второсортным казино. Сюда не приезжают ради того, чтобы сходить куда придется. Сюда приезжают ради лучшего.

Передохнув, он вернулся к своему обычному голосу.

— По словам моего главного айтишника — который, кстати, сейчас очень переживает, — виной всему, скорее всего, является что-то под названием квантовая запутанность, не так ли? Я даже близко не понимаю, о чем идет речь, но он сказал, что наш модуль долговременной памяти был подключен к другому компьютеру вместе с еще одним модулем. Полагаю, ваш муженек приносил его к вам, прежде чем принести к нам.

— Теоретически, если такое произошло, — сказала Шуми, — кубиты в обоих модулях больше не связаны, и никак невозможно проверить, что они были когда-то связаны.

— Вот видите, вы опять начинаете умничать. Рассуждать как квантовый физик. — Ратледж покрутил виски в стакане. — А я больше склонен рассуждать как преступник. Наш модуль долговременной памяти в настоящий момент находится в изолированном помещении. Вы никогда не бывали там. Но я готов поспорить, что на модуле по-прежнему остались какие-то ваши микрочастицы — с прошлого раза.

Шуми широко раскрыла глаза.

— Да, умники попадаются на простейших мелочах. В общем, полиция уже направляется сюда.

— Что?

— Конечно, я мог бы поручить охране задержать вас. Но завтра все газеты кричали бы: «По приказу миллиардера из Лас-Вегаса громилы издеваются над запуганной иностранкой». Гораздо лучше заманить вас сюда и передать полиции.

Шуми вскочила на ноги.

— Лифт работает только от электронного ключа. Вы никуда отсюда не выйдете. — Ратледж поднял стакан. — Вы точно не хотите выпить?

— Подождите секунду… — сказала она. — Я думаю.

— О чем?

— Как выпутаться из этой ситуации.

— Мм, — сказал Ратледж, — у вас выхода нет. Полиция будет здесь через несколько минут.

— Значит, у меня есть несколько минут на то, чтобы подумать.

«Вот видите, вы опять начинаете умничать. Рассуждать как квантовый физик. А я больше склонен рассуждать как преступник».

* * *

Ратледж пожал плечами. К чести его надо сказать, он не злорадствовал. Казалось, он вообще не получал никакого удовольствия от происходящего. Дело было не в деньгах или в отмщении. Дело

было в уважении.

Шуми наморщила лоб. А это уже что-то.

Казино — его жизнь. Его детище. Миллиардеру не нужно вникать в повседневную деятельность своей компании. Ратледж запросто мог бы нанять для этого другого человека и проводить жизнь, разъезжая по европейским горнолыжным курортам и пляжам в Индийском океане. С такими средствами он мог бы делать все что угодно. И Ратледж пожелал руководить своим казино.

Пожелал, чтобы его уважали. Нет, не совсем так. Речь идет не о его личном тщеславии. Уважать должны казино. Почему? Потому что без этого уважения будет страдать бизнес. Значит, главное — успех бизнеса. А она своим мошенничеством поставила его под угрозу.

Вот он, ответ!

— У меня к вам предложение, — сказала Шуми.

— Прошу прощения?

Откинувшись назад, она сплела руки на коленях.

— Вы можете отменить вызов полиции и выплатить мне выигрыш.

— И с какой стати я должен так поступить?

— Мой муж уволится из «Куана-Тех», и мы с ним учредим новую компанию — выпускающую

качественные квантовые устройства для игорного бизнеса. Компания неминуемо добьется успеха, учитывая деловую хватку моего мужа и мои знания.

— Я по-прежнему хочу услышать, с какой стати я должен так поступить.

— Для того чтобы развернуться, одного нашего выигрыша будет недостаточно, — задумчиво произнесла Шуми. — Так что вам предстоит стать нашим ангелом-хранителем, анонимно вложившим в компанию крупную сумму.

— Господи! — рассмеялся Ратледж. — Я тут назвал вас храброй — это было явное преуменьшение. Вы граничите с безумием!

— Наша новая компания будет выпускать квантовые генераторы случайных чисел, — продолжала Шуми. — Наша продукция будет представлять собой просто коробочку, вырабатывающую на основе квантовых законов последовательность действительно случайных чисел и выдающую ее с определенной скоростью. Никакой конфигурации. Никакой операционной системы. Только один последовательный порт.

Ратледж поднял было палец и раскрыл рот, но остановился. Подумав, он наконец сказал:

— Такие коробочки захотят иметь все казино.

Их будут нужны сотни. По одной для каждого автомата для игры в покер, по одной для каждого лототрона и так далее. Блестящая бизнес-перспектива с огромным потенциальным рынком.

— Спасибо.

— С учетом этого я, пожалуй, принял бы участие в финансировании такого проекта. Но не с вашим участием. Вы по-прежнему отправляетесь за решетку.

— Нет, именно с моим участием. — Говоря, Шуми продолжала лихорадочно соображать — время поджимало. Когда прибудет полиция, все будет кончено. — Я хотела сказать, с нашим. Моим и моего мужа.

— Вы только что в буквальном смысле пытались меня обокрасть.

— Да, — кивнула Шуми. — То есть мы убедились в том, что я обладаю определенной моральной гибкостью.

— Какое мне дело до…

Встав, Шуми принялась расхаживать по кабинету.

— Мы будем продавать эти коробочки себе в убыток. По любой цене, лишь бы подавить конкуренцию и заставить всех покупать именно нашу продукцию. — Она заговорила быстрее. — Да. Это

привлечет все крупные казино. И разумеется, эти коробочки будут защищены от несанкционированного доступа. Нет, не просто защищены — в прямом смысле наглухо запечатаны, чтобы никто не смог изменить то, что внутри.

У Ратледжа на столе зазвонил телефон. Он нажал кнопку.

— Да?

— Сэр, прибыл наряд полиции, — послышался голос. — Они говорят, вы их вызывали.

— Да, пусть поднимаются сюда. — Завершив разговор, Ратледж снова повернулся к Шуми. — Продолжайте разглагольствовать.

По собственному опыту Шуми знала, что на последний этаж лифт поднимается примерно полторы минуты. Девяносто секунд — вот сколько времени у нее осталось. Она хлопнула ладонями по столу.

— В заранее определенный момент времени, скажем, через пару лет, все генераторы случайных чисел одновременно откажут. Потому что мы с самого начала так их запрограммируем.

Ратледж нахмурился. Можно ли было считать это искоркой интереса?

— Определите, что значит «откажут».

— Все они начнут выдавать последователь-

ности из одних нулей. Игровые автоматы, использующие их, выйдут из строя, потому что программное обеспечение не готово к тому, чтобы каждый раз получать одно и то же «случайное» число. В лучшем случае они отключатся. Возможно, какие-то системы продолжат работу, раз за разом выдавая одинаковый результат. Это будет еще хуже — особенно если этот результат окажется выигрышным. Во всех казино Лас-Вегаса начнется полный хаос.

До Ратледжа наконец дошло. Он поднял взгляд на потолок.

— Кроме «Вавилона».

— Точно! Кроме «Вавилона». — Шуми ткнула в него пальцем. — Потому что у вас уже была установлена другая система. И вы просто скажете, что у вас не дошли руки ее заменить. Вам повезло. И что будет потом, мистер Ратледж? Что произойдет, когда «Вавилон» останется единственным казино в Лас-Вегасе с работающими игровыми автоматами?

— Мы заберем себе всех клиентов. Всех до одного! — Залпом допив виски, он крутанулся в кресле к окну, из которого открывалась панорама города. — А наши конкуренты потеряют миллионы долларов!

Шуми обошла вокруг стола.

— На то, чтобы переоснастить все автоматы, потребуется время, — сказала она. — Вернуться к старым, неквантовым генераторам случайных чисел будет нельзя. К тому времени у всех уже будут квантовые компьютеры, способные взламывать генераторы псевдослучайных чисел. Нужно будет устанавливать центральный квантовый генератор случайных чисел, как это сделали вы.

Ратледж почесал подбородок.

— Острая нехватка таких систем вызовет еще большее промедление. У нас будет неделя, а то и две, полного контроля над рынком игровых автоматов. Гм.

Встав рядом с ним, Шуми устремила взор на пребывающий в блаженном неведении город.

— Разумеется, задолго до этого дня мы с мужем начнем новую жизнь, с чистого листа, где-нибудь далеко отсюда, а вы заплатите нам кругленькую сумму. Скажем, десять миллионов долларов? Малая толика от того, что вы получите.

Ратледж молчал.

— Это шанс, мистер Ратледж. Сопряженный с большим риском, но способный принести огромный выигрыш. По-моему, в глубине души вы

азартный игрок. Ну что скажете?

Лифт звякнул, и двери кабины открылись. Двое полицейских прошли через приемную в кабинет. Один был молодой и жилистый, другой минимум на двадцать лет старше. Тот, что постарше, очевидно, старший, сказал:

— Мы получили вызов, что нужны вам.

Ратледж развернулся в кресле лицом к ним.

Он посмотрел на Шуми, затем снова на полицейских.

— Присутствующая здесь миссис Шуми только что выиграла больше семисот тысяч долларов. Она впервые в нашей стране. Вы не могли бы проследить за ее безопасностью, когда она вернется к себе в гостиницу?

— Разумеется, — ответил полицейский. — Примите наши поздравления, мэм.

Шуми облегченно выдохнула.

— Спасибо. Мистер Ратледж, если ваше предложение еще в силе, думаю, я все-таки выпью. Двойной джин с тоником и щедро выжатым лаймом, если можно.

Улыбнувшись, Ратледж направился к бару.

— С удовольствием.

ОБ АВТОРЕ

Энди Вейер

Американский писатель. Двадцать лет работал программистом, пока не получил известность после экранизации Ридли Скоттом его дебютного романа «Марсианин» (2014). Живет в Калифорнии.